

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
куририни

Ричард Длинные Руки —
куририни

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — паладин Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — арл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бурграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оберлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — гротграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — лауграф
Ригард Длинные Руки — фрейграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — рауграф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — фюрст
Ригард Длинные Руки — курфюрст
Ригард Длинные Руки — гротсфюрст
Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — князь
Ригард Длинные Руки — эрцфюрст
Ригард Длинные Руки — рейхсфюрст
Ригард Длинные Руки — принц
Ригард Длинные Руки — принц-консорт
Ригард Длинные Руки — вице-принц
Ригард Длинные Руки — эрцпринц

Ригард Длинные Руки —
куриринц

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
куририни

ЭКСМО
Москва

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета
использован рисунок *В. Коробейникова*

О-66 Орловский Г. Ю.
Ричард Длинные Руки — курпринц : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2013. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-61529-2

Крестоносец и паладин, сэр Ричард вынужден вести армию на север, скрывая в обозе магов и чародеев, но такое раскроется рано или поздно. И ему придется держать ответ перед строгой церковью и еще более строгой инквизицией...

...если не успеет принять меры раньше.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-61529-2

© Орловский Г. Ю., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Если бы Бог на один день даровал мне свое всемогущество, то увидел бы, как бы я изменил этот мир! Но если бы он даровал мне и свою мудрость, я оставил бы все как есть.

*Жак Монсабре (1827—1907),
проповедник-доминиканец*

Часть 1

Глава 1

Солнце выглянуло из-за туч, косые лучи с силой ударили в замок лорда Джордана Беверейджа, владетельного лорда Бармачшира и Тюрстера. Последний крупный замок по эту сторону границы, как мне объяснили, дальше еще несколько мелких не столько замков, сколько поместий, а потом уже граница с Ирамом.

Замок вспыхнул золотым огнем, красивый и радостный, как мне показалось, и лишь через минуту я сообразил, почему сердце тревожно дрогнуло, а потом застучало чаще.

Дорога под копытами наших коней делает дурацкую петлю, как это часто бывает, без всякой видимой причины, замок начал медленно поворачиваться другой стороной, затем нелепый поворот закончился, замок снова повернулся и смотрит золотом стены из оранжевого песчаника, свежей зеленью, охватившей первый этаж и карабкающейся выше, однако перед моими устранными глазами осталась картинка другой стороны: сожженной страшным пламенем, с потекшим от звездного жара камнем, наплывами внизу, похожими на застывшие волны моря.

Сама стена показалась мне угольно-черной с редкими вкраплениями то ли расплавленного металла, то ли еще чего, с той стороны и земля сожженная, в трещинах, откуда время от време-

ни выплескиваются мелкие, но опасные даже с виду красно-желтые гейзеры.

Странное дело, дорога раздваивается, и одна ее половина, красиво изгибаясь, ведет к воротам замка с праздничной стороны, а другая, изогнутая точно так же, симметрично, исчезает прямо в стене, поврежденной ударом чудовищной температуры.

Рядом на прекрасном коне, укрытом дорогой попоной, покачивается в такт скачке Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля, а также граф, щеголеватый, как и его конь, даже султанчики у них одинаковые, только у коня закреплен между ушами, а у Альбрехта на кончике шлема.

У развилки дороги он даже придержал в изумлении коня, всматриваясь, сказал ошеломленно:

— Что за... это же каких размеров должен быть дракон, чтобы вот так дунуть?

— Да, — согласился я, — не из самых мелких. Не отвлекайтесь, дорогой друг. Места здесь не слишком удобные, а вот армия у нас все растет...

Конники Норберта уже маячат впереди с разноцветными флажками в руках. Остальные носятся, как суетливые муравьи, показывая прибывающим, где каким подразделением размещаться.

С холма, где я остановил Зайчика, видно, как красиво и торжественно неспешно вливается стальной поток рыцарей и закованных в металл тяжелых всадников в долину, начинает заполнять ее, как блестящая ртуть, хотя и оставляет в центре место для пехоты Макса.

Вся она здесь не поместится, две трети идут сзади за обозом, а через неделю после отдыха именно пехота выступит в поход первой, а конница двинется на сутки-двое позже.

— А к Беверейджу? — спросил Альбрехт. — Он ждет в гости!

— Заглянем, — ответил я. — Как только, так сразу.

— Здесь принято, — напомнил он, — командующий войсками отдыхает в замке хозяина земель, по которым идет армия.

— Мы вводим свои правила, — ответил я. — И даже свою моду... если получится. А к лорду Беверейджу обязательно заглянем.

— И у него нет дочери, — напомнил Альбрехт с ехидцей. — Вам ничего не грозит, сэр Ричард!

— Знаете, — сказал я с неудовольствием, — не надо обо мне создавать... компрометирующих легенд.

Через час в долине все улеглось, армия расположилась на отдых, быстро установив шатры и палатки, распределив все необходимые службы. У немногих костров уже поджаривают хлеб, точат мечи и подшивают подошвы на прохудившиеся сапоги.

Мой шатер пламенеет в центре, таково решение военачальников, дескать, пурпурный должен быть только у сэра Ричарда, остальные пусть довольствуются другими цветами. Попроще.

Я проехал по лагерю больше для того, чтобы меня увидели, все должны понимать, что лорд с ними, а так вообще-то все отлажено, не первый привал.

Зигфрид посматривал за мной с подозрением в глубоко посаженных глазах, а когда я повернул Зайчика к выезду из лагеря, вскричал достаточно гневно:

— Ваше высочество! В замок?

— Чего? — ответил я. — Не возьму. Хочу сначала немного осмотреть окрестности, а у тебя коняка черепашистая.

— Уже нет, — заверил он победно. — Мне Норберт дал одну из лучших. А ехать вам одному туда на ночь?

— И что?

— Забыли, что стряслось в том замке?

— Дважды на одну воронку, — напомнил я, — ворон не падает. Все обойдется.

— Нет, — сказал он упрямо, — я поеду с вами. Мне и сэр Норберт снова напомнил.

— Еще бы, — сказал я. — Хорошо, но только с условием...

— Ваше высочество?

— Ты будешь звать меня Ричардом, — напомнил я, — или сэром Ричардом, как тебе удобнее, но не этим высочеством. Забыл, как мы встретились, когда ты всех встречных задираешь насчет своей леди Коффаны?.. Уже не помнишь? Я тогда только-только стал паладином и на тебе первом испытал умение заживлять раны.

Его широкое лицо расплылось в довольной улыбке.

— Это когда вы в пост совершили чудо, превратив порося в караса?.. Помню... Еще кого-то берем?

— Никого!

В этих краях следы давней катастрофы заметны отчетливо: отдельные пласты земной коры либо выше соседних, либо ниже, некоторые застыли с наклоном, зато нет глубоких ущелий, напротив — пласты после разлома повторными толчками сдвигало с такой силой, что края выдавливало наверх безобразными валами.

Мы двигались рысью, на такой местности не разогнаться даже на арбогастре, Бобик весело играл с нами в прятки между камней. Зигфрид все тот же могучий рыцарь, чистосердечный, открытый, слева у седла знакомый мне длинный треугольный цельнометаллический щит с затейливым гербом, хотя и чувствуется, как его подновляли и перерисовали десятки раз, после того как бронники выправят вмятины, чеканка носит явные следы сен-мариской изящности.

Некоторое время мы двигались бок о бок. Воспоминания о старых добрых временах нахлынули с такой силой, что я вспомнил о Сигизмунде, тогда мы вдвоем встретили Зигфрида, странствующего рыцаря, но сейчас Зигфрид уже не кажется мне таким ужасающе могучим, как тогда, это я сам взматерел, раздался, нарастил мяса на кости...

Из-за каменного гребня, похожего на спину окаменевшей ящерицы высотой с двухэтажный амбар, донесся глухой рев, полный ярости и раздражения. Бобик насторожился.

Зигфрид тут же взял в руку клиновидный топор на длинной металлической рукояти, любимое его оружие, хотя рукоять меча тоже с готовностью выглядывает из ножен и просится в ладонь.

— Сэр Ричард, — сказал он предостерегающе.

— Только взгляну, — ответил я. — А вдруг оно нападает на безоружных крестьян?

Он буркнул:

— Мужчины должны сами защищать себя и своих женщин.

Я хотел соскочить с седла, но Зайчик фыркнул и пошел наверх, ловко прыгая по камням. Гребень приближается с каждым шагом, за спиной Зигфрид спрыгнул и с руганью тащит своего коня в поводу.

С той стороны рев прозвучал громче. Гребень опустился, я увидел внизу в окружении острых скал на ровной каменистой земле ярко-красную пентаграмму с горящими черным огнем свечами по углам звезды.

Огромный зверь, похожий на мышь размером с быка, с раздраженным ревом бежит по кругу. В центре пентаграммы сидит, испуганно сжавшись в ком, обнаженная женщина с распущенными волосами, что закрывают ее тело чуть ли не полностью, а зверь время от времени с яростным рычанием бросается на незри-

мую стену, царапает острыми когтями и пытается ухватить зубами, но та пока держится, и он носится вокруг, пытаясь отыскать место, где сумеет прорваться.

Зигфрид с пыхтением поднялся ко мне, глаза его расширились, а пальцы выпустили повод коня.

— Что за... тварь?

— Это ты о ком из них? — спросил я.

— Сэр Ричард!

— А что, — сказал я раздраженно. — Эта дура решила попробовать себя в колдовстве. Вот и допробовалась.

Зигфрид сказал торопливо:

— Надо спасти ее!

— Колдунья, — напомнил я строго.

— Но эта тварь ее в конце концов достанет! Такая защита не держится долго...

— А мы сожжем на костре, — напомнил я. — И такое сочное мясо превратим в пепел, нерационально. Так пусть хотя бы животное покусает. Смотри, какое худое!

Женщина увидела упавшую на нее тень, вздрогнула, но, рассмотрев нас, торопливо опустила голову на колени.

Зигфрид сказал решительно:

— Нет, сэр Ричард!.. Негоже оставлять в беде женщину! Пусть она даже трижды колдунья.

— Подумай о костре, — напомнил я.

— То будет завтра, — крикнул он, — а это... сегодня!

Он начал спускаться по косогору на ту сторону. Я сказал в спину, чувствуя себя абсолютно правым, но от этого чем-то неполноценным и неправильным:

— Запрещать не могу и не буду, это твоя личная жизнь! Только учти, благодеяния не остаются безнаказанными даже среди мужчин, а уж женщина... Еще до

костра она точно в ответ наведет на тебя какую-нибудь порчу.

Он обернулся, взглянул снизу вверх.

— Но я не могу иначе!

— Почему?

— Я рыцарь, — напомнил он с достоинством. — Я клялся помогать тем, кто не может помочь себе сам.

— Ну смотри, — сказал я. — Здесь ты волен. Но лучше бы впустил в круг ту зверушку. Нет человека, нет проблемы.

Камни под ногами Зигфрида посыпались вниз. Зверь заметил спускающегося человека в доспехах. Женщина тоже вскинула голову, ее глаза со страхом и недоверием впились в могучую фигуру рыцаря с обнаженным мечом в руке.

— Дурак, — сказал я с отвращением.

Зигфрид прикрылся щитом, сгорбился и пошел на зверя, держа меч наискось. Тот резко развернулся в его сторону, щели глаз вспыхнули красным огнем.

По моей шкуре дунуло холодным ветерком, пасть у этого чудовища оказалась шире, чем мне казалось. И зубы в три ряда, мелкие, однако именно такие способны крошить даже камни.

— Оно быстрее, — крикнул я сверху, — чем ты думаешь. Береги руки!

Зигфрид приблизился еще на шаг, а я снял лук и наложил стрелу. Зверь прижался к земле, спина выгнулась горбом, мышцы вздулись отчетливо, а Зигфрид в момент его прыжка метнулся вперед и, падая на землю, выставил меч вверх, крепко держа обеими руками.

Я поднял лук, Зигфрид исчез под чудовищной тушей, зверь пытался ухватить врага. Я слышал скрежет и треск металла, но одновременно и болезненный рев.

Монстр приподнялся, и Зигфрид выкатился из-под его туши, все так же с прижатым к себе щитом, где край на две ладони уже отгрызен.

Я опустил лук, зверь серьезно ранен в брюхо, двинулся на человека, но правая передняя подгибается, пошел было в сторону, с трудом выровнялся. За ним потянулась широкая лужа крови, и, как я догадываюсь, там сейчас в широкую рану вываливаются кишки.

Зигфрид поднялся на ноги и, сильно прихрамывая, отодвинулся, все так же сохраняя боевую стойку. Блестящий металл на правой ноге потемнел и весь изжеван, словно по нему несколько раз ударили шипастой булавой.

Я крикнул:

— Раненый зверь опасен!

— Да ну? — ответил он хриплым голосом. — Вот уж новость...

Женщина уже поднялась, измученная и сгорбленная, как мокрая ворона, обхватила себя руками и не отводит жадного взгляда от схватки. Лицо бледное, ни кровинки, во взгляде отчаянная надежда.

Зверь сделал рывок, но в последний миг лапа подломилась, он с глухим болезненным ревом сунулся мордой в ноги дерзкому вместо того, чтобы всей пастью ухватить его за голову и разом покончить схватку.

Зигфрид моментально вскинул меч и, отшвырнув щит, обрушил страшный удар. Мне показалось, сталь не разрубит огромную голову, однако раздался треск, Зигфрид вскрикнул от боли в руках, стальная полоса вошла в толстый череп на две ладони.

Зверь задержался, приподнялся в последнем усилии и тут же ткнулся мордой в стальные сапоги рыцаря. Меч остался в расколоте черепа.

Я крикнул:

— Поздравляю!..

Он поднял забрало, лицо усталое, поплевал на ладони и ухватился за рукоять меча. Лицо побагровело, задержал дыхание. Послышался скрип, лезвие пошло вверх.

Женщина все это время не отрывала взгляда от рыцаря, а Зигфрид вытер меч о кожу чудовища, бросил его в ножны и повернулся к женщине.

Она все так же неотрывно всматривалась в его лицо. Он протянул ей руку, но пальцы уперлись в незримую стену. Женщина медленно выпрямилась во весь рост. Черные, как смоль, волосы скользнули по нагому телу, старательно укрывая его от взглядов, но белая грудь все равно бесстыдно раздвинула эти шторы и высунулась наружу.

— Зигфрид, — крикнул я. — Ты уже убил эту зверушку!.. А женщину оставь, дальше пусть сама!

Женщина протянула ему руку, не сводя с рыцаря испытующего взгляда. Кончики их пальцев соприкоснулись, Зигфрид ухватил ее за кисть и дернул так резко из пентаграммы, что она с размаху налетела на его стальную грудь.

— Зигфрид, — сказал я с предостережением.

Он ответил, не глядя на меня:

— Мы не можем оставить ее вот так!

— Почему? — спросил я.

— Она истратила все силы, — ответил он. — И сейчас упадет...

Он сорвал с плеч плащ и укутал ее обнаженное тело со старательностью целомудренного медбрата.

Когда они вскарабкались ко мне на гребень, Зигфрид почти нес ее на руках, я сказал женщине сурово:

— Мы — крестоносцы, ведьм отправляем на костер! Ты поняла?.. Потому тебе нельзя принимать любезное предложение моего друга, он слишком добр и чистосердечен. Не понимает, что обрекает тебя на смерть.

Она вздрогнула, увидев Адского Пса, явно заколебалась, поглядывая быстро то на меня, то на Зигфрида, наконец сказала решительно:

— Я поеду с ним.

— Ты хоть меня слышала? — спросил я с досадой.

— Я рискну, — ответила она. — Все равно моя жизнь оборвалась бы скоро.

Он поднялся в седло, а ей подал руку. Она ухватилась крепко, и он вздернул ее к себе, усадив за спиной.

Я сказал резко:

— Слушай меня, дура!.. Магия у нас запрещена. Ведьм сжигаем или топим. Потому ты если хоть в чем-то... поняла? Но ты можешь лечить раненых, если умеешь, это богоугодно. В этом случае епископ закроет глаза, если сделаешь это даже не молитвами.

Зигфрид посмотрел на меня с благодарностью, а она сказала торопливо:

— Спасибо, ваша милость!

— Не за что, — ответил я, злой за уступку политики человечности, — лечить ты все равно не умеешь, а вот порчу...

Зигфрид вскрикнул:

— Ваше высочество!

— И еще, — предупредил я жестко, — что бы ни случилось дурное в армии или в лагере, тут же подумают на тебя.

Она вскрикнула:

— Я не стану...

— Это неважно, — прервал я. — Люди мало обращают внимание на разумные доводы. И тебя могут забить на месте до того, как прибежит епископ и велит тебя милосердно сжечь, чтоб не проливать крови. Но мне тебя не жалко, однако погибнет и Зигфрид, что бросится тебя защищать.

Она прижалась к спине Зигфрида и, похоже, ощутила, что так и будет. Помрачнев, произнесла тихо:

— Если этот благороднейший из рыцарей все еще берет меня, то я рискну.

Зигфрид сказал быстро:

— Нельзя ее оставлять ни здесь, ни в лагере. Я быстро отвезу ее в город к ее родителям и сразу вернусь.

— Мы едем в замок сэра Джордана Беверейджа, — напомнил я, — владетельного лорда Бармачшира и чего там еще.

Он сказал виновато:

— Я вас догоню там. Уж постарайтесь не... лезть под нож!

— Если и зарежут, — сказал я ворчливо, — ты будешь виноват... Ладно-ладно, не терзайся. Сам знаешь, никто на меня не набросится... в первый же день. Да и собачка рядом со мной спит, а ты уже знаешь, что это за комнатный песик... Езжай.

Глава 2

Женщина лишь однажды оглянулась, я почувствовал на себе ее беглый, но очень ощутимый взгляд, но и потом, когда конь Зигфрида умчал их в направлении стен далекого городка, я чувствовал некую странность в случившемся. Только бы Зигфрид не пострадал...

Арбогастр едва дождался, когда можно будет вскачь, ветер зашумел было над головой, но замок уже рядом, по обе стороны дороги пошли и даже побежали цветущие кусты. На некоторых уже темнеют ягоды, запах приторно-сладкий.

У замка ни высокого вала, ни рва с подъемным мостом, просто ворота в стене высокого здания, и, когда мы въехали под своды, я заметил в потолке зубцы под-

нятых металлических решеток, что могут обрушиться и заключить всех прибывающих в отдельные клетки.

Двор невелик, весь из добротного гранита, как стены, так и плиты под ногами.

Донжон впечатляет, эти массивные глыбы громоздили одна на другую циклопы, окна начинаются с третьего этажа, но узкие, снаружи не влезть, а изнутри удобно вести стрельбу из луков и арбалетов.

Из донжона быстро вышел и почти сбежал по ступеням непомерно худой и высокий мужчина, такие в дверях не просто нагибают головы, а гнутся в пояс, дабы не расшибить лоб. Широкий в плечах, руки не толстые, но жилистые, лицо худое, даже аскетичное, но тем заметнее живые черные глаза, четко вырезанный нос с подрагивающими ноздрями и выступающий подбородок, что говорит о силе характера и неуступчивости.

Он отвесил быстрый поклон.

— Ваше высочество...

— Лорд Беверейдж, — ответил я. — Здравствуй-те, сэр Джордан! Вы первая могучая крепость на пути врага?

— Увы, — ответил он, — мы не смогли остановить противника. Прошу вас, ваше высочество! Будьте моим гостем, чувствуйте себя свободно, как дома.

Я подавил в себе плебейскую жажду сразу спросить в лоб, что у них за такой странный замок, уверен, все идиоты допытывались при первой же встрече, поклонился учтиво и пошел в прохладный и просторный холл, чуть затемненный, зато дальше в зале светло, как за счет окон, так и благодаря напольным светильникам возле дверей.

В главном зале дожидаются три женщины, все немолоды и чем-то похожи, хотя и заметно, что та, ко-

торая на полшага впереди, — хозяйка, а остальные — подруги или фрейлины.

— Моя супруга, — сказал сэр Джордан, — леди Мелисса.

Я поклонился, а она в свою очередь церемонно присела, а оттуда, из низкого приседа, проворковала:

— Ваше высочество...

— У вас так мило, — сказал я.

— Мы привыкли, — произнесла она просто, заранее отвечая на невысказанный вопрос. — Вы у нас хорошо отдохнете, ваше высочество. Ваша армия останется здесь на неделю... или больше?

Я заметил осторожно:

— Вы сразу схватываете суть, леди Мелисса.

— Мой муж двадцать лет водил королевские войска, — ответила она с улыбкой. — Я все знаю о переходах и ночевках. Вам понадобится не меньше недели на отдых. Я имею в виду армию.

Из дальней двери появился невысокий человек в очень ярком костюме и туфлях с настолько высоко задранными носками, что кончики привязал золочеными шнурками к поясу.

Сэр Джордан сказал с затаенной усмешкой:

— Мой управитель Ховард. Он покажет вам ваши покои и даст любые объяснения по замку.

— Отлично, — сказал я. — Не буду больше отнимать у вас время.

Мы раскланялись, управитель после церемонного поклона пошел к той же двери, из которой появился, а там мы начали подниматься по широкой мраморной лестнице, такую бы в королевский дворец, а не в суровый замок.

— Интересная архитектура, — заметил я. — Изыск! Правда, на любителя.

Он покосился на меня с недоверием, в самом ли деле интересуюсь, ответил с таким глубоким почтением, что явно адресовано не мне:

— Строил этот замок барон Гогенцоллерн-Зигмаринген со своими друзьями. Откуда прибыли, в летописях не сказано, но выстроили это здание удивительно быстро. Сейчас бы сказали, помогала нечистая сила, но тогда церковь еще не пришла в эти земли, жизнь только выползала из нор.

— Своеобразная архитектура, — заметил я. — Весьма как бы. Интересное решение фронтона и полупилонов, а также флористический дизайн, что эстетически формирует человека, выражая художественные идеи в непонятных для непосвященных образах... Надеюсь, это строение существует в пространстве и времени, не изменяясь и не развиваясь, как всякие прочие.

Он покосился на меня в испуге.

— А что, есть и такие, что развиваются?

Я воскликнул:

— А вы не знали? Есть ряд проектов, в которых замки сами видоизменяются со временем! Более того, даже в течение одного периода могут менять форму и окраску стен в зависимости от этнической или расовой принадлежности владельцев... ну, это как бы далеко отсюда, объяснять долго, да и незачем, мы же просто, как эстеты, эстетствуем, умничаем и как бы любимся?

Он промямлил на ходу:

— Ну да, как бы ага...

— Ландшафтная архитектура, — сказал я с апломбом, — на высоте, как и архитектура малых форм... я об этих державках для факелов, какое дивное изящество!.. Это не леди Мелисса создала?.. Нет?.. Странно, я даже не думал, что у кого-то еще найдется такой дивный вкус, так ей и передайте... Ах, у Древних?

Мы поднялись по лестнице на этаж, но управитель не остановился, только шаг замедлил, глаза вот такие, уши шевелятся, я же не только красавец, но и умница редкого разлива, слушает, как я рассуждаю с апломбом ценителя:

— Вот здесь чувствуется барокко и ар-деко, как удивительно гармонично, кто бы подумал! А эта готика в сочетании с динамической архитектурой?.. Прэлэстно, прэлэстно... Мьюз, настоящий мьюз!.. А еще деконструктивистский морфогенез!.. Не так ли?

Он проблеял жалко:

— Ну да...

— Недаром мой дедушка говорил, — сказал я со вздохом, — искусство архитектора заключается в том, чтобы превратить дешевый камень в камень из чистого золота.

Он слушал с возрастающим восторгом, наконец, опомнившись, произнес виновато:

— Ваше высочество, позвольте покажу ваши покои!..

— Да, конечно, буду рад.

Он помялся, прибавил извиняющимся тоном:

— Только я порекомендую вам, как знатоку и ценителю, несколько другое, чем то... что мы выбрали для вас вначале.

— Прекрасно! — воскликнул я с энтузиазмом. — Обожаю, когда жизнь меняется к лучшему!

Поднялись еще на этаж, он подвел к самым роскошным дверям на этаже и коснулся выступающей медной головы дракона.

— Прошу вас.

Я с порога понял, что здесь даже императоры не смогут придраться к убранству. Не только пышность, но и величие. Сами стены дышат уверенностью и ощущением значимости, только одна мелочь слегка поко-

робила: на одной из полок, украшенной орнаментом из золота, выстроились в ряд несколько человеческих черепов разной величины, от размеров с кулак до лошажьеобразного, но все же человеческого.

Управитель начал показывать и объяснять, что тут и зачем, но я вежливо прервал:

— Вообще-то гостям всегда и везде прежде всего показывают комнату, где можно помыть руки.

Он в недоумении раскрыл рот.

— Руки? Зачем их мыть?

— Можно не мыть, — сказал я терпеливо, — какой дурак их там моет, если говорить правду, но делают вид, что моют, а на самом деле...

Я объяснил просто и доходчиво народным языком, зачем гостям в первую очередь нужно показать эту самую комнату. После третьего повторения он понял, хотя так и остался с раскрытым ртом, не понимая, почему это простое и нужное деяние заменяется ненужным эвфемизмом «мыть руки».

Он терпеливо дождался, пока я помыл руки, а то и ноги, я не спешил, а когда я неторопливо вышел, угодливо поклонился.

— Что-то желаете еще?

— Уже нет, — ответил я. — Кстати, вот эти черепа... Они что-то умеют делать?

Он воззрился на меня в удивлении.

— А зачем бы их здесь держали? Не из-за красоты же!

— Ну да, — пробормотал я в замешательстве, — в самом деле, вкусы у вас вроде бы мужские... ну, в смысле, без выпендренности и всякого такого.

В коридоре пронесся топот, словно на своем гиганте скачет, задевая стены, Сулливан, но в комнату ворвался запыхавшийся Зигфрид, быстро зыркнул по сторонам.

— Ваше высочество!

— Зигфрид, — сказал я с неудовольствием, — здесь только мы. А это управитель замка, он уже уходит.

Управитель поклонился и торопливо выскользнул за дверь в коридор.

— Ричард, — сказал Зигфрид, нехотя вспомнив про мое требование к старым друзьям обращаться по имени, — это свинство! Я должен в любое помещение входить первым, иначе какой я телохранитель!

— Здесь меня никто не ждал, — напомнил я, — а чтобы подготовить покушение, нужно столько времени и усилий, что мы отсюда уйдем раньше, чем гнусный враг узнает, где мы прячем деньги и шкуры.

Не слушая меня, он прошелся вдоль стен, ошупывая их не только взглядом, но кое-где простукивая кулаком или костяшками пальцев, но двигался быстрее, не замирал, как я, перед стеной, рассматривая ее бараньим взглядом.

Я все еще пытался понять, зачем это было сделано, а он возник за моей спиной, спросил тревожно:

— Что-то чувствуете?

— Да, — ответил я.

— Ловушка?

— Пока не понял, — ответил я.

Он обернулся и посмотрел на меня очень внимательно.

— Сэр Ричард... а вы случайно не...

— Совершенно не, — ответил я. — Но я паладин.

Он пробормотал:

— Паладины вроде бы только лечат...

— У тебя устаревшие сведения, — сказал я. — А превращение порося в карася?.. Кстати, что с твоей спасенной? Ты вообще-то быстро. Сбросил с седла по дороге?

— Довез до города, — сказал он быстро и отвел взгляд, — дал ей немножко монет и оставил.

— Ну и молодец, — одобрил я, — а то мог бы нынчиться и дальше. Иногда такая дурь на всех нас находит.

Он покачал головой.

— Мы должны спасать... а вытирают носы себе пусть сами.

Оба окна выходят на ту сторону двора, где стена и земля вокруг страшно оплавлены, но человек ко всему привыкает, иначе бы сэр Джордан давно бы отсюда убежал, бросив бы даже замок.

Я прошелся по комнате, стараясь понять, что в ней такого, из-за чего по спине прокатываются волны предостерегающего холода. Еще не сигнал об опасности, просто предостережение, мол, здесь на самом деле не все такое, каким выглядит.

Окна красивые и соразмеренные, но слишком далеко одно от другого, между ними должно быть еще одно, если мне как-то не изменяет мое врожденное, но обычно сильно дремлющее, а то и вовсе часто впадающее в спячку эстетическое чутье.

Подошел ближе к этому месту, что-то в нем неправильное, осмотрелся, вроде бы едва заметная дымка, слегка мерцающая, как будто комары толкуются в теплом вечернем воздухе, пощупал стену.

Там за примитивным гобеленом каменная кладка, однако камни несколько иные, то ли гранит и песчаник, то ли одни обработаны чем-то, а другие нет, но когда провожу пальцами по стене, перед глазами обрисовывается контур...

...нет, не окна. Здесь была дверь, ее заложили отесанными глыбами, замазали щели, сверху навесили гобелены. Это понятно, та половина здания сгорела в дьявольском огне, дверь уже никуда не ведет, потому

ее заложили, а справа и слева прорубили окна, так как эта стена теперь стала внешней.

С другой стороны, проще было и дверной проем превратить в оконный, было бы три окна, что так напрашивается по композиции, пропорциям и соразмерности помещения.

Я пощупал стену, странное ощущение, за стеной что-то есть, почти осязаемо чувствую целый зал или хотя бы большую комнату, хотя, если выглянуть в окно рядом, то лишь выжженная земля, красные лужи расплавленного камня и крохотные гейзеры, вздымающиеся на половину ярда...

За спиной Зигфрид спросил с напряжением в голосе:

— Там что-то спрятано?

— Вряд ли, — ответил я рассеянно. — Ты ляжешь спать здесь?

Он покачал головой.

— Вообще не лягу. А дежурить буду с той стороны двери. Чтобы никто не подошел и близко.

— Хорошо, — ответил я кротко.

Он понял правильно, повернулся и вышел. Я пощупал сперва браслет, полученный в наследство от Хиксаны Дэйт, но тот остается просто украшением, затем решительно повернул кольцо на пальце, тоже от нее же, и почти ощутил, как стена разом стала иной, хотя внешне это все тот же плотный камень.

Я наклонился и, набрав в грудь воздуха, присел на корточки и сунул в стену голову, готовый в любой момент рвануться обратно.

Когда перед глазами вспыхнул красный свет, я чуть ли не дернулся взад, однако успел сообразить, что это не расплавленная земля и озера кипящей лавы, а своеобразный рисунок на блестящих плитах пола.

Я торопливо воздел себя на ноги, а то уже погрузился по щиколотки, с силой вдавился в стену, делая ша-

ги, словно поднимаюсь по ступенькам, чтобы держаться на горизонтальной поверхности.

Стена показалась не такой плотной, как в прошлые разы, я вышел в залитом ярким солнечным светом зале, однако над головой вместо неба высокий каменный свод, хотя впечатление такое, что солнце светит прямо через него.

Замерев, я быстро повернул кольцо, пол сразу потвердел и перестал вести себя, как жидкая глина, а я прислонился к стене и торопливо оглядел весь зал в тепловом, запаховом и всех диапазонах, что, подозреваю, все еще расширяются.

Зал огромен, словно в нем собираются великаны, весь из золота, так выглядит. Во всяком случае, все залито оранжевым светом. Посреди зала обрамленное золотистым бортиком озеро с фонтаном, что красиво разбрасывает струи вверх и в стороны, но ни одна капля не падает за пределы фонтана. В стенах огромные ниши, где поместились бы небольшие небоскребы, но сейчас там статуи воинов в старинных доспехах, некоторые в спокойных позах, другие в воинственных. Над нишами очень богатый орнамент, элементы растений перемежаются с крыльями бабочек и совсем уж символическими фигурками...

Рядом со мной на стене щит старинного образца: круглый, с вырезом в виде полумесяца сверху, я узнал щит знаменитых гоплитов. На щите барельефом с жуткой экспрессией изображена голова разъяренной женщины, черные волосы толстыми прядями вокруг головы... мгновение спустя я понял, что это не пряди, а змеи, извивающиеся и со злобно оскаленным пастьми.

Я смотрел на лицо женщины, холод вошел в мое тело, сперва заледенил кожу, потом кровь, начал пробираться глубже. А я таращил глаза в ужасе, понимая, что это и есть та самая Медуза, прекрасная титанида, кото-

рую зверски изнасиловал Посейдон, после чего у нее в глазах застыла такая горечь и ярость, что всякий, на кого она посмотрит, превращался в камень...

Я с трудом оторвал взгляд, захолодевшее тело едва не пошло трещинами, а я часто хватал ртом воздух и со злостью думал о неведомом художнике, нашел же, гад, как применять талант. Ну что за дурь, делать пугалки и страшилки, сердце чуть не выскочило, до сих пор ноги холодные, а мог бы о добром и вечном...

Глава 3

Она вошла нечеловечески спокойная, идеально прекрасная с теми миндалевидными глазами, при взгляде на которые начинает стучать сердце, а душа замирает в тоске по чему-то высокому и неизведанному.

Лицо все так же совершенно, как и при нашей первой встрече, губы полные и алые, красиво и подчеркнута чувственно вывернуты.

Я засмотрелся на ее остроконечные уши с теми же массивными серьгами в мочках, а она повернулась ко мне, в ее взгляде абсолютно никакого интереса, но в позе читается, что чего-то ждет.

Я выпятил грудь и сказал властно:

— Ну, что на этот раз будет предложено мардоргу?

Она произнесла вопросительно:

— Что вам угодно?

— Я мардорг не капризный, — сказал я, — ничего особенного, а так... обычный набор услуг! Я проделал долгий путь, устал, потому восхотел вот отдохнуть и подзаправиться.

Она произнесла без выражения:

— Подзаправиться?.. Это как?

Я сказал в затруднении:

— Мне нужно быть в хорошем состоянии... ну, моему телу, одежде и духу. Ты ведь знаешь, как это делается.

Она ответила все так же без выражения прекрасным чистым голосом, как не может говорить ни один человек, но хотел бы так говорить всякий:

— Я все сделаю, мардорг.

— И еще, — сказал я, — я тут поистрепался в дороге... Одежда моя и все на мне тоже весьма устало и хочет есть. И восстановить силы. Ну, ты поняло...

На ее личике ничего не отразилось, может, и в самом деле поняло, хотя кто знает как, вдруг да решит просто прибить поистрепавшегося и заменить новым, чего только в наших культурах не было. Хотя, конечно, до демократии еще никто не додумывался, если не считать греков, но там у каждого демократа было как минимум по два раба.

Она принесла еду, а я смотрел на ее безукоризненное лицо и почти с ужасом думал, что я вот, возможно, на краю величайшей разгадки нашей вселенной, а сижу и жру, а мысли заняты тем, как десятидневный отдых сократить до недели, а то и до пяти дней, это дало бы нам огромные преимущества, ибо тот, кто двигается быстрее, выигрывает в войнах...

До чего же из-за этой обыденности мы становимся равнодушными к окружающим нас чудесам! Да и понятно, когда речь о выживаемости, не до изучения чудес.

Клянусь, сказал я себе мрачно, вот прямо с сегодняшнего дня начну составлять карту этих мест, чтобы потом как-нибудь вернуться и как следует порыться, как курица, что разбрасывает целый холм в надежде найти червячка.

После обеда я, не вставая из-за стола, посмотрел в далекий арочный проем, что ведет в соседний зал. Тот

еще роскошно-помпезнее, словно у дорвавшегося до могущества голова закружилась от невообразимых возможностей творить небывалое. Огромные статуи воинов, возможно, языческих богов, чудовишно невообразимые животные, которые уж точно созданы больной фантазией, понятно же, что у хищника не могут быть еще и рога или копыта...

Я судорожно вздохнул, посмотрел на стены своего зала. Эти исполинские окна, через каждое можно перевезти на катках Кельнский собор, но, как чутся, эти окна либо декорация, либо никогда не открываются...

Да и зачем, мелькнула мысль. Окна для того, чтобы впускать в дом свет, для этого распахивать без необходимости. Это же на каждую створку понадобится до тысячи демократов, чтобы открывали-закрывали, нет, двери вроде бы вон там...

Я заколебался, очень хочется рискнуть и попробовать выйти в тот блистающий мир... Однако близко нет человеческих жилищ, а пока отыщу, здесь все может катастрофнуться.

— В следующий раз, — сказал я себе твердо. — Как только, так сразу! Но не раньше. Отец народа не имеет права на личную жизнь, когда Трансвааль в огне.

Во дворе испуганный и радостный визг, там Бобик где-то подобрал бревно, а то и выломал, носится с ним прыжками, уговаривая всех взять и побросать ему да подальше, подальше, а народ увертывается, чтобы не сшиб, а если кого заденет, все остальные ржут, как сумасшедшие, ничего себе забаву нашли...

— Бобик, — сказал я с укором, — как тебе не стыдно? Скоро тыща лет стукнет, а ты все как щеночек...

Зигфрид спросил с недоверием:

— Тысяча лет?

Я пожал плечами.

— Да это я так, округляю. Может быть, и две, мы же не женщины, чтобы годы считать да морщинки разглядывать?

Во двор въехал разряженный Палант, но ему не сравниться со скромно-пышной элегантностью Альбрехта, за ними епископ Геллерий в своем парадном облачении.

Слуги побежали навстречу перехватывать лошадей, я сошел по ступенькам с улыбкой на лице, так надо, хотя и в самом деле это мои друзья.

Следом вышел сэр Джордан, никак не привыкну к его долговязости, и сразу сказал с виноватой улыбкой:

— Я взял на себя смелость пригласить ваших соратников. Да не будет вам скучно в нашем обществе.

— Спасибо, — ответил я с чувством.

Альбрехт и Палант почтительно приветствовали лорда, тот сказал учтиво:

— Я счастлив видеть героев, что побеждают армии Мунтвига.

Палант сказал гордо:

— Мы победили, ибо с нами Бог!

Геллерий помялся, побряхтел, я краем глаза наблюдал, как он повернулся к Паланту и сказал негромко:

— Сын мой, никогда не говорите, что Господь на вашей стороне. Лучше постарайтесь сами быть на стороне Господа.

Альбрехт усмехнулся, и пока Палант с епископом обменивались любезностями с хозяином, наклонился к моему уху и шепнул тихонько:

— Бог, конечно, с нами, но это мало что меняет. Он был с нами и на выборах короля в Сен-Мари! Но его голос не засчитали.

Управитель подошел к Геллерию с поклоном, сказал просительно:

— Святой отец, благословите... У нас уже месяц нет священника.

Епископ тяжело вздохнул.

— Сын мой, — проговорил он кротко, — я не скажу, что это богохульство, но все-таки... гм... так можно обращаться только к папе римскому. Если не выговоришь «ваше преподобие», то можно проще, «отец мой», ибо у нас нет своих семей, а все прихожане — наши дети.

Управитель смутился, пробормотал:

— Простите, святой... ой, ваше преподобие, мы тут в глуши правильного обращения не знаем, как и наши местные священники...

Он еще раз поклонился и ушел, я посмотрел ему вслед, стараясь вспомнить, как я называл и почему меня не поправляли. Похоже, в разных королевствах и даже разных группах населения закреплялось свое, к единому знаменателю все еще не пришли, а это говорит, что удар по цивилизации был нанесен ужасающей силы и последствия все еще аукиваются.

Настроение сразу испортилось, начал думать о звезде Маркус, эта сволочь все ближе, а все только и думают, где бы укрыться от ее страшного гнева.

Очнулся я от мягкого голоса отца Геллерия:

— Дорогой Палант, все рыжие женщины, как известно, ведьмы. Но так как в Писании сказано, что Ева была с рыжими волосами, то этот факт про нашу прародительницу как-то не радует. Даже тревожит... А вас, ваше высочество?

Я тяжело вздохнул:

— Зато это объясняет природу магии. Хотя я раньше полагал, что она вся идет только от проклятого Змея Искусителя.

— Увы, — произнес он, — это было бы полбеды.

— Верно, — согласился я. — В общем, получается, проблема гораздо глыбже и ширше, чем мы всегда думали. А также думали до нас. Но с ведьмами в самом деле непросто... Сейчас мы охотимся на ведьм, но наступит время, когда ведьмы начнут охоту на нас.

Палант испуганно перекрестился, трижды сплюнул, показал кукиш через левое плечо, а потом еще на всякий случай из-под ноги.

— Ваше высочество, — сказал он плачущим голосом, — что вы такие страсти рассказываете!.. Теперь не засну весь день... а ночью кусок пирога в горло не полезет.

— Это будет не скоро, — утешил я. — Да и не такая уж катастрофа в сравнении с Войнами Магов. Эти ведьмы будут на вас охотиться, а вы так это лениво прикидывать, какой поддаться...

Он воскликнул с возмущением:

— Как? Уступить охоту женщинам?

— Да, — согласился я, — эти дуры только все испортят. Главное, нас, таких неповторимых. Хотя портимся мы с таким удовольствием!

Сэр Джордан, прислушиваясь с улыбкой, широко раскинутыми руками теснил нас к распахнутым дверям.

В холле вдоль стены я заметил несколько смешных бронзовых собачек с задранными кверху мордами и полураскрытыми, словно для протяжного воя, пастьками.

Кто-то им всем вставил по цветочку, я запоздало понял, что здесь такие вазы, вон даже у всех губы вытянуты трубочкой, так ни собаки, ни волки не делают..

Обед был настолько хорош, что я нажрался, как три кабана, а Палант, Альбрехт и Геллерий тоже ели с таким аппетитом, словно и они мардорги, которым об-

служивающий персонал той стороны замка готовит и подает свои блюда.

Сэр Джордан поинтересовался осторожно:

— А как насчет армии, что недавно прошла через наши земли в сторону юга..

— Мы ее встретили, — сообщил я.

Он спросил тише:

— И... как?

— Вообще-то, — сказал я лихо, — там уже винивидицинули пару армий... если не больше. Но кто запминает такие мелочи?

Он посмотрел на меня несколько странно.

— Да, конечно... Ваше высочество, я впервые вижу такого прекрасного коня, как у вас. Думаю, мчаться на таком все равно что мчаться по небу!

Я ответил вежливо:

— Если Всевышний в самом деле устроил мир верно, то люди должны ездить верхом.

Все заулыбались, сэр Джордан собственноручно взял кувшин и налил мне в серебряный кубок.

— Ваше высочество, — произнес он церемонно, — мы будем рассказывать детям, что у нас останавливал сам Ричард Завоеватель!

Альбрехт подмигнул мне, дескать, уже никто не упоминает ни гроссграфа, ни фюрста, ни даже принца, куда значительнее звучит это вот — Ричард Завоеватель!

Глава 4

После обеда я постарался выжать из сэра Джордана максимум об этих землях, где Бриттия соприкасается с Ирамом, и хотя ничего необычного — тьфу-тьфу — не обнаруживается, но обстановка, как и везде вблизи границ, не ах.

Приграничные бароны то и дело вторгались на земли соседнего королевства, что дело вообще-то обычное. Так же делают и внутри королевства, это же так естественно — напасть на соседа и показать свою удасть, угнав у него скот, и сжечь пару деревень. Но еще больше чести пограбить подданных не просто другого лорда, но другого короля.

К счастью, нашествие Мунтвига прекратило эти мужские забавы: кто-то оказал сопротивление нашествию и расстался с головой, кто-то присоединился к Мунтвигу, кто-то ушел и затаился, но все равно здесь бурно кипит котел страстей, взаимных обид и постоянной вражды.

— Хотя, — добавил он с улыбкой, — слон может не обращать внимания на муравьев.

— Да, — согласился я, но все же спросил: — Но раз-ве Царство Небесное можно построить на силе?

Он развел руками и смолчал.

Слуги отвели меня в покои, где я заснул моментально, едва опустил-ся на ложе, даже не успел положить голову на подушку. И то ли устал нечеловечески, то ли дал себе твердую установку насчет никаких прыжков в сторону, но очнулся утром на том же боку и в той же позе, понимая, что ничего не снилось и даже никаких санегерий, что вообще-то немножко разочаровывает, ибо как бы обидно.

В коридоре помимо Зигфрида ждет слуга. Я пошел было мимо, он поклонился и сказал бесстрастно:

— Ваше высочество, мне велено проводить вас к завтраку.

— Что, — спросил я, — снова в другом зале?

Он взглянул удивленно.

— Но кто же завтракает там, где и ужинал?

— Гм, — ответил я, — вообще-то меня всегда несет туда, где в прошлый раз хорошо поел. Такая вот у меня странная память.

Едва мы показались на лестнице, внизу прозвучали фанфары, наверное, для аппетита. Я сошел с царственной улыбкой, управитель перехватил меня на нижней ступеньке и, придерживая под локоть, провел в комнату для завтраков.

Здесь чуточку скромнее, чем в том, где обедали вчера, даже сами сэр Джордан и леди Мелисса в более домашних одеждах, хотя все еще богатых и по моде пестрых.

— Как спалось, ваше высочество?

— Спасибо, — ответил я и зевнул, — еще бы дрых, у вас так уютно, если бы не эти обязанности человека...

— Ваш лагерь великолепен, — сказал сэр Джордан, — все настолько четко организовано, я впечатлен! Скажу честно, без лести, армия Мунтвига хоть и многочисленнее, однако в ней больше стихийной мощи, но меньше дисциплины.

— Отрадно слышать.

— Кстати, — сказал он скромно, но чуточку раздуваясь от гордости, — один из моих родственников горит желанием поквитаться с Мунтвигом...

— Личная обида?

— Армия Мунтвига, — сообщил он, — начисто снесла его поместье, оказавшееся на пути. Без злобы, просто двигались прямо... и вбили в землю все, что там высовывалось. Теперь даже не вспашешь, земля тверже камня!

— Личные мотивы? — спросил я. — Да, чувство мести — это не всего лишь любовь к отечеству! На чувство мести положиться можно, это надежно. Пусть идет, если не передумает, в моем войске с десятков отрядов лордов Бриттии.

Макс носится по своей части обширного лагеря на легком коне быстрее конников Норберта, встрепанный и запыхавшийся.

Я вскинул руку, останавливая, он торопливо натянул повод, конь недовольно поднялся на дыбы, даже не приседая на круп, и помолотил копытами по воздуху, показывая, как он лично к этому относится.

Макс соскочил на землю, лицо встревоженное.

— Ваше высочество?

Ему не вдолбить, что я для него Ричард или сэс Ричард, потому я просто спросил:

— Ты что творишь?.. Если военачальник носится с таким видом, это может вызвать панику!

Он широко раскрыл невинные синие глаза, даже сейчас по-детски голубые, щеки мгновенно воспламенились совсем не мужским румянцем

— Ваше высочество!.. Почему?

— Максимилиан фон Брандесгерт, — сказал я строго, — ты же граф и командуешь самой ударной силой во всем известном нам мире!.. Ты должен быть толстым и важным. Ну хотя бы просто важным. Это внушает!

Он сказал почти жалобно:

— Ваше высочество... Ну не получается у меня быть важным. Это на официальных приемах надо, а я не...

— Придется тебя поводить на эти приемы, — сказал я.

— Ой, — сказал он в испуге, — а может... как-то можно без?

— Если не будешь стараться все делать сам, — сказал я. — Вот такое условие. У тебя же сколько опытных сотников!

— Буду стараться, — пообещал он. — Вообще-то я уже стараюсь!

— Война с Мунтвигом когда-то кончится, — пообещал я, — но военная реформа будет продолжаться. И хотел бы я посмотреть, как ты будешь носиться из королевства в королевство, чтобы везде успевать вот так самому, как сейчас!.. Все, иди, пока не побил.

Его заостренные уши, еще чуть — и почти эльфячьи, дрогнули и, на мой взгляд, печально приопустились, но тут же он воспрянул и посмотрел на меня счастливыми глазами.

— Так будет везде?.. Во всех королевствах? Ну, которые...

— Да, — подтвердил я. — Ну, которые. Ты понял правильно.

Он прошептал благоговейно:

— В самом деле мы изменим мир...

— Изменим к лучшему, — согласился я. — Так что начинай с себя немедленно. Не жди, когда пойдет дождь.

Он быстро зыркнул на небо, там погромыхивает, а внутри наползающих тяжелых рваных туч, темных и грозных, поблескивает что-то багровое, однако ветер иногда отгоняет, иногда раздергивает в клочья, небесная жаровня гаснет, но ненадолго.

— Буду стараться, — заверил он.

— Что? — спросил я строго.

Он промямлил:

— Ну... быть толстым и важным.

— Старайся, — сказал я милостиво, — а то побью.

В лагере старательно натягивают веревки потуже, забивают дополнительные колышки, я проехал в центр, передал Зайчика подбежавшим воинам.

Бобик понесся к кострам, держа нос по ветру. На встречу мне неспешно двигается огромный Сулливан, из доспехов на нем только стальные поножи, остальное явно сдал бронникам на выравнивание вмятин.

Без доспехов он выглядит почему-то еще огромное, словно панцирь служит корсетом, а руки держит слегка в сторону, как привык в доспехах, но без них это выглядит угрожающе.

Остановившись, пытливо всмотрелся в меня.

— Ваше высочество, — сказал гудящим, словно ветер в трубе голосом, — там все в порядке?

— Да, — заверил я, — все неплохо устроились. Как вы тут?

— Тоже в порядке, — ответил он. — Кстати, к нам прибыла парочка гостей. Не пугайтесь, пара очень пожилых супругов... эх, имя тут же забыл, дырявая память, вроде бы и мяса ем много, и пью, как лошадь, даже как две... а иногда и три...

Я поморщился.

— С какой целью? Почему прямо в лагерь?

— Говорят, личное дело.

Я буркнул:

— А к кому?

— Говорят, хотели бы переговорить с вами.

Я поморщился.

— Человек я общественный, никакой личной жизни. Даже женился по государственной необходимости.

Он уточнил:

— Это когда вы изволили полужениться?.. Да и что за необходимость была, уже догадываюсь, зная ваши... гм... достоинства. Так что, гнать их в шею?

— Еще скажите, пинками, — подсказал я. — Пожилых, даже престарелых людей!

— Да они не слишком престарелые, но да, весьма пожилые.

— Где они сейчас?

— Я разрешил им пока отдохнуть в моем шатре.

Я покачал головой.

— В следующий раз пусть ждут у костра, на виду.

— Ваше высочество! Думаете, сопрут что-то? Такие с виду солидные, умудренные, мудрые...

— Жуликам, — заверил я, — как никому необходим достойный облик. Ладно, посмотрим, что за гости.

— Велите позвать?

— Сам загляну, — ответил я и пояснил: — Уважим старых людей.

Я откинул полог и сразу ударился, как в стену, о взгляды этих супругов, совсем еще не престарелых, хотя да, основательно пожилых. Оба сидят рядышком на широкой лавке, положив руки на колени, плечи соприкасаются, чувствуется, что давно уже одно целое, а еще мне показалось смутно, что сидят, не шевелясь, с того момента, как их привели сюда и предложили подождать.

Сулливан прорычал учтиво:

— Ваше высочество, вот эти двое, без всякого сомнения, благородных господ...

Однако в его напряженном голосе я ощутил некоторое колебание, хотя оба супруга одеты добротно и богато, явно из чистого сословия, в то же время я и сам ощутил в обоих нечто странное, тревожное и в то же время знакомое, будто с ними уже общался, но вот не могу вспомнить.

На всякий случай взялся за шест, чтобы не пошатнуться, быстро взглянул тепловым, а следом в запаховом диапазоне. Абсолютно ничего лишнего, только погрузневший от прожитых лет немолодой лорд и его жена.

По телу прошла нехорошая дрожь, мой спинной мозг все равно трусит, посылая тревожные сигналы.

Они оба разом поднялись, женщина присела в низком поклоне, а мужчина произнес приятным рокошущим баском:

— Ваше высочество, для нас большая честь увидеть вас!

— Чему обязан? — спросил я в лоб.

Он сказал торопливо:

— Позвольте представиться, ваше высочество, владетельный сеньор Филипп Моссман, а это моя супруга, леди Гассерда...

Леди Гассерда одарила меня поистине материнской улыбкой. Я улыбнулся и кивнул, стараясь выглядеть беспечным, но следил за каждым их движением.

— Рад вас приветствовать, уважаемые, — сказал я. — Что вас привело в наш походный лагерь, когда рядом большой и богатый город?

Женщина вздохнула и сделала горестное лицо, а ее супруг ответил деревянным голосом:

— Ваше высочество, мне стыдно вас тревожить по такому пустяку, но мы уже год разыскиваем своего сына.

— Он точно у нас? — спросил я.

— Следы привели к вам.

Я посмотрел с настороженностью.

— Какие следы? Вы в состоянии чувствовать даже такие следы?

Он вздохнул и развел руками.

— Слепые, ваше высочество, хорошо развивают слух... так и у нас что-то за счет чего-то.

— Ладно, — сказал я, — если отыщете, буду рад за вас. Правда, я не припоминаю в своей армии сына Филиппа Моссмана...

Они разом улыбнулись, а сэр Филипп сказал доброжелательно:

— Ваше высочество, ну не поверю, что вы знаете всех своих воинов по именам, ха-ха!

— Рыцарей знаю точно, — заверил я. — Располагайтесь в лагере, вам окажут необходимую помощь, хотя я сомневаюсь, что его будет найти так просто.

— Мы найдем, — заверил сэр Филипп.

— Ага, — сказал я, — у вас есть какие-то амулеты?

Они переглянулись, он ответил с заминкой:

— Я слышал, вы, как воин-крестоносец, против амулетов, однако... да, у нас есть нечто... что показывает его следы. Мы проделали долгую дорогу, где только не петляли! Постранствовал он еще больше, чем его отец в молодости... Но наконец-то след вывел сюда. Самый свежий.

— Хорошо, — сказал я, — желаю вам всяческого успеха. Но лучше, если вы скажете его имя. Вполне возможно, если не я, то кто-нибудь из военачальников вспомнит такого. Это вам облегчит поиски.

Они снова переглянулись, сэр Филипп сказал с мягкой улыбкой:

— Мы хотим сделать нашему мальчику сюрприз.

Жена добавила:

— Он так обрадуется!

— Если так, — сказал я с сомнением, — что ж, ищите. Почти все в лагере, если, конечно, не считать тех, кто ушел в город за покупками или что-то продает из добычи... а также людей конной разведки, они тоже постоянно в разъездах.

Жена посмотрела на мужа с вопросом в глазах, но тот сказал безмятежно:

— Ничего, мы найдем. Спасибо за ваше время, ваше высочество. И вашу доброту.

Когда мы с Сулливаном вышли из шатра, я сказал ему тихонько:

— Пусть за ними проследят. Что-то оба мне как-то не нравятся.

— А кто вам нравится? — возразил он.

— А как они тебе самому?

Он покачал головой.

— Что-то в них скользкое. И вообще странное впечатление. Чувствую холод от них, но в то же время как будто в них обоих и столько жара внутри, что хватит на лесной пожар.

— Ну-ну, — проговорил я, — мне казалось, что я один такой страхополох. Значит, не чудится.

Глава 5

Через час он ввалился в мой шатер и прорычал мрачно, что супруги Моссманы уже несколько часов находятся в шатре, хотя вообще-то должны бы обшаривать весь лагерь в поисках сына.

— И что они говорят? — спросил я.

— О чем?

Я сказал сердито:

— Не поверю, будто ты не спросил их, что у них за странная манера искать потерянного сына.

— Спросил, — ответил он сумрачно.

— И что?

Он пожал плечами.

— Манера в самом деле странная. Говорят, больше всего его следов здесь. Возле вашего шатра.

— Моего? — переспросил я. — Они что-то плетут не то.

— Спросите их сами, — предложил он.

— И спрошу, — рыкнул я. — Не люблю, когда непонятки прямо под носом! Может быть, какие-то хитрые шпионы?.. Пойдемте, сэр Сулливан!

Я вошел в его шатер и сразу ощутил, что с того момента, как мы вышли, супруги Моссманы даже не пошевелились. Мне даже показалось, что и глаза у обоих

остекленели, но едва я переступил порог, сэр Филипп шевельнулся и сказал живо:

— Ваше высочество?..

— У меня вопрос, — проговорил я, — каким образом вы чувствуете какие-то следы своего сына вблизи моего высочества... как вы говорите, его зовут?

Они разом вздохнули, словно это один человек, затем он ответил с запинками:

— Его зовут... Зигфрид...

— Зигфрид? — переспросил я. — А при чем здесь какие-то Моссманы?

Он ответил с неловкостью:

— Вообще-то я Терьяр Кунинг, владетельный сеньор... А это моя жена...

— Это чуточку ближе, — ответил я угрюмо, — Зигфрид, насколько помню, ваш младший сын, а род ваш знаменит тем, что идет от древних Нибелунгов, которые не то дракона убили, не то золото у него сперли. Только я не понял, почему вдруг вам понадобилось называться другим именем. Насчет Зигфрида могу сказать только, что он ненадолго отбыл в город.

Женщина встрепелулась и сказала, прислушиваясь к неведомому для нас зову:

— Наш ребенок уже возвращается.

— Ого, — сказал я невольно, — какое чутье!

— Материнское, — ответила она ласково.

Сулливан молчит, только рассматривает их пытливым, а я сказал с подчеркнутой живостью:

— Ну тогда, любезные родители, пойдемте встречать вашего долгожданного сына!

Они торопливо поднялись, сэр Кунинг сказал быстро:

— Спасибо, ваше высочество! Мы сами выйдем на встречу, так будет удобнее.

— Зачем же, — возразил я, — я буду раз присутствовать на трогательной встрече родителей с сыном. Это так волнительно, так весьма щипательно, сердцепрыгательно... Вон герцог Сулливан уже скупую мужскую вытирает... Герцог, я говорю про слезу, а вы что там трете?

Сулливан заметно напрягся, когда супруги Кунинги, уже не слушая меня, торопливо прошли мимо, задев его краем одежд, а когда за ними опустил полог, быстро прошептал, это было похоже на хрип придавленного бревном медведя:

— Я не верю ни единому слову!

— Я тоже, — ответил я.

— Что-то будем делать?

— Сперва посмотрим... но будь наготове.

Мы вышли и обогнули шатер, а там у коновязи Зигфрид уже соскочил с коня, набросив повод на крюк, и быстро направился в нашу сторону. Он еще издали заулыбался мне, показывая, что все в порядке, а супруги Кунинги торопливо шли ему навстречу, убыстряя шаг.

Я тоже непроизвольно пошел быстрее, сердце стучит чаще, чувствует недоброе, что-то Зигфрид никак не реагирует на появление своих родителей, ни ликования, ни злости, вообще ничего, как будто впервые видит.

Он бы и прошел мимо, но они заступили ему дорогу. Сэр Кунинг распахнул объятия с таким жаром, что Зигфрид даже отступил на шаг.

О чем они говорили, я не слышал, пока не напряг слух, но услышал только некое шипение и шелканье.

Мои руки сами вытащили из колчана стрелу с наконечником из чистого серебра. Сулливан быстро посмотрел на меня, потом на встречу родителей с сыном, а его пальцы начали нащупывать рукоять меча.

Я наложил стрелу на тетиву, но пока не натягивал, на это понадобится меньше секунды.

Зигфрид некоторое время разговаривал с ними, затем обнял обоих за плечи и повел в мою сторону. Я вздохнул с облегчением, быстро передал Сулливану лук и сделал вид, что вообще не знаю, чего это он у него.

Они подходили все трое очень серьезные, хотя родители и пробуют улыбаться, но получается как-то натянуто, а Зигфрид выглядит скорее мрачным, чем ободованным.

— Ваше высочество, — произнес он, замедляя шаг, — это в самом деле мои родители...

— Сэр Кунинг... — сказал я, однако Зигфрид прервал:

— Это не Кунинги, ваше высочество.

Женщина испуганно вскрикнула, ее супруг взглянул на меня так, словно уже уклоняется от моего меча.

Я спросил медленно:

— Ты хочешь сказать...

Он кивнул.

— Да, они... не люди.

Те, кто выдавал себя за супругов Кунингов, поспешно отступили от меня, но Зигфрид сказал им поспешно:

— Его высочество все знает. И про меня, и про вас.

Они оба изменились в лицах, на меня уставились с еще большим страхом и непониманием. Наконец «сэр Кунинг» проговорил, запинаясь:

— Но... как ты...

— Пришлось, — ответил ему Зигфрид. — Ничего не изменилось. Я так же служу его высочеству, как и служил. Потому... все гораздо проще. Не нужно что-то придумывать и скрываться. Его высочество знает, что я — демон, младенцем подброшенный вами в семью сэра Кунинга. Там я вырос и так бы и не узнал, что я не человек, если бы не случайность...

Я сказал как можно более спокойным тоном:

— Да, все верно, я это знаю. Как я понял, вы были навестить сына?

Они все трое замолчали, только переглядывались, наконец Зигфрид проговорил несколько сдавленным голосом:

— Не совсем так, ваше высочество.

— При родителях, — напомнил я, — ты можешь обращаться ко мне, как и наедине, по имени.

— Спасибо, — произнес он, — они будут польщены. Однако, ваше высочество, лучше я буду так, потому что вся сложность в том, что... они прибыли не для того, чтобы повидаться.

— А зачем, — спросил я, — если это не совсем секрет?

Он покачал головой.

— Для вас нет секретов, ваше высочество.

— Говори.

— Они уговаривают меня... вернуться.

Улыбка его была невеселая и чуточку виноватая, словно в чем-то подводит меня.

Я переспросил в некотором недоумении, хотя подсознательно догадывался, зачем явились его биологические родители.

— Вернуться... в их племя?

— Да.

— Но разве не они тебя выпустили... в свободный полет?

Он тяжело вздохнул.

— Да, но... так уж получилось. Оказывается, нас не просто мало, а совсем мало. И когда погибли еще двое из наших, то... остался из молодых я один.

Я переспросил:

— Последний из могикан? В смысле, из своего племени?

— Да, — ответил он невесело, — я последний.

Я посмотрел на Сулливана, тот вообще ошалел, он и про Зигфрида слышит впервые, а я сказал:

— Знаете, такие вопросы на ходу не весьма. Зигфрид, отведи родителей в мой шатер, угости вином... если они пьют, а мы с герцогом пока прогуляемся по лагерю. Решим свои дела, а вы без спешки — свои.

Зигфрид сказал виновато:

— Ваше высочество, мне просто неловко...

— Все в порядке, — ответил я. — Зигфрид, мы с тобой старые друзья, можно без особых церемоний. Люди — единственные существа на свете, у которых есть свобода воли. Все мы можем сами решать, как поступить правильно. И у тебя есть эта свобода, ибо ты сейчас человек. У меня нет враждебности к твоему племени, я знаю из него только тебя, а ты настолько хорош, что тебя любят все, кто с тобой сталкивается. Так что... решай сам... Герцог, нам нужно посмотреть северную часть лагеря.

Я похлопал смущенного Зигфрида по плечу и вышел из шатра, чувствуя, как со спины старательно прикрывает Сулливан.

Когда мы отошли от шатра, он спросил приглушенным ревом:

— И что теперь?

— А ничего, — ответил я негромко. — Происхождение Зигфрида, как я вижу по вашему лицу человека чести, вас не тревожит, а это главное. Как бы он ни решил, мы уважаем его выбор.

Он подумал, покрутил головой.

— Обалдеть. Нет, надо выпить еще. Ваше высочество...

— Герцог, — ответил я.

Он ушел, а я обошел лагерь, воины отдыхают у костров, расположенных настолько ровными рядами,

словно в самом деле раскладывали их, ориентируясь по туго натянутой веревке. На кострах жарится мясо, подогревается сыр и хлеб.

Завидев меня, пришел уже вернувшийся от Беве-рейджа Альбрехт, молча пристроился рядом, пытливо поглядывая на мое одухотворенное лицо.

— Ваше высочество?

— Граф, — буркнул я.

— Говорят, — сказал он, — лучше всего думается на марше. Там это идет в такт шагам.

— На что намекаете, граф? — спросил я с подозрением. — Думается везде хреново, это занятие человеку несвойственно. Но если в самом деле вдруг взять и подумать...

— Ну-ну?

— Война войной, — сказал я, — рушатся королевства, создаются империи, а у людей свои маленькие проблемы... хотя, если честно, то именно эти войны между королевствами — мельчайшие проблемы и вообще хрень несусветная. Это же, можно сказать, гражданские войны. Ну как можно бросать в ожесточенные битвы целые армии только из-за того, кому сидеть на троне? Честолюбие, мать его бери!

— А из-за чего же? — спросил Альбрехт с интересом.

— Ну, — сказал я, — причины все же есть и поблагороднее. К примеру, вот та, которую ведем с Мунтвигом, а он... ха-ха!.. с нами. Он же начал великий поход за Честь, за Доблесть, за Веру, за Добро. Только за это и стоит воевать, хотя, если честно, то и за это воевать не стоит... мечами. Есть же диспуты, словесные баталии, сражения, битвы, даже войны!.. Победа — это когда заставил противника признать, что он был не прав, а что за победа, когда всего лишь убил?

Он хмыкнул, покрутил головой.

— Ваше высочество, боюсь... вы не встретите понимания. Народ прост, он предпочитает убивать.

Я ответил тяжело:

— Что ж, глас народа — глас Божий. Будем убивать, торжество гуманизма требует, чтобы текли реки крови и громоздились монбланы трупов. И... бодро понесем знамя либеральных ценностей на север...

— А что с теми, — поинтересовался он, — кто встанет на вашем пути?

— Думаю, вы знаете ответ, любезный мой граф.

Я обошел весь лагерь, больше стараясь задерживаться в расположении союзных войск: вендоверцев, шателленцев, отрядов баронов Бриттии, всем нужно выказать уважение и наговорить хороших слов и отметить их выдающуюся роль в борьбе с врагом.

Норберт выбрал прекрасное место, ровная долина, однако с двух сторон ее защищает река с обрывистым берегом с нашей стороны, а с другой — каменистая дорога ведет к замку лорда Джордана, так что лагерь даже не приходится как-то обустраивать для защиты.

Уже к вечеру я вернулся к своему шатру, двое стражей у входа отступили в стороны, по их виду я понял, что Зигфрид, их старший, внутри.

Я откинул полог, его родители сидят рядышком, лица спокойные, либо еще не приспособились выражать эмоции, а Зигфрид вскочил мне навстречу, развел руками.

Широкий в плечах, широкомордый и широкоскулый, брутальный с виду и не только с виду, сейчас он весь в непривычных для себя мерехлюндиях, даже ростом стал помельче и как-то неприлично скукожился.

Я посмотрел с сочувствием, выглядит не весьма, в то время как его родители цветут широкими и абсолютно одинаковыми улыбками.

— И что ты решил? — спросил я.

Он промолчал, а его отец сказал с уверенностью:

— Он вернется и возродит племя!.. Он молод, силен, сумел ужиться среди людей и даже близок к вам, ваше высочество, что говорит о его высокой выживаемости в любых условиях. Сейчас от него зависит судьба всего нашего племени. Еще никогда оно не оказывалось так близко к гибели! Сейчас все в его руках.

— Что ж, — сказал я, — желаю вам... ну, процветания. Зигфрид, ты не торопись, попрощайся со всеми, друзей у тебя много. Не обижай вот так... вдруг и пропал, не сказавши до свиданья.

Он ответил блеклым голосом:

— Да, сэра Ричард. Я счастлив, что повстречал вас однажды... и что теперь вижу ваш орлиный взлет к вершинам.

Я снова хлопнул его по плечу, улыбнулся и вышел из шатра. Альбрехт уже ждет, но не успел открыть рот, как полог отлетел в сторону, вышел решительными шагами Зигфрид, лицо искажено страданием.

— Ваше высочество!

— Что-то не так? — спросил я.

Он коротко взглянул на Альбрехта, но тот уходить не собирается, да и доверенное мое лицо, Зигфрид произнес с мукой:

— А почему вы ничего не хотите подсказать?

Я в полной беспомощности развел руками.

— Сложный вопрос... Поверь, я с ним уже сталкивался.

Он спросил в диком изумлении:

— Вы?

— Не лично, — поспешно сказал я, — но видел многих, даже пару близких друзей. Им приходилось делать такой же культурологический выбор... Понимаешь, глобализация при всей своей нужности, полезности и даже правильности... несет с собой и болезненную

ломку. Ради прогресса в будущем приходится отказываться от такого приятного прошлого и стыдненького ощущения, что мы в своем болотце чем-то лучше, исключительнее.

— Ваше высочество? — спросил он ошарашенно.

— Это я подхожу издалика, — объяснил я неуклюже, — потому что вопрос очень непрост. Малые нации особенно цепляются за свой язык, свою культуру, обычаи, танцы, наряды... Если их послушать, они — самый древний народ, который правил миром, когда остальные еще на деревьях сидели! Однако, если им вливаться в огромный народ, то придется оставить это дутое величие в прошлом и забыть о своих корнях... С другой стороны, а надо ли знать об этих корнях? Думаю, надо знать о будущем, а не прошлом. В прошлом мы все дикие, злые и волосатые.

Он слушал с напряженным вниманием, брови сдвинулись так, что столкнулись над переносицей.

— Значит, — спросил он хриплым от страдания голосом, — советуете не держаться за племя?

— Упаси, Господи, — сказал я испуганно, — я ничего не советую! Господь дал человеку право выбора. Ты сам должен выбрать. Только сам. И потом, если выбор окажется ошибочным, будешь стучать по башке себе, а не мне.

— Ваше высочество!

— Вернись в шатер, — посоветовал я. — Поговори с ними еще.

— А вы?

Я отмахнулся.

— Мне все равно ночевать в замке лорда Джордана. Оттуда такой вид, такой вид!.. И ты знаешь, что там все безопасно, сам проверял. Иди-иди!

Я повернул его к себе спиной и, подталкивая, заставил войти в шатер.

Альбрехт сказал со вздохом:

— Наверное, вот так терять друзей тяжелее, чем в бою?

Я покачал головой.

— Вообще-то предпочитаю друзей находить. И даже выращивать... ну, из противников. Правда-правда, пару раз получилось. Понравилось!

Зайчик пошел мне навстречу, нижняя челюсть ходит справа налево с таким жутким хрустом, перемалывающая нечто в пасти, будто ему кто-то засыпал туда горсть алмазов.

— В замок? — спросил Альбрехт. — Но там в самом деле у лорда нет дочери! Разве что жена...

— Сплюньте, — сказал я сердито. — Учитесь получать высшую радость от реализации великих идей!.. И когда научитесь, мне расскажете.

Зайчик повернулся боком, я неспешно вставил носок сапога в стремя и с достойной лорда солидностью поднялся в седло.

— Утром увидимся, граф.

— Утром через неделю?

— Я вам покажу неделю! — сказал я.

Зайчик тряхнул гривой и пошел красивой рысью, а впереди помчался Бобик.

Извилистая дорога к замку идет между таких высоких и острых скал, похожих на зубы акулы, что даже на арбогастре лучше вот так по ней, чем пытаться напрямик, и мы неспешно петляем, Бобик мчится впереди, но вдруг он там замер и остановился.

Шерсть на нем поднялась дыбом, что бывает очень редко, я услышал хриплое гарчание.

— Вперед, — сказал я тревожно.

Арбогастр сделал три больших скачка, двигаясь, как большая пантера, впереди на дороге, шагах в пяти перед Бобиком, медленно поднимается нечто огромное,

красное, будто выкупалось в крови, а на земле потрескивает, остывая, раскаленное пятно. Там пляшут искры и вздымаются огоньки горелой земли.

Он разогнулся, все еще распространяя дым, что валит прямо из тела, оказался гигантом выше меня на полкорпуса даже на арбогастре, в ширину просто чудовище, а по весу тоже раза в три больше, чем мы с Зайчиком.

Дым истончился, я наконец рассмотрел его лицо, наполовину жабье, наполовину крокодилье, даже под челюстью пульсирует желтый кожаный мешок, все тело все еще красное, но быстро становится багровым.

Он уставился в меня узкими щелями глаз, в горле прохрипело, я услышал едва разборчивое:

— Гр-р-рх... Я... сумел?... Я сумел...

— Смотря что, — ответил я настороженно. — Бобик, сидеть!.. Кто ты? И что хочешь?.. Могу зачислить тебя в ударный отряд. Жалованье положу вдвое, кормежка бесплатная, интимных услуг не требуется...

Он вскинул голову и шумно втянул в себя воздух широкими ноздрями, они трепетали, как щупальца актиний, потом схлопнулись и плотно закупорили отверстия, чтоб ничто не мешало анализу.

— Я... точно, — прорычал он уже отчетливее. — Он здесь... Он близко...

— Поздравляю, — сказал я. — А кто?..

Глава 6

Он посмотрел на меня красными глазами, пасть приоткрылась, показывая массу белых острых зубов.

— Мне нужен, — проревел он гулко, — тот, кто принял... личину Зигфрида...

— Ух ты, — сказал я. — Теперь еще и ты... Старший братец, что ли? Дядя по матери?

Он рыкнул:

— Молчи, червяк...

— Так зачем он нужен? — спросил я с достоинством великого и суверенного лорда. — Как его непосредственный командир, я просто обязан знать! И перлюстрировать.

— Умолкни, человек, — рыкнул он. — За ним долг... он должен умереть...

Я изумился:

— С какой стати? Он давно уже просто человек, с вашим миром не связан. У него здесь свои долги.

Он прорычал люто:

— Я знаю!.. Нашли... твари его племени!.. Его назад!.. Нет, я не!.. Он даст новое племя?.. Нет, не даст!..

— Ты против? — спросил я. — Или ты не совсем против, а как бы альтернативно?

Он раскрыл пасть шире, глаза загорелись красным так, что оттуда пошел недобрый свет, как от костра.

— Его нашли, — проревел он, — чтобы он!.. Я не позволю!... Я убью и съем его мозг...

Арбогастр подо мной беспокоится все сильнее, глаза тоже горят красным, роет землю копытом и готов броситься на чудовище. Бобик то и дело оглядывается на меня, хотя словно словами я его сдерживаю, а знаками могу послать в атаку.

Я крикнул, стараясь, чтобы голос звучал как можно убедительнее:

— Он отказался возвращаться! Так что нового племени, что угрожало бы твоим законным и, без всякого сомнения, суверенным интересам, не будет! Будет твое моноплемя без всяких конфессий и всяких мультикультурностей...

Монстр проревел таким низким голосом, что начала вздрагивать земля:

— Он.. не... мог...

— Что?

— Не мог... отказаться...

— Отказался, — заверил я. — Он с рождения терся среди людей, потому не знает и не хочет вашей, без всякого сомнения, замечательной жизни. Он тебе не соперник!

Он остановился и всматривался в меня щелями глаз, я уже решил, что убедил, но он тряхнул башкой и прорычал люто:

— Нет... надежнее... съесть. А то вдруг... вернется?

— Да с чего вдруг?

Он рыкнул:

— Может передумать...

Вдали простучали копыта, я узнал коня Зигфрида, у него такой частый и нервный перестук, каким отличаются очень быстрые и пугливые лошади.

— Он не передумает! — закричал я погромче, чтобы он не услышал приближения Зигфрида.

Монстр рыкнул гроыхающе:

— Твои хитрости, существо... ничтожны... Он приближается... и смерть его будет быстрой...

Я сказал громко и убедительно:

— И все себе испортишь? Так издалека добирался... и вот так сразу? Если так уж надо убить — убей, но сперва переговори с ним, хорошо?

Он рыкнул:

— Зачем?

— Тебе же самому, — закричал я, — будет приятно! Посмотреть в глаза врагу, насладиться его страхом перед тобой, таким огромным и всесильным, попугать, а потом не сразу сожрать, а по кусочку, чтобы тот визжал и вырывался...

Он подумал и прорычал:

— Растянуть удовольствие... да, это хорошо...

Он обернулся в сторону приближающегося Зигфрида. Чудовищные мышцы спины напряглись, пошли в стороны, окаменели, а затем из этих плит начали медленно выдвигаться костяные шипы, усеявшие всю спину и перебравшиеся на плечи и руки.

Я еще во время разговора, который намеренно затягивал, пытался призвать из своего арсенала Комья Мрака или Костяную Решетку, но впустую, затем попробовал мысленно взять в руку Небесную Иглу. Вроде бы нечто смутное ощутил, видимо, потому, что недавно пользовался, и ладони запомнили это ощущение, но все равно это оставалось там. Однако когда монстр раскорячился в боевой стойке, ожидая Зигфрида, я ощутил, что ладони начинают разогреваться, словно держу их над жарко полыхающим костром.

В черепе застучали молотки, раскаленное шило вонзилось в затылок с такой силой, что я тихонько взвыл от жалости к себе, стиснул челюсти, но что-то потерялось, ладони остыли.

Боль из черепа начала выветриваться, однако и присутствие Небесной Иглы в пальцах ослабело и почти исчезло.

— Нет, — прорычал я, — нет, не отпущу... ты уже в руках... Ты здесь... я держу, чувствую...

Снова стегнула боль, череп раскалился. Я захрипел, как пес, которому ошейник давит горло, но не давал волнам раскаленного тумана смахнуть картинку, как в ладонях появляется тяжелый корпус Небесной Иглы.

Зигфрид закричал яростно, выхватил меч и послал коня прямо на чудовище. Я перехватил его взгляд, брошенный на меня, и понял, что Зигфрид, верный клятве вассала, ринулся спасти меня, прекрасно понимая,

что этот монстр намного сильнее и наверняка убьет его...

Они с конем налетели на зверя, как на каменную скалу. Меч Зигфрида высек сноп искр и тут же вылетел из его ослабевшей руки, когда чудовищный демон со сладострастным ревом выдернул его из седла, поднял над головой и тряс, как куклу из мешковины, наслаждаясь беспомощностью своего давнего соперника.

— Тебе конец, — проревел он, — а я всегда буду вспоминать, как съел тебя и взял земли... твоего племени...

— Хвалились гайдамаки, — прошипел я, — на Умань идучи...

Мои пальцы стиснули холодный металлический стержень. Тот моментально разогрелся, пальцы обожгло.

Вспышка ослепила на миг, тяжесть из моих рук исчезла. Пальцы сжали пустоту, а в ней за яростной вспышкой огня сухо шелкнуло, следом раздался резкий треск электрического разряда.

Вспыхнул короткий страшный огонь. Что-то тяжело ударилось в землю с такой силой, что та подпрыгнула, и пламя моментально исчезло.

Я протер слезящиеся глаза, Зигфрид лежит навзничь, раскинув руки, потом начал пытаться выбраться из-под тяжелой лапы гиганта. Все вокруг забрызгано кровью, а куски окровавленного мяса разбросаны не только по дорожке, но и сползают по скалам с обеих сторон тропы.

Мир шатнулся, я услышал встревоженный гавк. Как сквозь стену из ваты донесся испуганный голос Зигфрида:

— Ваше высочество!..

На какое-то время я то ли сомлел, то ли отрубился, а то и вовсе потерял сознание, но когда пришел в себя, все еще в седле, Зигфрид придерживает за бедро, не

давая свалиться с коня, сам весь залит зеленой кровью и облеплен стекающими по его доспехам лохмотьями не то кишок, не то внутренностей.

— Все... в порядке?

— Ага, — прохрипел я.

Он охнул, взглянув мне в лицо.

— Ваше высочество!.. У вас в глазах все полопалось!.. Что вы сделали?..

— Теперь это неважно, — ответил я хрипло и ухватился за него, чтобы не упасть. — Тужился... давай без улыбочек!.. Он точно околел?

Зигфрид оглянулся.

— Еще бы!.. Проще свинью восстановить из свиной отбивной. Чем это вы его?

— Сам не знаю, — ответил я. — Наверное, моим монаршим гневом.

— Вы уж полегче, — попросил он, — глаза полопались — еще ничего, у меня тоже иной раз наливаются кровью, но если сердце лопнет... Хотя влупили его вы со всей...

— Дури, — досказал я. — Хотя дурака бьют и в церкви, лося только осенью, а хищного зверя везде. И неважно, в лоб или в спину. Ты как?

Он сказал хриплым голосом:

— Да вроде бы цел... Хотя панцирь эта сволочь мне помяла. Сперва тот гад ногу, спасибо, что подлечили, но теперь снова к оружейнику... Разорят, гады

— К вечеру поправят, — утешил я — Все, поедем. Я вообще-то в замок. А ты куда?

— За вами, — сообщил он. — Я телохранитель или уж нет?

— Зигфрид, — сказал я тепло. — Ты мой друг, а эту роль ты сам себе выбрал. Конечно, я тебе доверяю больше всех на свете. Но что скажут твои родители?

Его лицо помрачнело.

— Когда вы ушли, я поговорил с ними. Мой народ — люди. Я с пеленок помню только Терьяра Кунинга, своего отца, и любящую меня мать, леди Азеллу, а также шестерых братьев... Я жил в любви, детство у меня было беззаботное и счастливое... Я человек, сэр Ричард! Я человек. А леди Азелла — моя мать, в чьей любви я купался, как рыбка в озере...

Некоторое время мы ехали молча, он часто вздыхал, я сказал с сочувствием:

— Всем нам время от времени приходится делать выбор. Это тяжело, но человек научился пользоваться им правильно. А почему тот демон примчался сюда, когда проще бы дожидаться тебя там на месте...

Зигфрид покачал головой.

— Он мог меня только здесь.

— Когда, — спросил я осторожно, — ты в людской личине?

— Да, — ответил он, — а еще здесь я один, а там наши из племени... Их хоть и мало и все старые, но все же...

Я остановил коня.

— Езжай в замок, если так уж хочешь убедиться, что там нет и не появилось за это время ничего опасного.

— Ваше высочество?

— Поторопись, — велел я строго. — Ты забыл, что мы сюда не на поселение прибыли?

Он ослабил конский повод, толкнул каблуками, и конь понесся стремительным галопом в сторону замка. Я проводил его долгим взглядом, неспешно повернул коня к лагерю. Там моя жизнь, а в замке только развлечения, но их можно позволить себе только после победы.

Арбогастр только-только перешел с шага на рысь, как мы увидели со спины идущую впереди женщину в длинном плаще, что касается земли.

Капюшон закрывает голову, можно бы принять и за подростка, но что-то в движениях выдает женщину, я бы даже добавил, молодую и сильную.

Я намеревался догнать, однако она обернулась и приподняла обеими руками капюшон. На меня взглянуло очень серьезное и даже строгое лицо той, что сидела в пентаграмме, пытаюсь спастись от зверя, убитого потом Зигфридом.

Я не успел слова сказать, она церемонно присела, растопырив плащ в стороны, голову опустила, выказывая полное смирение.

— Леди? — произнес я.

— Ваше высочество, — прошелестела она, не поднимая головы.

— Встаньте, — потребовал я, — и ответствуйте, кто вы и почему вас несет в мой лагерь.

— Меня зовут Скарлетт Николсон, — ответила она низким приятным голосом. — Иду я не в лагерь, а хотела встретить вас...

— Тогда вы рассчитали точно, — ответил я настороженно. — Что весьма настораживает, а я этого не люблю. Поднимитесь и выкладывайте.

Она выпрямилась, чуть задрала голову, чтобы видеть мое лицо. У нее странные глаза, вернее, не глаза, а верхние ресницы: всего по семь штук, отстоящие одна от другой на заметное расстояние, зато толстые и длинные, будто остальные не то отдали свою силу и рост, не то их срезали и приклеили на оставшиеся.

Я невольно уставился на это чудо, а она красиво взмахнула этими удивительными ресницами, что упираются в брови, глаза подчеркнута удивленные, неужели и сам принц Ричард, о котором столько слухов, тоже вроде деревенщины, никогда красивых женщин не видел, что ли...

— Ваше высочество, — проговорила она все тем же голосом, приятным, но строгим, — я нарочито выбрала минутку, когда сэр Зигфрид занят...

— Почему? — спросил я в лоб.

— Он бы меня защищал, — объяснила она.

Я поинтересовался:

— А ты, выходит, не желаешь, чтобы тебя защищали?

— Хочу, — проговорила она тихо, — чтобы вы решились мою судьбу сами и чтоб слова сэра Зигфрида не падали на чашу весов моей жизни.

Арбогастр медленно шел к лагерю, она идет рядом, изредка поглядывая на Бобика, но тот ведет себя чинно, то есть не подбирает бревна и не сует ей в руки.

— Хорошее решение, — сказал я, — нет, не слишком для тебя хорошее, зато правильное. Кто ты и что ты?.. Я не нахожу тебя красавицей, но это потому, что ты не в моем вкусе. А так вообще отыщутся некоторые, что назовут тебя совершенством. Люди ж всякие бывают, а мир велик и как бы необъятен, если не присматриваться.

Она передохнула, вскинула голову и посмотрела мне в глаза, а я неотрывно смотрел в ее бледное лицо, стараясь не концентрировать внимание на странных верхних веках с семеркой толстых, как бревна, и таких же длинных ресниц.

— Ваше высочество, — проговорила она тихо, — вы правы, мне лучше было погибнуть... от того зверя, что я так неосторожно вызвала из ада. И сейчас прошу вас либо как-то приказать вашему другу меня оставить, либо убить меня... чего мне, конечно, не хотелось бы... но если не будет иного выхода...

Я вскинул руку.

— Погоди-погоди. В чем вообще-то проблема?

Она ответила так же тихо и не глядя мне в лицо:

— Мной очень заинтересовался один из могущественных магов, Генс Эджекомб. Он потребовал меня у моих родителей, хотя мог просто похитить, и те... отдали.

— Гм, — сказал я.

— Через полгода, — проговорила она тем же голосом, — я сумела узнать одно из заклятий перемещения. Еще полгода я копила силу, а потом сбежала.

— Просто сбежала? — уточнил я.

Она покачала головой.

— С помощью заклятия. Меня перенесло сюда, в королевство, как я узнала, Бриттия. Здесь постоянно пряталась под заклятием Покрова, чтобы маг меня не отыскал.

— А он ищет?

Она прямо взглянула мне в глаза.

— Боюсь, ваше высочество, все еще не прекратил поиски.

— Настолько упорен? — спросил я. — Задето самолюбие?

Она чуть отвела взгляд в сторону, а щеки окрасились нежным румянцем.

— Все это, возможно, вместе... Но, ваше высочество, вы не ошибетесь, если рискнете предположить и нечто большее...

— Что? — спросил я настороженно. — Что-то еще хуже?

— Да...

— Но что? — спросил я. — Жизненный принцип — добиваться своего? Иначе, мол, раз отступил, будешь отступать и дальше?

— И это тоже, — согласилась она, — но... не все.

— А что же, — сказал я и, запнувшись, посмотрел на нее остро, — хотите сказать, он влюбился в вас?

Она чуть вздернула голову, в голосе прозвучало оскорбленное достоинство:

— Ваше высочество, вам, конечно, трудно представить себе, что в такую уродину можно влюбиться, но мужчины способны и не на такие дикие глупости...

Я ощутил, что теряю меру, процедил сквозь зубы, помня о хорошем воспитании:

— Вы прекрасно знаете, что вы красавица, хоть и не в общепринятом вкусе, я это вижу и признаю, хоть и без особой охоты. Но маги, как и священники, только тогда достигают высоких целей, когда на женщин обращают поменьше внимания.

— Это не только маги, — возразила она деликатно, — все мужчины, что хотят побед, должны поменьше тратить времени на женщин.

— Золотые слова, — похвалил я.

Она прямо посмотрела мне в глаза.

— Уверена, у вас тоже нет сотни любовниц, хотя вы могли бы содержать и тысячу.

— Гм, — сказал я, — приятно общаться с красивой и умной, это вообще уродство какое-то, вывих природы. Из-за вас с полсотни женщин ходят уродливыми и дуры дурами... но я заинтересовался этим странным магом, что может достичь вершин, но в то же время вот так все бросить к женским ногам.

— Вы не бросите, — заверила она.

— Почему?

— Вы моложе, — определила она. — И всегда таким будете, в любом возрасте продолжите карабкаться на гору к своим непонятным нам победам. Но не все же такие!

— Слава богу, — сказал я. — У меня больше шансов их догнать и обойти. Обойти в смысле обогнать, а не в смысле... общепринятом смысле, все мы люди.

Она взглянула на меня исподлобья.

— Почему-то мне кажется, вы в самом деле... обойдете. В обоих смыслах. И даже в третьем, если он есть, а у вас он наверняка есть

Я остановил коня.

— Хорошо, я подумаю, чем помочь. Зигфриду, разумеется, твои проблемы нас не касаются. По крайней мере, меня. А сейчас возвращайся в город. Зигфрид скоро вернется из замка, поедет по этой дороге.

Глава 7

Зигфрид вернулся через полчаса, даже и не знаю, что его так тревожит в замке, и тут же засобирился в город, вид настолько виноватый, что я сказал с досадой:

— Знаешь, ты спокойно можешь переночевать там. Не гоняй бедного коня зря туда-сюда.

— Ваше высочество!

— Твой сюзерен, — напомнил я уже с раздражением, — в центре лагеря! Священники и алхимики любую заразу заметят. Побудь со своей, пока армия отдыхает.

Он помялся, посмотрел на меня искоса.

— Вообще-то, ваше высочество, я хотел бы взять ее с собой.

— Что? — изумился я. — Каким образом?

Он сказал с неловкостью:

— У сэра Клемента же есть... эта, как ее... советница?

— Эльфийка? — переспросил я. — Ну да, у него эльфийка, у тебя будет ведьма... Во что превратится армия? Да и как ты ее собираешься возить? И где держать? У Клемента хоть шатер есть!

— Она хорошо управляется с конем, — ответил он, — я уже проверил. Она может надеть мужскую одежду.

— А что церковь скажет? — перебил я. — Именно за это Жанну д'Арк сожгли... или сожгут, неважно. Женщина в мужской одежде — это происки дьявола!

Он помрачнел, потемнел, из груди вырвался тяжелейший вздох.

— Неужели ничего нельзя сделать?... Ваше высочество, у вас всегда все получалось!

Я огрызнулся:

— Но не против же церкви! Я с нею всегда ладил. Даже частенько забегал вперед... хотя и не совсем туда, куда она движается.

— Ваше высочество?

Я задумался, в голове шуршит и шебуршится, я с силой потер лоб, потряс головой.

— Не знаю... Разве что временно отменить некоторые конституционные нормы в связи с военным положением?..

Он замер, глаза загорелись бешеной надеждой.

— Ваше высочество?

— Не мешай, — сказал я отстраненно, — твой лорд мыслит. Церковь тоже отменяла даже самые строжайшие свои доктрины... Например, когда чума выкосила почти всю Европу, церковь приняла закон, на десять лет разрешающий многоженство, а потом действие этого закона продлила... Потому, ссылаясь на более масштабные прецеденты, я могу разрешить твоей женщине ездить в мужском костюме и на коне по-мужски... на время военных действий. В остальное время она обязана быть в платье, а подол должен сгребать весь мусор с пола, как и принято.

Он вскочил, воспламененный, бросился целовать мне руки, но я отстранил одной рукой, а другой показал фигу.

— Не благодари, еще не знаешь, во что вляпываешься.

— Ваше высочество!

— Я не знаю, — продолжал я, — кто она, но спинным мозгом чувствую, у тебя еще будут из-за нее неприятности.

— Лишь бы не у вас, — произнес он чистосердечно. — Я ладно, сам виноват, лишь бы вас ничем не задело.

Город невелик, стена вокруг хоть и каменная, однако ее с разгону и коза перепрыгнет, что и понятно, такие не строятся за один день. Когда поднакопит городская казна денег, поднимут еще на два-три каменных блока.

В городе оживление, народу прибавилось, это наши тут постоянно толкутся, продают или выменивают боевые трофеи, покупают всякую ерунду. Чувствую, десять дней отдыха — многовато, можно сократить до недели, а то и пятидневки.

Зигфрид бдит, готовый защитить меня хоть от брошенного ножа, хоть от стрелы, но успел указать дом, где он разместил свою спасенную ведьму, хотя она вроде бы не ведьма, как сказала мне, но для Зигфрида я по-прежнему именую ее ведьмой и напоминаю, что крестоносцы должны быть непримиримы.

— И что она там делает?

— Пока присматривается, — объяснил он виновато. — Но уже сказала, что может работать лекарем. Она умеет затягивать раны, сам видел.

— Здорово, — одобрил я, — но, знаешь ли, еще раз подумай насчет того, чтобы ее брать с собой.

— Что может случиться?

Я пожал плечами.

— Армия — тот же корабль, а туда женщин вообще не допускали.

— Она не будет женщиной, — пообещал он.

— Как это?

— Если никто не будет знать, — пояснил он.

Под нами проплыла арка городских ворот, одна дорога ведет к лагерю, другая поворачивает на восток, Зигфрид все продолжал идти рядом и рассказывал, что здесь для леди Скарлетт ну совсем все чужие, ей придется уживаться еще хуже, чем в армии, где есть хоть один человек, ей близкий, да и о вас, выше высочество, отозвалась с огромным уважением...

Я поморщился.

— Ну спасибо...

Он сказал встревоженно:

— Ваше высочество, она совершенно искренне!

— Еще бы.

— Нет-нет, — сказал он быстро, — она сразу сказала, что вы железный человек, вас ничто не собьет с пути, а женщины это чувствуют лучше всех...

— Знаешь ли, — сказал я с досадой, — возвращайся к ней, не теряй времени. Мы тут не пробудем долго, а за это время, возможно, успеешь передумать.

— Ваше высочество!

— Так бывает...

Впереди в сторонке от дороги земля пошла горбом, словно исполинский крот делает ход слишком близко к земле, вспучивая целый пласт, затем этот крот остановился и начал выталкивать почву на поверхность.

Мы оба замерли, Зигфрид сказал хрипло:

— Ваше высочество... уходите!

— Мы не знаем, — возразил я, — что это.

— А вы не чуете?

Холод уже поднялся из моих внутренностей до грудной клетки и стиснул в ледяной лапе сердце. Я сцепил зубы, не давая им стучать, а там уже целый

холм, все еще вспучивается, вершина рассыпалась, по склону покатались частые комья земли.

Сильно пахнуло горелым, к нам докатилась волна подземного жара. Зигфрид охнул, на вершине холма появились, развалив его и превращая в кратер с высоким валом, красные факелы, такими показались эти медленно поднимающиеся люди в металлических доспехах: раскаленные, с полыхающими головами, руками, телом...

— Кони! — крикнул Зигфрид.

Воины продолжали подниматься, и стало видно, все сидят на таких же пылающих, словно составленных из горящих углей, конях, и все держатся так плотно, что кони сливаются в единую массу, словно из земли прет раскаленная докрасна глыба железа.

Зигфрид обнажил меч и отважно загородил нас с Зайчиком.

— Не дури, — сказал я, — может, просто заблудились. Дорогу вылезли спросить.

— Дорогу в ад? — прошипел он. — Они только что оттуда!

— Ну или просто поговорить...

Холм рассыпался, а кони начали перебираться через могучий вал, сперва медленные, словно пробыли слишком долго, сжатые земными пластами, я все старался рассмотреть лица всадников, но удавалось увидеть только оранжевые пятна на месте глазных впадин, а еще такие же пятна, только пошире, на месте ртов.

Они начали двигаться быстрее, а из кратера на месте холма выплескиваются все новые пламенные волны. Я насчитал больше десятка всадников, хотя точно не сказать, иногда буквально сливаются друг с другом, и в то же время сохраняют свою структуру, как крупные пурпурные угли в костре, что уже давно не поленья, но все равно каждый сам по себе.

Зигфрид вскрикнул отчаянно:

— Уходите! Я их задержу...

— Не дури, — сказал я строго, — и не смей драться. Может быть, они из неволи бегут! Нехорошо в каждом видеть врага.

Зайчик под моей рукой попятился, затем я отодвинулся в сторону, и когда пылающие всадники послали коней в галоп, нацелившись на меня, я уже видел, что проскачат мимо Зигфрида.

— Да уходите же! — крикнул он.

— А вдруг эти люди хотят просто...

— Это не люди! — заорал он взбешенно.

— А-а-а, — протянул я, — тогда ладно.

Они уже набрали скорость, я тронул каблуками бока арбогастра, он с готовностью пошел крупными скачками. Когда я оглянулся еще раз, за мной уже мчится отряд в пару десятков голов, если не больше, а вдаль быстро уменьшается фигурка растерянного и оскорбленного таким невниманием Зигфрида со вскинутым для схватки мечом.

Багровые всадники несутся за мной с тяжелым грохотом, земля вздрагивает, за каждым целый рой искр, что превращается в огненный шлейф, и кажется, что их там целые сотни.

Арбогастр время от времени оглядывается на меня и недовольно фыркает, дескать, можем оторваться от погони с легкостью, так почему не? Я сжимался в ком, мне и самому, конечно же, хочется того же до жути, однако неизвестно, что натворят эти огненные демоны, если это демоны...

Да и в птеродактиля могу превратиться, успею, но это всего лишь уйти от непонятной погони сейчас, а в следующий раз могут нагрянуть так, что и хрюкнуть не успею...

Я сделал пару резких поворотов, погоня тут же поворачивает следом, оставляя на земле выжженный след и глубокие оттиски копыт. Я трижды подпускал их ближе, обнаглев, старался рассмотреть, но понял только, что все крупнее меня, вроде бы в железных доспехах, но тоже раскаленных докрасна так, что капли металла срываются и падают на землю быстро темнеющими комочками.

Впереди показалась деревушка, я поспешно свернул, чтобы не промчатся с этими чудовищами прямо по главной улице, и потом долго неслись по каменистому косоугору, пока впереди не распахнулась равнина.

Там по самому краю бодрой рысью несется всадник на рыжем тонконогом коне, плащ живописно развевается за его спиной, как будто просится на взлет.

Я не сразу узнал Хреймдара, явно выехал на поиски раритетов, а Зайчик скорректировал бег, и через несколько минут мы уже неслись с ним рядом.

Он оглянулся в изумлении.

— Ваше высочество?

— А ну покажи, — сказал я с задором, — что умеет твой новый конь!

Он молча пригнулся и пришпорил своего рыжего. Некоторое время мы мчались сквозь ветер, я нарочито придерживал арбогастра, чтобы не ушел слишком резко вперед, затем Хреймдар начал оглядываться через плечо.

— Ваше высочество!

— Да?

— За вами погоня?

Я отмахнулся.

— Да пустяки, не обращай внимания. Правители свыкаются с мыслью, что их хотят убить.

Он вскрикнул испуганно:

— Убить?

— Что, — изумился я, — для тебя это новость? Профессиональный риск! Вообще-то окупается.

Он нервно оглянулся, невольно припал к конской гриве, его конек в самом деле пошел чуточку быстрее, но Хреймдар то и дело оглядывался в испуге интеллигента, попавшего в уличную драку.

— Это багровое зарево, — крикнул он, — что настигает нас... это что?

— Да что-то такое, — сообщил я, — как ты и сказал, багровое. С оттенком пурпурного, но больше внутри, а по краям, все верно, багровое с переходом в малиновость, но это не цвет, вообще-то такого цвета нет, разве что у дур-женщин, а так это фиолетовый.

Он вскрикнул жалобно:

— Ваше высочество!

Я сказал легко:

— Там внутри этого зарева еще и люди, представляешь? Ну не совсем люди, как, думаю... И не совсем кони под ними... Зачем-то раскаленное докрасна, будто им тут холодно. И кони, наверное, из другой климатической зоны. Возможно, прямо из ада, как думаешь? Да ладно, не бери в голову. Мы же мужчины! Что за жизнь, если каждый день тебя не пытаются убить?

Он сказал нервно:

— Да вот как-то перебиваюсь...

— Как? — изумился я.

— Живу! — крикнул он сердито.

— Существоешь, — уточнил я гордо, — а жить — это постоянно получать удары судьбы и бить в ответ! А что, эти вот, что гонятся, тебе не нравятся?

Он вскрикнул:

— Нет!!!

— А как насчет приключений? — осведомился я. — Насчет упоения в бою и бездны мрачной на краю?

— Нет, — ответил он отчаянно. — Это грубо, я предпочитаю приключения духа, мысли!

Я посоветовал благодушно:

— Тогда брось в них каким-нибудь заклятием. Или предметом потяжелее...

— Предметом?

— Ну да, — подтвердил я, — я слышал, что если расческу бросить — лес вырастет... Увы, думаю, не сразу, а так это лет через сто... А землю под ними расколоть, чтобы провалились?

Он вскрикнул устрaшенно:

— Ничего этого не могу! Все, теперь нам не уйти!

— А заклятия? — прокричал я.

— Я не могу на ходу, — крикнул он. — Мне нужны ингредиенты или хотя бы компоненты для зелий... И часы неторопливых раздумий!

— Этого нет, — сказал я громко, перекрывая частый стук копыт, — а что можешь вот прямо шас?

Он пригнулся к конской шее и крикнул:

— Почти ничего! Миражи, морганы, иллюзии... да и то на несколько минут...

— А дождь? — сказал я с надеждой. — Сейчас бы хар-р-роший такой ливень нам всем не помешал... Можно с градом, не возражаю.

— Дождь вообще невозможно, — прокричал он. — Это надо быть уж и не знаю кем...

Глава 8

Мы выметнулись на красивейшую обширную равнину, густо заросшую красными маками, хотя вроде бы уже не сезон, одинокое раскидистое дерево с ярко-красной кроной, тень от нее на землю ложится густая,

а еще там у самых корней блеснул небольшой родничок...

— Как красиво, — крикнул я, — райский уголок!

Хреймдар крикнул затравленно:

— Чего?

— Тебе не кажется, — ответил я громко, — что рядом с красотой ум и сердце всегда кажутся бедными родственниками?

Он крикнул обалдело:

— Вы о чем?

— О красоте природы! — ответил я. — Когда еще и полюбоваться, как не сейчас? А то всегда в делах, всегда в делах...

Он крикнул яростно:

— Вы с ума сошли? Какая природа?

— Бесчувственный, — сказал я обвиняюще. — Природой любоваться нужно в любом положении! Или делать вид, что любишься. Только так и можно прослыть культурным человеком, хотя действительно культурному вообще-то насрать на эту природу.

Впереди местность странно понижается с некой диспропорцией, я тряхнул головой, что за оптический обман, вдруг понял, впереди просто обрыв, а то, что вижу дальше, это земля намного ниже, намного...

Хреймдар тоже сообразил, начал придерживать коня, но я заорал:

— Нет!.. Давай к самому краю!

— Мы окажемся в ловушке! — крикнул он.

— Сделаешь мираж!

— Что?.. Какой мираж? Зачем мираж?

Мы подскакали к самому обрыву, я глянул в пропасть, голова закружилась от бездны.

— Мираж дороги, — крикнул я, — что за нами! Просто отзеркаль!

Он торопливо поводил руками. Перед самым краем обрыва появилось изображение дороги, уходящей вдаль, а там дальше выступающий рогом лес, точная копия того, что далеко за нами.

Я проехал через это марево, толщиной оно с ладонь, остановил Зайчика на самом краю, соскочил и отвел в сторону. Хреймдар, вздрагивая всем телом, сделал то же самое, но лицо бледное, как отложения мелового периода, хоть трилобитов на нем ищи, руки трясутся, дома бы дал коврик вытряхивать...

С той стороны нарастает грохот копыт, сплоченный отряд пылающих всадников мчится бешеным галопом, издали похожи на огромную раскаленную докрасна скалу из железа.

Хреймдар пробормотал в ужасе:

— Надеюсь, ваш трюк...

— Сейчас увидим, — прошептал я.

С грохотом копыт весь отряд пронесся по дороге и влетел в марево, видя перед собой только уходящую вдаль дорогу. Я видел, как из призрачной стены с этой стороны на бешеной скорости выметываются на храпящих конях эти чудовища и сразу срываются с обрыва в пропасть.

Целая лавина их влетела в марево и по длинной дуге стремительно летела вниз, и только там внизу раздалась их крики. Из миража вылетают на огромной скорости все новые и новые, тут же их кони теряют под копытами опору, и все срываются вниз, а за ними влетают все новые и новые...

Половину пути в падении эти пылающие существа проделывали молча, еще не сообразив, что стряслось, настолько все быстро и неожиданно, а когда начинали в ярости и ужасе орать, то крики быстро обрывались, заканчиваясь смачными шлепками и едва слышным здесь наверху хрустом костей.

Они падают и орут, падают и орут, мы с Хреймдаром застыли в напряженном ожидании, а грохот копыт за спиной все слабее, наконец из марева начали вымываться последние всадники.

И тут оно задрожало и рассеялось в воздухе. Еще трое сорвались с обрыва, хотя и бешено натягивали поводья, но трое успели задержать коней на самом краю бездны. У одного конь встал в ужасе на дыбы, всадник не сумел справиться с ним, и оба рухнули вниз, но двое пылающих удержали дрожащих взмыленных и разбрасывающих красные искры коней.

Я торопливо вспрыгнул в седло. Хреймдар поспешно пятился, делая вид, что он тут мимо шел и вообще просто заблудившаяся мышка, а не герой.

— Предатели! — закричал я пылающим. — С друзьями судьба должна быть общей!

Они разом подняли над головами чудовишного размера старинные топоры. Я послал Зайчика вперед, он ударил коня пылающего всадника грудью, тот отступил, арбогастр завизжал и ударил копытами.

Конь противника попятился, задние копыта соскользнули с обрыва. За спиной прозвучал вопль Хреймдара:

— Слева!

Я уклонился, не глядя, одновременно поводом заставил Зайчика отпрыгнуть. Огромное лезвие топора со свистом прорезало воздух, а я в ответ обрушил лезвие меча на горящую голову.

Взвился сноп багровых искр, словно ударили по бревну, уже превратившемуся в догорающие угли. Руку больно дернуло, будто саданул со всей дури по валуну.

— Дружба обязывает! — крикнул я. — Ты же не оставишь соратников?

Пылающий всадник прохрипел:

— Ты... смертный...

— Ты тоже, — крикнул я. — Друзья твои уже в аду, как тебе не стыдно их бросить? А как же воинская дружба?

Он снова замахнулся, но я попятился, даже не пытаясь подставить щит, слишком уж массивное это чудовище, топор в его лапе таких размеров, что с одного удара прорубит городские ворота.

— Дружба бессмертна, — повторил я с укором, — как тебе не стыдно не пойти за друзьями?

Увернувшись пару раз, я сманеврировал ближе к обрыву, а потом коснулся коленом Зайчика и сказал кровожадно:

— Давай!

Он сделал стремительный прыжок вперед, удар о багрового коня едва не выбросил меня из седла, но того отпихнуло на три-четыре ярда.

Я видел ужас в горящих адским огнем глазах багрового коня, когда задние копыта сорвались с края. Какое-то мгновение пытался уцепиться передними, из копыт даже начали вылезать длинные когти, но тяжелая задница и масса воина в громоздких доспехах потащили в пропасть.

Я победно прокричал:

— Скажи всем там в аду, что скоро приду погонять их и там! Я человек веселый!

Хреймдар подбежал, осторожно наклонился над краем. На лице его, как мне показалось, заиграли отблески далекого зари.

Я опасливо посмотрел вниз, там далеко у подножия в самом деле целое море пурпурного огня, освещающее обрывистый склон. Раскаленные всадники и кони разбились внизу на крупные и мелкие угли, что образовали целое огненное озеро.

— Красиво? — спросил я. — Эх, Хреймдар! Не спи, замерзнешь.

Он вздрогнул, выходя из ступора.

— К-красиво?

— Ну да, — сказал я, — во всем нужно видеть прекрасное. Мы же эстеты? А это красиво и символично: они жили ярко, горели на работе и сгорели ярко и празднично. Никаких отвратительных трупов, гниющего мяса... а вот так! Уверен, ты бы тоже хотел вот так красиво!

Он содрогнулся всем телом.

— Н-нет!.. Ничуть!

Я изумился:

— Не находишь это волнительным? Ты что, ни разу не эстет?

Он попятился от края.

— Ваша светлость... ну какой эстет из ученого? Да и вообще, эстетов не бывает!

Я широко раскрыл глаза.

— Как это? Я со всех сторон слышу...

— Врут, — сказал он сердито. — Мелкие людишки придумывают себе достоинства, чтобы тоже выглядеть как бы людьми. А нам себе придумывать ничего не надо, мы и так чего-то стоим. Особенно, когда вижу, как вы развлекаетесь во время прогулок...

— Да уж, — согласился я, — просто ухахатываюсь. Ты в лагерь?

— Да...

— Поедем вместе?

Он вздрогнул всем телом.

— Не-е-ет! Я вернусь в лагерь другой дорогой.

— А-а-а, — сказал я понимающе, — сам желаешь полюбоваться красотами природы, чтоб никто не мешал? Так сказать, насладиться?.. Ладно, мы с Зайчиком, считай, уже на работе.

Арбогастр ринулся вперед с такой скоростью, что я не услышал ответ Хреймдара, как он относится к такой вот интересной работе.

Глава 9

Я все пытался понять, с чего вдруг они вылезли из-под земли и бросились на меня, ничего в голову не лезет путное, потом начала стучать в виски, как голодная птичка в окно, слабая мысль, что это может быть как-то связано с той беглянкой, которую упустил маг.

Возможно, следом и он появится, если я такой умный и все могу рассчитать. Тогда с ним нужно будет поговорить мягко и убедительно. Возможно, у него какая-то временная дурь, у всех нас бывает некоторая потеря ориентиров или ложные цели, а потом, когда приходим в себя, говорим с досадой, как, мол, много сил и времени угрохали на ерунду...

И вообще, чем короче период дури, тем проще вернуться в прежний ритм работы.

Зайчик, чувствуя, как я то и дело вздрагиваю, вспоминая этих красных чудовищ, пошел медленнее, а то скачка всегда будоражит хозяина больше, особенно таких вот одухотворенных по самое не могу и возвышенных натурелей.

Земля под копытами то отзывается сухим стуком, а то и треском раскалываемых камешков, то чавкает, когда идем через вчерашние болотца.

В небе сказочно прекрасные облака, далеко впереди лес, а за ним наш лагерь. Зайчик мчится по солнечному миру, однако впереди на землю пала грозная тень и стремительно пошла в нашу сторону.

Я инстинктивно пригнулся и, перекосившись, быстро посмотрел вверх. В небе появилась темная во-

ронка из потемневших облаков, они пошли по кругу все быстрее, начали втягиваться в дыру, затем оттуда ударила ветвистая молния.

Над головой грянул гром ужасающей силы. Я вздрогнул, с небес коротко и страшно блеснул широкий луч. Через мгновение шагах в пяти впереди появилась фигура человека в темной одежде.

Я напрягся, ощущая смертельную угрозу. Вокруг незнакомца, явно могучего мага, едва заметно поблескивает нечто, словно он находится в чистейшем мыльном пузыре без всяких радужных разводов.

Он проследил за моим уstraшенным взглядом и удовлетворенно улыбнулся.

— Все понял?.. Люблю умных людей.

Чуть ниже среднего роста, мелкий в кости, лицо чисто выбрито, высокий лоб, брови сдвинуты и опущены, из-за чего глаза смотрят, как будто вот-вот юркнут обратно в норки. Несмотря на улыбку, в лице что-то очень нехорошее, некая смесь высокомерия, жестокости и порочности.

— Я тоже люблю умных, — ответил я сдержанно. — А еще и вежливых.

Он произнес с холодным пренебрежением:

— Вежливость — удел слабых.

— Разве?

— Быть вежливыми нас вынуждает неуверенность в собственном хамстве, — ответил он со снисходительной улыбкой. — Но если человек в себе уверен...

— Вы настолько уверены? — спросил я.

Его улыбка стала шире.

— Можете попытаться, — предложил он. — Я в магическом коконе, его не пробить никаким заклинанием, никакой магией. Все эти годы я копил магию, теперь она сметет все препятствия, но я найду ее!

— Найду ее, — повторил я. — Неужели речь идет всего лишь о женщине? Ну что это за сила, что швыряет нами, как щепками в штормовом океане? Или я ошибся, вы не о женщине?

Он смотрел на меня неотрывно и произнес с холодной жестокостью в голосе:

— Вы очень быстро догадались. И я понимаю, почему.

Я сказал почти просительно:

— Может быть, стоит быть мужчиной? Ну ушла к другому, так неизвестно, кому повезло!.. Я бы только радовался, а то когда уходишь, всегда свиньей себя чувствуешь, хотя уходить надо...

Он злобно скалил зубы, а я быстро понимал, что все мои конструкции, что я строил по дороге, просто дурацкие. Этого ничем не убедишь и не пробыешь. Есть такие люди, у них на морде написано, что правы только они, а остальные все говно, должны только слушать, а сами рты не раскрывать.

Он сказал злобно:

— Ты примитивное животное и не представляешь глубинной мощи, которой я обладаю!..

— Пока поверю на слово, — ответил я. — С кем имею... неудовольствие? И почему вы здесь?

Он кивнул, но хотя на миг его глаза скрылись под нависшими надбровными дугами, я все равно чувствовал его неподвижный, как у рептилии, взгляд.

— Правильные вопросы... Я — маг Гантагейл. Здесь у вас находится кое-что из того, что принадлежит мне.

— Озвучьте, — сказал я сдержанно, — я много чего насобирав по дороге.

Он пренебрежительно отмахнулся.

— Мелочи меня не интересуют. Я ищу свою женщину, сбегавшую от меня. Она научилась прятаться

даже от моей ищущей магии, однако иногда все же раскрывается, хоть и ненадолго.

— И?

— Когда последний раз я уловил сигнал, — произнес он, — я даже не поверил, что она сумеет забраться так далеко. Но вот я здесь! И чувствую ее присутствие.

Я огляделся.

— О ком вы говорите?.. Здесь только мы. А в лагере мои солдаты. Кстати, очень хорошие и преданные.

— Нет, — ответил он уверенно, — я чувствую запах ее кожи. Аромат ее тела, свежесть ее дыхания... Говорите, где вы ее прячете?

Я ответил с достоинством:

— Вы что-то не так понимаете. Я — эрпринц Ричард Длинные Руки, который ведет армию вооруженных людей на другую такую же армию, и у нас будет кровопролитное сражение без всякой магии и без всяких женщин... Эта битва, которая решит, кому из нас быть, а кому не быть. И вы полагаете, что в этих условиях мне до всего лишь женщин?

Он отрезал сухо:

— Она не всего лишь, а самая-самая... Ладно, я ваши доводы понимаю. Они... разумны. Но человек — не только разум. И я чувствую, эта женщина где-то близко. И вы либо знаете, где она сейчас, либо недавно с нею общались.

— Точно общались? — переспросил я. — Или она только прошла мимо, задев меня краем плаща?

Он на миг задумался, но тут же покачал головой.

— Может быть, все так, но мне кажется, вы знаете, где она. Даже если не занимаетесь ею лично, во что верю. Для вас, людей, воевать — это так важно!

— Ну да, — сказал я, — ну да, а как же, доминирование — все!

— Потому, — продолжил он неумолимо, — я предлагаю вам немедленно выдать ее.

Я посмотрел на него очень внимательно.

— Договаривайте.

Он чуть приподнял одну бровь.

— Что?

— Остальное, — ответил я. — Угрозы. Что если не послушаюсь и посмею упрямыться, то последует страшное и неотвратимое наказание. Вы же это хотели как бы озвучить?

Он произнес холодно:

— Это настолько очевидно, что я не счел нужным произносить это вслух.

— Нужно, — ответил я. — Это нужно.

Он холодно усмехнулся.

— Ах да, вам же нужно оправдание перед самим собой! Что отдали не просто так, а подчиняясь силе. Вы же всегда так говорите: мол, только под угрозой грубой силы... Да, вы ощутите всю мощь моей грубой силы... очень даже грубой, если заупрямитесь.

Я спросил с интересом:

— И что сделаете? Убьете? Так вы это можете сделать сейчас. Я ведь вас достать в этой скорлупе не могу, верно?

Он кивнул.

— Верно. Но пока что убивать вас нет смысла. Мне нужна беглянка, а не ваша жалкая жизнь. Выдайте ее... и вы уцелеете. Я с каждым мгновением убеждаюсь, что вы ее знаете, общались.

— Жестко, — ответил я. — Увы, выдать не могу. Скажу честно, даже не представляю, где она.

Он сказал с угрозой:

— Боюсь, вам придется поискать.

— Иначе? — спросил я.

Он кивнул с самым зловещим видом, даже подчеркнутым, как показалось, но я понял, он и хотел, чтобы я увидел его именно таким.

— Все верно. Я не могу в данное время найти сам... но могу заставить вас сделать это.

Сердце мое давно уже стучит в ускоренном режиме, в животе похолодело, но я ответил все с той же полудоброжелательной улыбкой хозяина:

— Насколько я понимаю, вы из этого кокона не в состоянии высунуть и пальчика?

— А вы бы этого очень хотели? — ответил он ехидно. — Но у меня есть другие способы.

— Правда?

Вместо ответа он повернулся ко мне спиной и вскинул обе руки. Я видел, как напряглись его плечи, словно нечто поднимает, затем один локоть пошел вверх, а другой вниз, будто поворачивает некий невидимый для меня штурвал.

— Вы можете посмотреть, — ответил он со зловещей любезностью, — что вас ждет.

Я быстро посмотрел на небо, затем на него.

— И что?

— То, — ответил он холодно, — что вас уничтожит за мгновение. Но вы можете успеть крикнуть, что сдаетесь, и тогда я отзову... ваше наказание. Но вы тут же укажете, где прячется беглянка.

Я поинтересовался:

— А это не ваши были тараканы, что выползли недавно из-под земли? Красные такие, отвратительные... Вообще-то было зрелищно. Без толку, конечно, но зрелищно! Все эти эффекты с летящими искрами... У нас это в крови — смотреть в костер. Миллионы лет смотрели... Вы не видели, как я их разобрал на угольки? Красивое зрелище!.. Можно еще разок? Только побольше, побольше!

Он процедил сквозь зубы:

— Я был занят. Но не думаю, что вы сумели... Там произошло что-то иное...

— Ну да, — согласился я с тяжелым сарказмом в голосе, — они все взяли и убились о стену. Сами и по доброй воле, словно как бы... Или пошел дождь и всех их весьма загасил, как я вот давлю всяких там тлей... А вы тлей использовать не пробовали?

Он прошипел люто:

— Хихикай, хихикай... В тебе мощи нет, я же вижу! И, кстати, у них не было задания тебя убить. Всего лишь загнать, как собаки оленя, и пригнать ко мне.

— Я прибыл сам, — ответил я с меньшей надменностью. — Пока что никто не смел даже пытаться навязывать мне свою волю! Хотя да, ошибаюсь... женщины пробовали. Вы к женщинам как относитесь?

— Тогда ты умрешь, — произнес он холодно.

— Вот как? — спросил я, победа над огненными всадниками добавила уверенной наглости. — И как же на этот раз?

Он холодно усмехнулся и, не отрывая от меня взгляда, поднял руку с вытянутым указующим перстом. Я невольно проследил за его пальцем, самодовольная улыбка замерзла на моем лице.

По небу медленно передвигается темная черточка, но я могу представить эту безумную скорость, если правильно понял, что это за тварь.

— Увидимся! — крикнул я колдуну.

Зайчик сделал стремительный прыжок, но я уже приник к его шее, и меня не сорвало с его спины.

Ветер заревел в ушах, Зайчик идет стремительно по прямой дороге, а когда она резко вильнула, продолжил бег по пересеченной. Я все оглядывался на дракона, что вырос в размерах и уже вроде бы начинает снижаться, огромный, как линкор. Под ним гнется и тре-

шит небо, а каждый взмах огромных крыльев вызывает здесь внизу бурю.

— Еще быстрее, — сказал я и пригнулся к гриве, пропуская встречный ураган над головой. — Давай вон в те горы.

Дракон, что невероятно, не отстает, а мне казалось, что такая махина, вся в тяжелой костяной броне, просто не может развивать большую скорость, хотя с драконами предугадать трудно, есть драконы простые, а есть усиленные магией, из всех животных они самые чувствительные к ней, многие только благодаря магии и выживают... как мне кажется.

Горы приближаются так быстро, что я начал придерживать арбогастра, чтобы не разбил меня о камни и не разбился сам. Тропка тут же завиляла. Я устрешенно поглядывал наверх.

Я пригибался или поднимал ноги на седло, когда арбогастр проносился чересчур близко к каменной стене.

Страшный жар ударил в скалу над головой. Волна перегретого воздуха обрушилась сверху, как огромная глыба камня. Я вспикнул, пальцы вцепились в повод до хруста в суставах.

Арбогастр стремительно петляет в узком проходе между скалами. Сверху то и дело падает волна жара, однако большая часть пламени остается наверху, дракону из-за острых скал не удастся опуститься достаточно низко для прицельного плевка.

Впереди мелькнула узкая темная расщелина, как раз для нас, чтобы арбогастр проскочил с разбегу, не задев острые края.

Я направил его к щели, соскочил и крикнул:

— Отбеги подальше!

И сразу же прыгнул прямо в черный провал, споткнулся, больно ударился коленом, но скатился во-

внутрь, и за спиной о землю с такой силой ударился сгусток огня, словно разбился бочонок горящей нефти.

Я поспешно отполз, с облегчением вздохнул, пещера почти с приличный зал, что лучше некуда. Я прижался к земле, закрыл глаза и начал торопливо представлять себе, что превращаюсь в дракона.

Сколько прошло времени, не знаю, но, когда вернулся в сознание, у входа грохочет, болезненно отзываясь в ушах, грозный рев, трещат камни, огромные глыбы рассыпаются в песок.

Щель теперь далеко внизу у самых моих ног, а моя спина упирается гребнем в свод.

Рев прогремел громче, камни затрещали, и в щель просунулась огромная голова на тонкой змеиной шее.

Дракон ожидал увидеть человека, что ему на один зуб, но сверху опустилась зубастая пасть, мои чудовищные челюсти с наслаждением сомкнулись на его шее. Зубы пронзили чешую с легким приятным хрустом, как если бы ломали скорлупу яйца, сваренного всмятку. Дракон захрипел, попытался выдернуть голову обратно, но я сдавил сильнее.

Могучие челюсти с такой силой сокрушили тонкие шейные позвонки, что сомкнулись друг с другом. Я прижал голову лапой, через несколько мгновений она полностью отделилась от туловища. Шею потащило обратно, у дракона из-за его размеров сигналы от головы до лап доходят, как у динозавров, через несколько секунд, а то и минут.

Его лапы еще отодвигали грузную тушу от опасного места, еще не зная, что голова покоемся в пещере. Я опустил задом в ту же яму, что образовалась в пещере, и велел себе вернуться в прежнюю форму.

Когда вышел наружу, огромная туша дракона запонила собой почти весь проход. Это чудовище рас-

пласталось на брюхе, подмяв одно крыло, обрубок шеи вытянуло из расщелины полностью, какой молодец, иначе уж и не знаю, как это я вылез бы...

Лапы еще дергаются и скребут землю, убегая от опасности. Зайчик далеко не ушел, наблюдает с интересом, вид невозмутимый, дескать, ничуть не сомневался, у него только такой и должен быть хозяин.

Я кое-как протиснулся, задевая о жесткую кожу и стену с другой стороны. Зайчик подошел, постукивая бодро копытами, приглашающе фыркнул.

— Давай обратно, — сказал я.

Он сделал вид, что не обратил внимания на мои трясущиеся руки и вздрагивающий голос, тряхнул гривой и красиво понесся большими прыжками по узкой тропке между острых скал.

Глава 10

Маг все там же и в том же магическом пузыре, что-то в этом странноватое, словно передвигаться в нем не может, а выйти наружу побаивается. Или знает, что вернуться.

Я нарочито разогнался, а потом красиво и резко остановил арбогастра, сумев удержаться в седле и не уткнуться в его крутую гривастую шею.

— Неплохая была скачка, — сказал я, — люблю вот так разогнаться, чтобы ветер в лицо и в уши... А еще за мной вроде бы гналось что-то вроде летучей мыши... мелкое такое, уродливое. Но куда-то делось. Наверное, отстало или убилося по дороге.

Он смотрел с ненавистью, но я увидел на его лице наконец-то и нешуточную тревогу.

— Вы это называете, — сказал он с нажимом, — летучей мышкой?

— Ну да, — согласился я. — Только мелкой, очень мелкой!.. И летают такие низенько-низенько!..

Он прошипел люто:

— И все-таки я советовал бы вам отдать ту женщину. Даже если перенесетесь на острова в океане... а такие там есть, знаю, мои твари вас найдут очень скоро... и смерть ваша будет ужасной!.. Отдайте беглянку.

— Плохо просите, — отрезал я. — Вы сделали ошибку...

— Какую?

— Я сам старался от нее избавиться, — признался я. — Я же крестоносец, а она ведьма! Но вы избрали не тот путь. Когда меня к чему-то принуждают... да ни за какие пряники!

— Я просить не привык, — отрезал он. — Я только приказываю!

— Это ошибка, — сказал я. — Вы последний из неандертальцев. Всех остальных наши изгнали из племени за неуживчивость еще миллион лет назад. А кроманьонцы нашли и перебили.

Он не ответил, вскинул голову, глаза его обшаривали небо, и я невольно поднял взгляд. Думаю, я все же заметил раньше него некое мельтешение на востоке, словно в нашу сторону несется туча комариков-толкунцов.

Маг еще всматривался, а я уже понял, что это за твари. Я предпочел бы иметь дело с целой стаей горгулий, чем даже с одной гарпией, а здесь их десятки, если не сотни...

Гарпии несутся сюда целой стаей, хоть и с одной совладать не представляю как, учитывая, что эти твари каменные, а мой молот превратил в расплавленные брызги металла Террос.

Маг наконец рассмотрел их, повернулся ко мне, злой и торжествующий.

— Ну как?

— Да ерунда, — проговорил я. — Плешивые горгульи?

Однако всего снова трянуло, отвыкаяю героизировать, больше других посылал в бой, но гордо улыбулся, перебарывая в себе демократа, и уверенно подобрал повод.

— Это не горгульи, а гарпии, — сказал он с торжеством, — гарпии Синего Клана!

— Один хрен, — сказал я.

— Да? — ответил он издевательски. — Горгульи хоть и живучи, но их можно убить как стрелами, хоть для этого и понадобится много стрел, так и простыми топорами... а вот гарпии Синего Клана защищены от всего, что создано вашими руками, человечки!

Он говорил так, словно он уже нечеловек, я напомнил скромно:

— Господь назначил царем мира человека. И даже ангелы поклонились ему. В смысле, человеку.

Он расхохотался:

— Человека!.. Господь!.. У меня другой Господь!

— Какой? — спросил я. — Простите мой вопрос, я очень любознательный...

Он на миг запнулся, затем ответил с апломбом:

— Я сам себе Господь!

— Атеист, — сказал я понимающе, — вообще-то, если между нами, дома я тоже атеист, да еще какой! Но на людях — примерный христианин, ибо!..

Я посмотрел на небо, гарпии уже близко, тронул арбогастра, указывая направление, а маг прокричал за спиной:

— Лучше погибнуть? Не будь дураком! Выдай беглянку!

— Вперед, — велел я.

До того, как Зайчик сделал первый прыжок, я услышал злорадный крик мага:

— Они пойдут по твоему запаху! На любое расстояние!

— Прямо на любое? — спросил я издевательски.

— Хотя на другой конец света, — прокричал он. — От них не скрыться!..

Ветер засвистел в ушах, а стук копыт слился в шорох и остался позади. Мы в первые минуты ушли, как мне почудилось, на дикое расстояние, но, когда я оглянулся, гарпии все еще в небе.

Зайчик несется так, что они все-таки приотстали и превратились в черные точки, однако упорно идут следом. Я чувствовал, как голова начинает накаляться от горячечных мыслей, ничего путное не приходит, наконец вспомнил о браслете Иедумэля, на ощупь начал поворачивать обе половинки, но ветер ревет в ушах и дергает за волосы.

— Чуть помедленнее, Зайчик, — прошептал я, — чуть помедленнее...

Он послушно пошел почти обычным галопом, а черные точки в небе сразу начали увеличиваться в размерах и наливаться зримой тяжестью.

— Сейчас, сейчас, — слышал я свой же шепот, — ну же... быстрее...

Тряска и ветер никак не позволяют настроиться, все образы смазаны и тут же исчезают, а гарпии выросли в небе и начали снижаться.

Я ухватил лук, быстро наложил стрелу и, натянув тетиву до предела, отпустил твердый кончик дерева. Первая гарпия идет уже над нами, стрела ударила ее точно в пузо, и, я не поверил глазам, там блеснула искра, когда стальной наконечник чиркнул по камню, а сама стрела отскочила и, перекувыркнувшись, пошла вниз.

— Чтоб вы подошли, — прохрипел я. — Хотя чего я ждал?

Зайчик, уловив мое движение корпусом, пошел ровной рысью, а я поворачивал браслет Иедумэля, никак не могу сосредоточиться, ну что за хрень, я же всегда был таким... вообще-то таким блиновым и был, ни на чем не мог сосредоточиться, чтобы довести до конца, за все хватался и все бросал...

Над головой уже свист тяжелых крыльев и удары тугого воздуха, но наконец-то перед внутренним взором проступил образ эльфийки. Я поспешно соединил обе половинки браслета, в глазах сразу замелькало серо-зеленое.

Подожвы уперлись в мягкий нежный мох, арбогастр подо мной исчез, рядом могучие толстые стволы, покрытые с моей стороны изумрудно-зеленым мхом, что и понятно, меня же бросило сюда с севера, но если взглянуть на другую сторону, то стволы просто горят в прямых лучах солнца.

Я закричал:

— Тревога!.. Противник задумал уничтожить племя эльфов!.. Тревога, общая тревога!

Из-за деревьев начали выбегать эльфы, а из моей хижины выскочила торопливо Гелионтэль.

— Всем взять луки!.. — орал я. — Мальчики — направо, девочки — налево!.. Нет, лучше наоборот...

Гелионтэль со счастливым воплем бросилась ко мне, я обнял ее одной рукой. Она прижалась всем телом, как лоза к дубу, а я еще тот дуб временами, но сейчас этот дуб собрался и прокричал звучным голосом человека, рожденного отдавать приказы всем на свете, ибо есмь царь природы, как и назначил Всевышний:

— Противник наслал гарпий Синего Клана!.. Он хочет захватить мир, и только благородные и отважные

эльфы могут его остановить!.. Быстрее!.. Они скоро появятся!

Первым с луком в руках прибежал Шэллиэль, быстрый и остроглазый, все в той же шляпе с розовым пером, что говорит о его ранге лучшего стрелка племени.

— Конт? — крикнул он. — Откуда придут?

— С севера, — сказал я.

Он повернулся, прокричал звонким голосом сказочного принца:

— Фоссаэль, Атаэль!.. Берите свои отряды и займите первую линию обороны!

Фоссаэль, весь в зеленом настолько, что не отличишь от куста, даже веточки натывал в шляпу и одежду, появился так неожиданно, что я вздрогнул.

— Я возьму и отряд конта Тулиэля!

Атаэль возник рядом так же неожиданно.

— Нет, — возразил он. — Отряд конта Тулиэля возьму я по праву, как его родственник...

— А что, — спросил я обеспокоенно, — конт Тулиэль умер?

— Нет, — ответил Шэллиэль раздраженно, — он уже вторую неделю в глубоком воссоединении с Великим Дубом.

— А-а, — протянул я, — медитирует... Тогда да, его отряд лучше кому-то взять и вообще не отдавать никаким медитантам. В нашем мире только задумайся о высоком, тут же штаны снимут и подошвы срежут! А где конт Лихтеэль?

Из дальних зарослей донесся сильный и почти неэльфиный голос:

— Здесь. Сколько их?

— Стая, — ответил я. — С полсотни. Так, навскидку.

— Но может быть и больше?

— Еще как может, — заверил я. — Всем хватит! Не спорьте. Лут ваш!

Лихтеэль вышел из-за ствола, поросшего мхом, такой неотличимый от древнего дерева, что мне почудилось, что это сам мох собрался в человеческую фигуру и решил прогуляться по лесу. Только лицо Лихтеэля ясное и нежнощекое, как у остальных сородичей, хотя глаза смотрят сурово, словно он не беспечный эльф, а человек, кое-что повидавший и многое познавший.

— Давно мы ни с кем не дрались, — проговорил он задумчиво и посмотрел на меня почти с угрозой. — Очень давно.

— Наверное, соскучились?.. — спросил я. — За вашу и нашу свободу! За древние традиции стремительного прогресса, освященные Великим Дубом!

Он поморщился.

— Какого прогресса?

— За древние традиции стремительного регресса! — воскликнул я громко, а ему сказал дружески: — Да ты что, это же просто лозунги! Кто им верит? Ну разве что эльфы, но где они, те эльфы.

Он хмыкнул и отвернулся.

На поляну выходят все новые эльфы, рассредотачиваются, я не отрывал взгляда от неба, пока чистого, уже начал надеяться, что гарпии не возьмут такой сложный след, все-таки в моем активе самый сложный прыжок через пространство, однако Лихтеэль вскрикнул:

— Вон они!

В голубизне проступили и начали приближаться темные точки. Сперва это выглядело так, словно смотрю на прозрачное стекло, засранное мухами. У эльфов существует эвфемизм «засиженное мухами». Это вообще-то то же самое, что и засранное, но вот почему-то засиженное, как будто муха всякий раз срет, когда са-

дится, а это несправедливо и вообще поклеп, а я за всеобщую справедливость.

Довольно быстро точки стали жирнее, я рассмотрел быстродвигающиеся крылья.

Точно, магические твари, подумал я с тревогой. Я же пронесся моментально на расстояние, которое птице не преодолеть за сутки, а тут эти твари почти сразу...

Лихтеэль прокричал:

— Стрелять по команде!

Я удивился, как-то дисциплина у меня не ассоциируется с эльфами, потом подумал, что к этому пришли поневоле, потому что, если кто-то выстрелит первым, противник начнет маневрировать, и остальным будет сбит прицел.

Гарпии, что должны быть измучены таким перелетом, если их только не перенесло так же, как и меня, явно зачуяли меня, все сбились в более тесную стаю, чтобы попасть на поляну, не задевая деревья, и по длинной дуге устремились на добычу.

Меня трясет с головы до ног в диком возбуждении, сердце стучит чаще, чем копыта Зайчика при карьере, вот-вот разорвет, если не выплесну вот прямо сейчас...

Верхушки деревьев с северной стороны закачались, затрещали, две рухнули вниз, это слишком снизившиеся задела каменными телами. Я с содроганием подумал, что такая вот тварь с разгону может разнести в щепки целое дерево, а самой хоть бы хны.

— Разом! — прокричал Лихтеэль.

Гарпии были уже над поляной, когда в них ударили первые стрелы. Я тоже стрелял, я же эльф, а потом отбросил лук и схватился за меч.

Первые твари, все же пронзенные стрелами, тяжело рухнули на землю, та даже подпрыгнула, словно с вершины горы сорвались массивные камни, за ними па-

дали еще и еще, одна прорвалась ко мне, я встретил ее ударом меча.

Руки и плечи болезненно заныли, я едва удержал в руках рукоять, но гарпию отшвырнуло, она упала на землю навзничь, придавив крылья, и барахталась, пока ее не пронзили сразу три стрелы.

Еще две гарпии проскочили через завесу стрел, хотя и раненные. Я вертелся и быстро-быстро рубил, избегая их алмазно-острых когтей.

Плечо остро рвануло болью, я упал, обеими ногами подбросил навалившуюся на меня хищную тварь, и ее просадили почти насквозь двумя стрелами на лету.

Эти твари, даже видя свое истребление, не попытались вернуться и удрать, тупо стараются прорваться и гибнут десятками, пока последняя не каркнула мерзко гранитным голосом и не рухнула на трупы остальных из своей стаи.

— Молодцы, — сказал я, — одна за всех, все за одну!.. Сама погибай, подругу выручай! Вам нужна победа, одна на всех, а за ценой вы не постояли... Слава гарпиям!

Эльфы вышли из-за деревьев, луки все еще в руках наготове, я сказал им бодро:

— Вы тоже молодцы, даже весьма!

Глава II

Они осторожно осматривали застывших гарпий, не убирая луков, все выглядят настолько взвинченными, что как пьяные, даже глаза блестят, и рожи то и дело перекашиваются в глупых ухмылках, что так несвойственно всегда сдержанным и благородным эльфам, а рукам все никак не найдут места.

— Поздравляю, — сказал я торжественно Лихте-элю. — Это же как благородно и почетно отразить подлое и коварное нападение на свое Отечество!..

Он посмотрел на меня как-то странно.

— Что-что мы защищали?

— Наше общее Отечество, — объяснил я приподнято и даже возвышенно. — Где мы будем строить новый и великий! Во имя эльфов!.. И всего гуманного человечества, так уж и быть. Великий Дуб в своих священных заповедях завещал заботиться о всяком дыхании.

— Гм, — сказал он.

— Мы защитили, — сказал я, — весь мир, а не только эльфов! Самое главное, успешно, что все-таки немаловажно для самолюбия и так важного для нас, самцов, самолюбования и доминирования.

Ко мне подбежала Гелионтэль, лук уже за спиной, обняла и прижалась снова всем телом, как медуза к плоскому камню.

— Милый!.. Ты всегда приносишь победу.

— Я такой, — согласился я. — Победоносец, можно сказать. Ника с вот такими крыльями! А как там наша победоноси́кова малышка?

Она счастливо заулыбалась, промурлыкала:

— Ты не поверишь...

— Имя еще не дали?

— Рано, — пояснила она. — Вот когда исполнится пять лет... Какое ты хочешь имя?

— Азаминда, — сказал я, не задумываясь. — Это самое прекрасное имя!

— Азаминда, — повторила она задумчиво, — в нашем племени имена заканчиваются на «эль»...

— Пора кончать с изоляцией, — сказал я твердо. — Эльфы всех стран, соединяйтесь!.. Мы должны выйти из лесного гетто и заявить о своих исконных и посконных правах! А также праве на участие в равных и все-

общих... Кстати, я буду вашим кандидатом на пост, как вы понимаете, а если меня еще и тролли поддержат, на что рассчитываю всерьез, то у меня есть все шансы стать аж самим...

Их лица бледнели и вытягивались, я наконец понял, что зря сболтнул о троллях, захохотал беспечно:

— Шутка!.. Никаких выборных должностей... в этом году, только полная и абсолютная монархия!.. Слава королеве!

Они неуверенно заулыбались, все-таки шутки у людей грубые. Для нас нормально ради шутки кого-то дубиной по голове, сразу хохот со всех сторон, а вот эльфы этих тонкостей почему-то ну никак не понимают, а изыщества в упор не видят.

Пока рассматривали гарпий, они уже окаменели в таких жутких позах, можно уносить и ставить в виде украшений, появился Кромантоэль, советник королевы.

Весь в нарядных одеждах, как девочка, что спешит на первый бал, быстро и устрешенно оглядел поляну с телами где скрюченных, где распростертых гарпий, но каждая успешно утыкана стрелами.

— Великий Дуб, — сорвалось с его бледных губ, — это ужасно, ужасно, ужасно...

Я возразил:

— Ну ужасно, кто спорит? Но не ужасно, ужасно, ужасно!.. Такова селяви, как говорят эльфы в другом лесу... а вы думали, вы единственные?.. Как же, арийцы!.. Я вам еще и эльфонегров найду!

Кромантоэль произнес все еще вздрагивающим голосом:

— Конт Астральмэль, вам нужно настоятельно появиться у королевы Синтифаэль...

— Блистательной, — перебил я, — и рожденной из Солнца и Света!.. Дайте мне договорить, я же так люб-

лю произносить ее великолепное имя, словно мед жру большой ложкой!.. Даже бегемотым ковшиком.

— Идите сейчас, — сказал он настойчиво.

— Да как вы можете такое говорить! — ответил я возмущенно. — Я не пойду, а устремлюсь!.. Потому как бы.

Я в самом деле шел быстрыми шагами, однако тонконогий эльф все равно легко скользит впереди, словно танцуя что-то непристойно веселое, но невинное по своей детской дурости.

Гигантские деревья красиво и торжественно разошлись в стороны, а дальше грозно и величественно заблистало опустившееся на поляну солнце, как я решил в тот первый раз, теперь же я был готов увидеть сказочный дворец Синтифаэль, однако сердце все равно ликующе затрепетало и запело нечто высокое.

Сказать прекрасен — ничего не сказать, это мечта, воплощенная в драгоценный камень, дивный рыцарский замок с поправкой на эльфийскую утонченность, изящество, чувство пропорций и соразмеренной красоты.

Дух захватило при виде изящных надстроек, множества башен, башенок, стреловидных крыш с весело трепещущими пурпурными и оранжевыми флажками, воздушных мостиков, длинных террас и балконов, красиво украшенных окон, огромных и блещущих радужными стеклами.

— Как же мне нравится этот домик! — сказал я.

Кромантоэль оглянулся, лицо стало испуганным.

— И что?

— Да ничего, — сказал я успокаивающе, — просто люблюсь, я же эстет, мало ли что еще и Ричард Заха-

пыватель. В прекрасном мире живет божественная Синтифаэль...

— Рожденная из Солнца и Света, — добавил он наставительно.

— Рожденная из Солнца и Света, — согласился я. — Милый и короткий титул! А вы бы попробовали произвести мой полностью... голодным бы спать легли.

Ближе стали отчетливо видны те барельефы, что поразили даже меня, вообще-то не любителя старины и застывшей музыки. Дикая экспрессия, точность передачи чувств, когда-то и эльфы, видать, были людьми.

У ворот рослые эльфы, каждый мне аж до середины груди, но никто не бросился открывать мне ворота. Я уже протянул сам руку, но те послушно распахнулись.

— В прошлый раз было вроде бы не так, — пробормотал я, — а мне казалось, вы консерваторы во всем...

Кромантоэль обернулся, сделал широкий жест рукой.

— Сюда, конт...

— Иду-иду, — ответил я. — Даже если в шею погоните, но как не увидеть божественную Синтифаэль? Увидеть и умереть! Или кого-то прибить в экстазе.

— Кого?

Я отмахнулся.

— Да какая разница, вас же много!

Он пугливо ускорил шаг, перед нами распахнулся холл с его золотыми стенами, полом и выгнутым сводом, где нет свободного места от барельефов и предельно изысканных узоров. Уже и не понимаю, цветы это, звери или эльфы такие, вдруг за это время видоизменились, как мы со времен питеков и кистепериков?

Двери в первый зал тоже распахнулись сами, кажется, начинаю понимать, что у них по пятницам нужно торжественно открывать самим, соблюдая некую древ-

нию и очень освященную традицию, а в остальные дни распахиваются вот так попросту перед каждым входящим.

Я шагнул в царство вкуса, изящества и утонченной красоты, радостного света и дивных красок. Кромантоэль обернулся и указал взглядом на красную ковровую дорожку. Я встал на нее, и то ли это сам иду, как сомнамбула, то ли меня несет через этот радостный и беспечный мир, как кораблик в ручейке по тихой воде...

Пламенная дорожка привела к дверям второго зала. Двери распахнулись в чистый солнечный свет, мои деревянные ноги несут через это сияние, где под противоположной стеной угадывается трон, а на нем женщина, от которой и струится этот божественный свет невиданной чистоты и свежести.

По обе стороны ковровой дорожки прекрасные эльфы и эльфийки в вычурных костюмах придворных, красиво и грациозно склонились в полупоклонах, но я вижу только блистательную и божественную Синтифаэль. Сердце с каждым шагом стучит все громче и радостнее, а в виски бьется ошалелая мысль, мол, ура, я снова ее вижу!

Я преклонил колено у ступеней, Синтифаэль, прекрасная и надменная, в высокой золотой короне с крупными сапфирами по ободку и на вершинках острых лучей, с золотыми волосами, ниспадающими крупными локонами на плечи и спину, неспешно обратила на меня царственный взор.

Мои глаза прикипели взглядом к ее нечеловечески прекрасному лицу, а она, выждав время, не обнаглела ли я до такой степени, что осмелюсь заговорить первым, произнесла серебряным голосом:

— Конт...

— Конт Астральмэль, — подсказал я с готовностью.

Она чуть поморщилась, подсказка неуместна, произнесла сухо и холодновато:

— Как нам стало известно, вы все-таки явились в наш Лес, не испросив на то мое высокое соизволение, как я вам велела строго-настрого?

— Токмо зело! — воскликнул я. — Ваше Величество, не лепо ли не бяше, но мной руководствовалось страстное стремление быть полезным опчеству, потому я вот!.. Если бы, как вот надо, в смысле вами велено, то эти проклятые гарпии Синего Клана надысь истребили бы эльфов... ну, пусть не всех, но все равно это был бы весьма и токмо разгром!.. Как могу я, прирожденный эльф, такую прю допустить?.. Да лучше вы меня вот тут разорвете на куски, затопчете копытцами или забодаете... корона у вас в самый раз, но я готов отдать за благополучие эльфов душу... да что там душу, готов даже сапоги с золотыми шпорами!

Она слушала с беспристрастным видом, Кромантоэль забежал петушком сбоку и тихохонько пошептал, не касаясь ее розового уха.

Ее бесподобно крупные глаза, налитые чистейшим светом незапятнанного людьми мира, окинули меня изучающим взглядом.

— Что ж, — произнесла она задумчиво, — в связи с тем, что на чаше весов была угроза для эльфов, как вы почему-то решили, это вас оправдывает в некоторой степени.

Кромантоэль пошептал снова, она отрицательно качнула головой, а мне сказала тем же ровным голосом:

— В особых случаях вам разрешено являться в Лес, не испрашивая моего разрешения...

— Ох, Ваше Величество, — воскликнул я, — это счастье!

— ..но затем, — продолжала она неумолимо, — вы обязательно должны прийти сюда и объяснить все свои действия и поступки.

— Это лепота, — сказал я обрадованно. — Могу прям шас! Вот когда я только родился...

Кромантоэль посмотрел на меня строго и едва заметно покачал головой, а Синтифаэль произнесла ледяным голосом:

— Нас не интересуют те проступки, которыми наполнена ваша жизнь с момента рождения. Но за каждый шаг в нашем Лесу вы должны будете отвечать по всей строгости.

— Закона? Ах да, королевского суда Вашего Величества! Как я счастлив! Как я ликую! Как же мне хорошо!.. А ведь в самом деле присно хорошо!

Она сделала небрежный жест кончиками пальцев, таких тонких и красиво вырезанных, что мне страстно захотелось припасть к ним в безумном поцелуе, а то и укусить.

— Можете встать, конт.

Я не стал напоминать, какой я конт, все уже знают, что я тот самый Астральмэль, вскочил и поклонился учтивейшим образом, а потом попрыгал с поклонами, дескать, я вот легкий, как и все эти кузнечики вокруг, помахал воображаемой шляпой над носками сапог, раз уж не пришлось отдавать, то теперь можно и пыль стряхнуть.

— Я примчался сразу, — пояснил я, — как только!..

Она поинтересовалась:

— И что вас вело?

— Эльфизм, — сказал я твердо и посмотрел на нее так по-человечески, что на ее лице проступило едва заметное беспокойство, — это не расовая принадлежность, а состояние души!.. Ваше Величество, можно быть человеком, но стать свиньей, а можно стать и

эльфом, пусть и глубоко в душе, а у кого-то и совсем неглубоко, а то и вовсе снаружи, вы еще не видели наших косплеистов!

Она спросила сдержанно:

— Конт, эльфы обожают сложные конструкции из слов, это наше искусство, но не могли бы вы... говорить проще?

— Гм, — ответил я, — упростим для доступности. Я хочу сказать, что вот сейчас богатым и могучим королевством Ламбертиния правит эльфийка Лалаэль...

Она приподняла брови.

— Человеческим?

— В натуре!

— Лалаэль? — повторила она. — Не припоминаю эту подданную.

— Она из другого племени, — сказал я с тайным злорадством. — Намного более мелкого, почти исчезающего... но у них хватает отваги... или отчаяния, но в данном случае это неважно, хватает, чтобы ухватиться за любую возможность выжить и укрепиться!

Она в удивлении покачала головой.

— Но... как?

Я ответил с достоинством:

— Ваше Величество, я за всемирный эльфизм и обэльфивание всего туземного населения всех земель и пространств во имя и для. Рожденный местным квасным патриотом... потом объясню, что это за выверт, я вырос до понимания антидемократических ценностей глобализма и потому сейчас я за!

— Конт, — произнесла она с непониманием, — но как эльфийка может быть королевой в землях людей?

— Запросто, — ответил я нахально. — Она ж королева, а не какой-нибудь премьер-министр, канцлер или, тьфу-тьфу, президент?.. Она королева! Олицетворение!.. Все лучшее!.. Она божественно неподсудна, ей

не грозит импичмент или перевыборы, народ ее обожает!

— Не могу в это поверить, — проговорила она озабоченно.

— Ваше Величество, — ответил я, — если вам угодно будет, я могу вас перенести туда.

Она отшатнулась.

— Что?

— Вы примете от нее присягу, — пообещал я. — Она хоть и королева, но всего лишь у людёв, а вы владычица эльфов, это почти что морская! Так что теперь у вас будут эльфы и... целое королевство людёв!

Она задумалась, потом спросила нерешительно:

— А как вы туда... ах да, с помощью браслета Иедумэля! Верно?

Я сказал с восторгом:

— Вы все видите насквозь! И даже через мою одежду!.. Вот он, под рукавом. А рукав вот здесь...

— Я слышала о них, — проговорила она задумчиво, — но полагала, давно утеряны...

— У меня есть адын штука, — похвалился я. — Так как, Ваше Величество? Я вас перенесу. Вы не выглядите тяжелой.

— Как происходит перенос? — спросила она. — Браслет был изготовлен для гонцов, что берут только письма.

— Понял, Ваше Величество, — ответил я с готовностью. — Все дело в том, чтобы не выпустить вас из рук. Скажу честно, ту эльфийку я едва дотащил, она ж была явно после обеда. Но вас я буду держать крепко...

Она посмотрела на меня и чуточку отодвинулась на троне, словно я уже протянул к ней загребуше скифские.

— Нет, — ответила она так резко, что я понял, вопрос обсуждению не подлежит, — ко мне прикасаться не могут ничьи руки.

— До свадьбы ни поцелуя, — сказал я понимающе, — так вот откуда пришел этот удивительный принцип... Я подозревал, подозревал!.. Да что там подозревал, интуитивно знал, что были у нас в безумном прошлом эти ауткроссинги, а то и вовсе кроссбридинги, что ваше... да, предки умели погулять и пошалить... Хорошо, Ваше Высочество, но я закину словечко насчет вассалитета. А пока, увы, я не смею занимать ваше драгоценнейшее время в ваших интеллектуальных играх, когда вы складываете из кусочков льда слова типа «вечность», «энтропия», «тепловая смерть»...

Глава 12

Я поклонился и отступил, но она остановила меня повелительным жестом.

— Конт, подходит ваше время.

Я охнул, спросил с надеждой:

— Правда? Наконец-то! А то я уже и ждать устал, так измучился.

— Тогда я вас поздравляю, — сказала она и мило-стиво наклонила голову.

— Ура, — сказал я. — А что дают?

— Обязанности, — объяснила она.

Я сник, ответил со вздохом:

— А я уж размышлял... что от меня что-то требуется! Так люблю жертвовать своими интересами и благодетельствовать иных и прочих. Даже незнакомых, бывало, благодетельствовал! Так благодетельствовал, что они даже и не знали, как отблагодарить, чтобы адекватно.

— Вы очень благородны, — ответила она с сомнением.

— Положение обязывает, — объяснил я. — Мало того, что эльф, я ж еще и представитель эльфизма среди понаехавшего населения людей!.. Мне надлежит быть!.. Кстати, насчет обязанностей...

— Да, конт?

Я сказал патетически:

— Это так почетно и обязывающе... А можно, я ввиду своего врожденного благородства, усиленного прекрасным воспитанием, позволю кому-то другому нести эти прекрасные и ничуть не обременяющие дела и ноши?

Она качнула головой, золотистый свет от ее высокой прически пробежал по стенам и осветил вместе с ними и свод.

— Вы так прекрасно сказали, — произнесла она, — насчет почетности обязанностей...

— Еще бы, — воскликнул я. — Как урожденный эльф, я прекрасно понимаю сладость служения Отечеству в лице родного и великого эльфизма! И распространения его великих идей для осчастливливания остальных... гм... в общем, эльфов, а прочие пусть копаются в своем человечнике и тролльнике, а мы, гордые прекрасные эльфы... пойдем мимо и дальше, дальше, дальше... в общем, пойдем, куда пошлют... хотя это и неверно.

Она посмотрела внимательнее.

— Неверно?.. Что вы имеете в виду?

— Изоляционизм, — пояснил я. — Все мыслящее должно выйти из нор патриотизма и слиться в интернационализме! В перспективе. Как я уже сказал, эльфийка Лалаэль сидит на троне королевства Ламбертиния, люди собирают грибы в эльфийском лесу, а тролли осушают болота и прокладывают дороги в светлое

будущее. Мы должны увидеть вдохновляющие перспективы в смутной и дымной дали... я над этим уже работаю по вашему заданию, Ваше Величество!

Она сдвинула брови и смотрела в упор, я гадал на-счет того, скажет или не скажет, что ничего подобного не поручала, но в следующую минуту я убедился, что имею дело с настоящей королевой, Синтифаэль лишь покачала головой, что означает привычное: если дело выгорит, то я выполнял ее прямой и ясный приказ, а если крах, то это было мое наглое самоуправство.

Я отступил с поклоном, но когда уже был на половине пути к двери, она произнесла вдогонку:

— Через три недели, конт.

Я обернулся.

— Чё, Ваше Величество?

— Ваша очередь дежурить в покоях, — пояснила она.

Я поклонился и продолжал пятиться, держа взглядом красную ковровую, что явно для корректировки и предназначена, а потом услышал, как за спиной распахнулись двери, выпятился в соседний зал и поспешно развернулся, утешая себя тем, что краб вообще ходит боком.

Дальше торопливо шел через просторный холл, в голове снова страсти насчет незаконченной схватки с магом, вряд ли он успокоится, надо возвращаться побыстрее и как-то решить это дело, но когда вышел на дневной свет, услышал нежный вскрик:

— Астральмэль!

Гелионтэль, как дивный цветок пурпурного цвета, уже переодевшись в нарядное платье, машет руками с площадки, усыпанной крупнозернистым золотым песком.

— Милая, — сказал я, — так спешил к тебе, что и не знаю даже, как и куда шел! У нас, у эльфов, так бывает.

— Пойдем домой, Астральмэль, — сказала она и, прижавшись ко мне, настойчиво направила мои шаги к ее увитому ветвями жилищу.

Я распахнул дверь, охнул, в большой комнате за столом, в креслах и даже на кровати сидят Яэль, Кюэль и Мюэль. На кровати расположилась самая младшенькая, что по линии Треэля, золотоволосая и вытаращенноглазая Оэль, но сейчас ее тонкий стан, который я обхватил бы пальцами рук, безобразно вздут непомерным животом.

Все они радостно завизжали, поднялись и, мое сердце защемило, пошли ко мне, растопырив ноги и сильно откинувшись назад корпусами, уравнивая огромные животы.

Я обнимал их по очереди и вместе, стараясь не придавить эти вздутости, испортившее тонкие талии, эльфийки такие нежные, самый огромный живот у младшенькой, Оэль. Я даже подумал насчет близнецов, но у эльфов их никогда не было, так что ладно... Ну я и размножаюсь, никогда бы не подумал о себе такого героизма... вот так ляпнешь что-то не к месту, а потом тянется такая цепочка... что уже и не цепочка, а все растающаяся лавина.

— Ты принес нам счастье! — пропищала Оэль.

— Ты замечательный, — сказала Кюэль ласково.

— Мы все тебя любим, — нявкнула Яэль.

— Это вы меня сделали счастливым, — возразил я. — Никогда бы не подумал, что смотреть на ваши пузьяки — это так здорово и так... хорошо! Я чувствую себя... даже не знаю, как это сказать... Но мне так дивно странно, ново и необычно, как будто это уже не я, а чуточку больше, чем я, и чуточку даже лучше.

Они хихикали, не врубаясь и не стараясь понять, что я несу, а я в самом деле чувствую, что смотрю на их

животы с непонятной гордостью, хотя вроде бы должен ощутить ужас, а то и вообще ответственность.

В каждом вздутом пузе сейчас развивается по личинке, которые я туда засадил. Вся эта группа эльфиек сейчас исполняет роль грядок, на которых я засеял свои дивные генетические цветы.

Мюэль вскрикнула:

— Ой, мы ж забыли тебе сказать!..

— Что? — спросил я.

— Изаэль недавно родила, — сообщила она звонким голосом и рассмеялась. — Сама не поверила, что у нее получится!.. Так рада, так рада, линия их рода теперь не прервется!

— А у вас по женской линии считается? — спросил я. — Хотя это неважно. Передавайте, я тоже счастлив... и как жаль, что из этого чистого радостного мира нужно возвращаться в холодную и жестокую вселенную людей.

Их щебетанье прервалось испуганно, а Гелионтэль, как моя старшая жена, сказала мягко:

— Тогда останься.

Я покачал головой.

— Чтобы защитить наш эльфийский мир... нужно быть там.

Она вздохнула и сказала чистым светлым голосом:

— Ты лучше знаешь, что делать, муж наш.

— Я люблю вас, — сказал я. — При первой же возможности я прибуду, чтобы послушать, как они там пинаются в ваших пузырях.

На этот раз я только-только начал поворачивать браслет Гонца, как проступили смутные образы с крупными глазами и вытянутыми ушами, но долго не мог разобраться, чьи глаза и уши, это эльфийские гонцы во мгновение ока видят, куда и к кому, а для меня все эльфы вроде китайцев.

Ага, вот эти серьезные глазища принадлежат Ричель, она чуточку отличается от остальных.

Я стиснул браслет, соединяя обе половинки, и тут же меня вздернуло, голова закружилась, не люблю невесомость, эльфы наверняка переносят лучше... или хуже...

Подошвы плотно ударились в твердое, а уши сразу схватили гул голосов и шелест под ветерком полотна палатки. Я в палатке Клемента, Ричель сидит на краю ложа в задумчивости, в испуге охнула и отшатнулась, схватив что-то из одежды и прикрываясь, чисто человеческий жест, эльфийкам не свойственный.

— Все в порядке, — сказал я успокаивающе. — Сокращаю дорожку. Клемент?..

— В замке, — ответила она торопливо. — Конт, у тебя неприятности?

— Уже знаешь, — сказал я неохотно. — Ничего, я все решу. Отдыхай.

Она грустно улыбнулась.

— Я жду Клемента.

— Пора привыкнуть выходить на люди, — посоветовал я. — Кстати, тебе привет от Изаэль. Ты теперь тетя! У нее родился чудесный малыш.

— Ой, — вскрикнула она в восторге, — это же так чудесно!.. Неужели и у меня такое случится?

— Наверняка, — заверил я и, пригнув голову, вышел из палатки.

Послышался звонкий топот, Зайчик мчится в мою сторону веселый и с красиво развевающейся гривой. Я помахал ему рукой, а когда он с готовностью остановился передо мной и развернулся боком, я сказал бодро:

— Сейчас поедем! Но подожди минутку...

У моего шатра Зигфрид обучает двух стражей, как правильно телохранительствовать. Те обернулись ко

мне и поклонились, а Зигфрид бросился ко мне с во-
плем:

— Что там было?

— Потом, — оборвал я. — Быстро бери своего быс-
троногого! Сейчас кое-куда съездим.

И, не слыша ответа, вошел в шатер, бросился к за-
ветному сундучку, закрытому так, что никто даже не
поймет, с какой стороны открывается.

Ощувив тепло моих ладоней, крышка дрогнула и
чуть приподнялась. Я распахнул и торопливо шарил
взглядом, стараясь отыскать хоть что-то, с чем можно
как минимум выстроить защиту.

За стенкой шатра простучали копыта легкого коня,
Зигфрид спрашивал стражей, не ушел ли его высочест-
во, я прокричал:

— Я здесь, уже иду!

Когда я вышел, он в доспехах и в седле своего ры-
жего коня, в руке повод арбогастра, взгляд встрево-
женный, как бы я ни делал лицо каменным, опытный
телохранитель сразу видит, что с опекаемым объектом
что-то не весьма.

— Ваше высочество?

Я поднялся в седло и сказал громко:

— Давай к той сволочи в мыльном пузыре!

Зигфрид не сразу понял, что это не ему, а Зайчику, а
тот сразу развернулся и пошел рысью к выходу из лаге-
ря, а там уже оба коня ринулись в красивый галоп, вы-
тянув пышные хвосты и с развевающимися гривами.

— Какой сволочи? — прокричал Зигфрид. — Что с
теми всадниками?

— Какими всадниками? — удивился я. — Ах, ты о
той мелочи... Я уже и забыл...

Мы снова пронеслись через широкое поле, зарос-
шее роскошными красными маками, где недавно мча-

лись с Хреймдаром. Их так много, что даже травы не видно, только бесконечный красный ковер из пламенных лепестков. Мелькнула мысль, что это явно декоративный сорт, созреть не успеет, скоро осень, это же сколько он цветет, но тут же все смахнула тревожная мысль, что с магом мне удастся все труднее, а сейчас так и вовсе иду ва-банк, притащив и Зигфрида.

Он крикнул навстречу ветру:

— Что нас ждет?

— Будь готов ко всему, — ответил я сурово.

— А-а, — ответил он, — тогда как обычно...

Далеко впереди заблестал под лучами солнца магический пузырь, так вообще-то невидимый, но некоторые участки под определенным углом отбрасывают яркие солнечные зайчики.

Зигфрид пощупал рукояти меча, кинжала, со стуком опустил массивное забрало, такое же чудовищное можно увидеть только у Растера.

Когда мы приблизились, я красиво соскочил на землю, показывая, что в полном порядке. Зигфрид тоже слез и остался у мага за спиной, но тот лишь с иронией повел в его сторону глазом и снова вперил взгляд в меня.

— Спасибо за приключение, — сказал я с натужным весельем, хотя сердце трусливо колотится, как овечий хвост. — Люблю иногда вот так повеселиться в бурной скачке, вспомнить такую далекую молодость, когда и вечный бой, покой нам только снится, сквозь кровь и пыль летит, летит степная кобылица и мнет ковыль...

Он спросил непонимающе:

— Что?... Какая кобылица?

— Да просто вспомнилось, — сказал я мирно, — где они теперь, те фараоны?.. Закат в крови, закат в крови, из сердца кровь струится. Плачь, сердце, плачь... По-

коя нет! Степная кобылица несется вскачь... Когда-то мы вот так, а сейчас же поумнели? Должны поумнеть? Ну что нам драться из-за...

Я посмотрел на Зигфрида и прикусил язык, но маг явно уловил мое отношение к предмеру спора.

— Как, — проговорил он с трудом, — тебе... удалось?

Я ответил с небрежностью:

— Вы о чем?.. Ах, об этих своих воробьях?.. Ну, они так привязались ко мне, что пришлось их... гм... усыпить.

— Что?

— Хотел сперва просто разогнать, — объяснил я, — но один вот рубашку на плече порвал, сволоочь, видишь?..

Он смотрел, медленно бледнея, на мне в самом деле только рубашка чуть порвана, но ни малейших ран, а я не выгляжу обеспокоенным.

— Вот я и... — сказал я.

Он спросил хрипло:

— Что?

— Пришлось за такую наглость, — объяснил я, — перебить всех этих ваших мух до единой.

— Не думаю, — проговорил он сдавленным голосом, — что вам это удалось легко... Удирали вы отсюда в ужасе.

— Это чтоб вам доставить удовольствие, — пояснил я. — Радуетесь, радуетесь, а потом — бац!.. Оказывается, мне в ту сторону и надо было, я туда по делам весьма зело спешил.

— Что вы врете!

— А вы говорите только правду, — сказал я саркастически. — Хотя сильный да могучий может себе это позволить, но... зачем? Жизнь станет такой скучной,

если никого не обмануть, не надуть, не приколоть... У меня к вам деловое предложение.

Он выкатил в ярости глаза.

— Что? У вас? Ко мне?

— Ага, — сказал я. — Идите ко мне на службу. Под моей рукой и руководством во славу... чего-то там, потом придумаем, достигнем немало и весьма причиним радости и счастья покоренным народам.

Он откинул голову, вид донельзя оскорбленный, только на лице все отчетливее проступает не только злость, но и чувство поражения.

— Ты глуп, — прошипел он люто, — и ты погибнешь злой смертью!.. А женщину я все равно отыщу и заберу!

Я видел, как дернулся Зигфрид и обнажил меч, но я чуть-чуть покачал головой, запрещая что-то делать.

— Ну так давай, — предложил я, хотя внутри все похолодело, а вдруг у него в самом деле есть что еще в запасе. — Я-то едва-едва разогреваться начал.

Он сказал с ненавистью:

— Я ухожу, но я вернусь...

Я сунул руку в карман, нащупал и кое-как вдел пальцы в медный кастет, что захватил из своего сундучка. Отец Дитрих подарил его мне и сказал, что это на самый крайний случай, когда уже не помогут ни меч, ни что-то еще.

— А ты уверен в крепости своего кокона? — спросил я.

Он зло оскалил зубы.

— Проверь!

— Как скажешь, — согласился я.

Он не успел моргнуть, как я нанес сильнейший удар в этот магический купол. Выступающая часть кастета, имитирующая костяшки пальцев, врезалась не в мяг-

кое, как я ожидал, а в некую непрочную преграду, вроде тонкого стекла.

Раздался хрустальный звон. Быстро и страшно вспыхнули прямо в воздухе четыре креста, словно перепрыгнувшие с выступающих частей кастета и ставшие огромными.

Кокон с сухим треском лопнул, взорвался изнутри. В воздух взлетели то ли мельчайшие стекляшки, то ли блестящие льдинки, заблестали пугающе и страшно, но истаяли моментально, не успев коснуться земли.

Маг в изумлении и ужасе распахнул глаза и рот. Зигфрид во мгновение ока с силой двинул перед собой длинным ножом.

Я услышал характерный треск и хруст. Стальное лезвие, вонзившись в спину, прорезало плотные ткани, наткнулось на кость и, ломая сопротивление, перерезало ее с влажным хрустом, словно толстую морковь.

Маг вскрикнул, изо рта брызнула густая темно-красная кровь.

— Но... как... — прохрипел он. — Рука человека не может...

Мы с Зигфридом злобно улыбались и смотрели, как он опустился на зеленую траву, истекая кровью, как сучит ногами, а в глазах затихает жизнь.

Зигфрид коротко взглянул на меня, я кивнул. Двумя короткими ударами отделив голову от туловища, он ухватил ее за волосы и бросил в кожаный мешок, а тот привязал к седлу.

Я вскочил в седло арбогастра, Зигфрид кивнул на обезглавленный труп.

— А что с ним?

— Будем заботиться и о животных, — сказал я величаво. — Господь, поставив Адама перед всеми зверьми, сказал ему, что отныне он царь природы, потому должен заботиться обо всех!

Зигфрид мало что понял, проворчал:

— Даже шакалы получше иного человека.

Он поднялся в седло, и мы повернули коней в сторону далекого лагеря.

Глава 13

На обратном пути Зигфрид старательно выпытывал, как это маг все-таки нашел беглянку, и все требовал, чтобы я рассказал все подробно, как он и что.

Я величаво отмахнулся.

— Дружище, да что нам этот маг? Мы воины, а воины всегда сражались с магами. Это наша доля... но не такая уж и плохая. Будут еще маги! Если враг не сдается и не коллаборационирует, его уничтожают.

Он сказал с надеждой:

— Значит, могу сказать Скарлетт, что можно не прятаться?

— А не боишься, — спросил я, — что сбежит и от тебя?

Он изумился.

— Почему?

— Теперь ей уже не нужна защита, — пояснил я.

Он на миг задумался, лицо просветлело так, словно на него упал луч яркого солнца.

— Не сбежит.

— Крепко держишь?

Он покачал головой.

— Нет, это она меня держит.

— Поздравляю, — сказал я саркастически. — Вот уж не думал, что и ты попадешь под женский каблук!

Он спросил с жадным любопытством:

— А кто еще?

Я вздохнул, сказал тише:

— Да вообще-то все, если честно, только мало кто признается. Но одни только под каблуком, а другие еще и под подошвой. Так что да, жизнь у нас веселая, потому что смешная.

В лагере нас встретили довольными возгласами, всем нравится, когда высший лорд с ними, не чувствуют себя брошенными. Зигфрид едет сзади, прикрывая мне спину, потому я первым увидел у шатра Клемента его самого с конским поводом в руке. Он тяжело бежит вокруг шатра, держа под уздцы белоснежную лошадь с длинной белой гривой и таким же пышным хвостом, а в седле... Ричэль!

Как я помню, расхрабрившаяся Ричэль в присутствии Клемента наливает собирающимся у него военачальникам вино, держится с достоинством, красивая и гордая, только мы с Клементом и знаем, чего это ей стоит, это там, в эльфийском лесу, она была сама собой, а здесь это трусливая и постоянно трепещущая мышка.

Но чтобы вот так вне шатра и на коне... гм, это не просто прогресс, это просто перелом!

Она увидела меня, весело пискнула, Клемент обернулся и остановился, не выпуская лошадь.

— Ваше... высочество... — пропыхтел он.

— Отдохни, — велел я, — Ричэль, ты его совсем загоняешь... Кстати, поздравляю.

Она сделала большие глаза.

— С чем?

— Ездишь по-мужски, — ответил я. — Красивого коня тебе подобрали.

— И очень послушного, — сообщила она. — Сэр Ричард, скажите ему, что не обязательно держать повод!

Я повернулся к Клементу.

— Ты слышал, что дама говорит?

— Какая она дама, — возразил он, — если не признает дамское седло?

Однако повод осторожно выпустил, но вид у него оставался таким, что вот-вот прыгнет и снова вцепится обеими руками.

Ричэль легонько тронула повод, улыбнулась.

— Сэр Ричард, посмотрите, как я управляюсь!

Я придержал Клемента за плечо, а Ричэль дважды объехала по широкому кругу вокруг шатра, третий раз расхрабрилась настолько, что прошла на рысях, а затем остановила перед нами и заставила лошадь стоять на месте.

Клемент с огромным облегчением перевел дыхание и с усилием разжал кулаки.

— Это уже высший класс, — одобрил я. — А Клемент все еще не отпускает? Деспот.

— Нечестно, — спросила она тоненьким голосом, — да?

Клемент пробормотал:

— Дык я сколько сам старался приучить не бояться людей! Кто ж знал, что на коне ей спокойнее!

— Кони хорошие, — заявила Ричэль.

— Ты же на них смотрела, — сказал Клемент обвиняюще, — как на лохматых чудовищ!

— Они только с виду страшные, — сказала Ричэль.

— Поздравляю, — сказал я, — Ричэль, ты первая из эльфов, насколько я знаю, кто освоил самостоятельную езду на лошади.

Она спросила с недоверием:

— Правда?

— Точно-точно, — заверил я. — Эльфы либо в дремучем лесу, либо в неприступных горах. А для скачек потребны степи... Так что не эльфы виноваты, а среда

обитания, как говорят классики научного гуманизма. Но ты все равно молодец! И пример всем остроухим. Пойдемте в шатер, а вы, сэр Клемент, доложите, насколько армия готова к выступлению.

В эту ночь, выбрав время поспокойнее, я снова ушел в облака, стараясь выглядеть как можно более старой, уродливой и неряшливой птицей, которую не то чтобы есть, но даже стрелу в нее пустить противно.

Личина птеродактиля подходит больше всего. В сравнении с птицами он и выглядит жалко, разве что намного крупнее, но понятно же, никто жесткое мясо этой пахнувшей рыбой мерзкой твари есть не станет, а просто стрельнуть — ни за что потерять стрелу, а они на деревьях не растут.

Ночь с затянутым тучами небом и бледной нездоровой луной, по земле бегут неясные тени, напоминающие целые стаи призраков, и только над Ирамом внизу засеребрился туман, а из него высунулись острые пики каменных гряд, лунный свет падает слабо и печально, и страна внизу кажется объята тоской и унынием.

А как же иначе, подумал я сердито, с чего местные должны радоваться, что через их земли прошли завоеватели, грабя все, что попало по дороге?

Города иногда выдают себя редкими огоньками, уличное освещение ни при чем, появится не скоро, но иногда загулявший любитель чужих жен, войдя в дом, зажигает свечи или камин, иногда кого-то провожают с факелами в руках, но все равно огней мало. Иной раз охотники на привале разжигают костер позаметнее.

И еще, конечно, армии, войска, отряды, как крупные, так и мелкие, ночью их можно отследить только по кострам. Я обнаружил в себе еще одну медленно развивающуюся способность: если войско недавно ос-

тановилось на привал, я смутно видел медленно тающий тепловой след с той стороны, откуда пришли.

Конечно, пока бесполезное свойство, но могу экстраполировать прямую дальше и сказать, куда идут. Хотя вообще-то и так ясно.

Судя по осмысленности движения огромных армий, Мунтвиг тоже пользуется достаточно изощренными методами разведки. Если не сам порхает под облаками и наблюдает за перемещениями войск, то каким-то образом получает достаточно точную и своевременную информацию.

Ладно, еще потягаемся. Мы только начали.

На обратном пути, снизившись, рассмотрел даже конников Норберта в дозоре. Сам он, пока наша армия отдыхает и приводит себя в порядок, неустанно объезжает окрестности, а конные разъезды посылает далеко вперед, особенно на север и запад.

Утром в шатер начали собираться военачальники. Макс доложил первым:

— Все отдохнули, одежду и обувь починили. Всем роздан провиант на неделю марша. Мы готовы!

Клемент подтвердил громохвостом:

— Мы тоже. Отдохнули и люди, и кони.

Принц Сандорин, у которого не войско, а небольшой отряд, о котором можно и не упоминать, сказал гордо:

— Мои готовы и рвутся в бой!

— Спасибо, ваше высочество, — поблагодарил я. — Уверен, вы все готовы, не так ли?

— Я готов, — прорычал Сулливан.

— Вполне, — сказал Палант.

— Сэра Альбрехта и Норберта не спрашиваю, — сказал я, — они и сейчас, как божьи пчелки... Итак, поднимайте армию. Через неделю, а то и раньше, пересечем границу между Бриттией и Ирамом. Мы оста-

вили о себе хорошее мнение в Бриттии, в Ираме тоже должны вести себя, как освободители, а не завоеватели. Возможно, там тоже к нам присоединятся ирамские лорды, что горят жаждой мщения и желанием освободить поруганное королевство от иноземных захватчиков.

Глава 14

Первыми традиционно выступили пешие войска Макса, следом повел конницу Клемент, разделив ее пополам, первая половина шла вдогонку за Максом, он все-таки беспокоится за молодого военачальника, рыцари никак не могут привыкнуть, что пехота в состоянии выжить без них и в чистом поле, а вторая сопровождает обоз, где помимо съестных припасов и все необходимое для похода, в том числе полевые кузницы, тигли алхимиков и передвижные часовни для молебнов.

Со второго дня похода кончились земли, которые миновало нашествие, потянулись сожженные деревни и обгорелые трупы в руинах да жалобно воющие над погибшими хозяевами собаки.

Альбрехт предположил, что здешние лорды отказались присягнуть Мунтвигу или пойти с его войском, вот он и показал, насколько это рискованно не выказывать ему полное повиновение.

Все встречные подтверждали, что великий Мунтвиг призвал все народы вернуть христианской вере прежнюю чистоту и праведность, а для этого нужно истребить всю нечисть и тех еретиков, что поганят христианство своими выдумками, развращают народ и вообще предались Сатане, хотя пока еще носят кресты и помнят некоторые молитвы.

Народ, судя по слухам, как подхваченный единым порывом, берется за оружие и вступает в отряды, что вливаются в войска и присоединяются к армиям великого и благородного борца за веру и Слово Божье.

Уже гремят имена славных соратников Мунтвига: неустрашимый маркграф Ковакс оставил свои земли и добровольно явился со своей дружиной, пополнив ее всеми охотими людьми из сел и деревень, доблестный лендлорд сэр Бриан собрал целую армию в своих землях и двинул ее сразу на север, даже не пытаясь соединиться с основной армией императора, ему придется идти через Скарлянды, многие с восторгом говорят о виконте Дрейко, который всех, вступивших в его армию и поклявшихся ревностно бороться за дело веры и Слово Божье, произвел в дворянство и пообещал им в завоеванных землях на далеком юге большие и богатые угодья.

Со всех городов выходят отряды и двигаются на соединение с армией Мунтвига или его главными полководцами. Землепашцы покидают свои земли, оставляя плуги прямо в земле, охотники меняют охотничьи луки на боевые, рыбаки берут вместо острог копыя, кузнецы идут, закинув молоты на могучие плечи, ремесленники бросают работу и спешат на великую и священную войну против развращенного Юга, от которого все беды, засухи и падеж скота.

Норберт докладывал об этом сухо и монотонно, от этого становилось только тяжелее и даже страшноватее. Военачальники, собранные в мой шатер на короткий брифинг, морщились и кривились, как от зубной боли.

— Хочешь сказать, — проговорил я недоверчиво, — в этих землях Мунтвиг как бы одержал идеологическую победу?

— Вам виднее, — ответил он, — но здесь для нас люди будут враждебными.

— Эх, — сказал я с досадой, — а я как раз размечтался, что нам будут кричать «ура» и в воздух... лифчики... ну это такие чепчики, чепчики!.. На две головы. Для близнецов.

— Я сам проверил, — сказал он. — В некоторых селах остались только старики, женщины и дети.

— Остальные в армии Мунтвига?

— Да, — подтвердил он. — Добровольно. Их проповедники указывают на это как на ужасающую силу правды и справедливости, разожженную Мунтвигом в сердцах людей.

Епископ Геллерий тяжело вздохнул и перекрестился, шепча, что сила Сатаны велика, сумел задурманить сердца людей. Остальные отмалчиваются, но выглядят очень расстроенными.

Я злился, кусал губы, большая разница идти как освободитель или как завоеватель, но пока в голову ничего стоящего не лезет.

Норберт добавил:

— Еще одна армия вышла из Сакранта. Так говорят пленные, она движется намного восточнее.

— Но пройдет через Бриттию?

— Да, через ее восточную часть, дальше в Варт Генц и вторгнется в Турнедо.

Я буркнул:

— А там останется только наша маленькая, но злая Армландия, закрывающая дорогу к Тоннелю.

Он сказал осторожно:

— Не знаю, слышал ли Мунтвиг, что как вы открыли Тоннель, так можете и обрушить всю массу Хребта на эту узкую прямую норку, но, думаю, это его не останавливает...

— Это еще та сволочь, — сказал я со злостью. — Ладно, спасибо за подробный доклад, дорогой барон.

Он поклонился и пошел из шатра, но вдруг хлопнул себя по лбу и повернулся ко мне.

— Еще один пустяк, ваше высочество.

— Говори!

— Мы сейчас проходим мимо земель принца Клавеля, — сказал он. — Старшего сына его величества короля Ричмонда Драгсхолма. Его земли западнее, мы пройдем мимо.

— И что?

— Есть неприятная новость, ваше высочество...

— Выкладывай, — сказал я. — В обморок не упаду. Хотя кто тебя знает.

— Принц Клавель присягнул Мунтвигу, — доложил он. — А так как его армия втрое больше королевской...

Он умолк и посмотрел на меня значительно, словно проверяя мою память.

Я порывлся в ней, чего там только нет, ответил сдержанно:

— Мы изволили слышать, принцев в королевстве двое... плюс принцесса Лиутгарда, преисполненная всяческих достоинств. Достоинства ее все видели...

Принц Сандорин вздохнул мечтательно:

— Как их недостает в этом диком грубом мире!

— Не баядерничайте, принц, — сказал я строго. — Мы воины Креста, мы должны вперед и дальше, а во взоре — мечта!.. У старшего сына, как я слышал, армия втрое против отцовской, а так как он женился, если не соврали, на дочери самого богатого и могущественного лорда Бриттии...

Я умолк, давая возможность завершить мою весьма доступную мысль. Норберт поклонился и сказал почтительно:

— Вы все отметили исключительно точно. Любой из пяти крупнейших лордов выставит армию втрое, если не впятеро большую, чем у короля, а уж сын теперь вообще может сокрушить даже объединение лордов.

— Чем Мунтвиг его взял?

— Обещанием отдать отцовский трон.

Я посмотрел в удивлении.

— Мунтвиг намерен оставить королей на своих тронах?

— Трудно сказать, — ответил он уклончиво. — Мы еще не знаем, что творится в Ираме, Сакранте, Пекланде... Но, думаю, насчет принца он может быть спокойным.

— Почему?

— Корону он ему пообещал, — объяснил он, — но вот даст ли? Ричмонд Драгсхолм еще жив, но Мунтвиг заверил принца, что это решится быстро. Бриттия захвачена практически вся, а король с остатками разбитого войска отошел в горную область, откуда его выбить пока трудно, но можно заморить их там всех голодом.

Я выслушал, пробормотал:

— Ну что ж, тогда решается проблема, как провести армию через эти густонаселенные земли и не растоптать ни единого жучка по дороге. Здесь, как я понимаю, принявшие Мунтвига как светоч Веры, а западнее земли самого принца Клавеля.

Сулливан сказал густым голосом, полным уверенности в справедливости любых действия по отношению к сыну, предавшему отца:

— Значит, это земля противника?

— Даже врага, — уточнил Норберт.

Я поморщился.

— Только старайтесь не слишком отыгрываться на крестьянах, что с них взять? Да и нет у них свободы

выбора, а вот этот гребаный принц должен ответить за гнусную измену королю, которому приносил присягу!..

Епископ произнес со сдержанным гневом:

— Да еще и родителю!.. Это наибольшая гнусность!

— Вообще-то все дети бунтуют, — уточнил я, — и доказывают, что родители дураки и ничего не умеют... вон даже Адама за это пинком из рая, однако замышлять свержение отца и наверняка отцеубийство...

Клемент заметил осторожно:

— Может быть, он и не замышлял убить отца?

— Замышлял, — возразил я. — замышлял!.. Как думаете, сэр Альбрехт?

— Замышлял, — ответил тот подчеркнуто твердо и посмотрел мне в глаза. — Если нам надо, то замышлял!

— Вот видите, — сказал я остальным, — граф Альбрехт демонстрирует понимание наших справедливых и донельзя гуманных интересов, широту мышления и глубину... в общем, и глубину. Потому будем с революционной непримиримостью к такому отношению к родителям и с христианским всепрощением к нашим воинам, что будут творить... гм... справедливость. Что скажете, граф Стоунширский?

Все начали оглядываться друг на друга в недоумении, а я впериł строгий взгляд во всегда молчащего на таких брифингах Макса.

Он поспешно вскочил, щели залило краской, а глаза виновато заморгали.

— Ваше высочество, — сказал он жалобно, — я целиком согласен...

— С чем?

— С вашей политической линией, — сказал он уже увереннее. — И стараюсь ее проводить... своими воинскими объединениями.

— Максимилиан фон Брандесгерт, — сказал я с укором. — Вы хоть помните, что у вас в землях Гандерсгейма целое королевство? Ну и хорошо, что забыли... Только не перегорите на этой дьявольской... простите, ваше преосвященство, благородной работе во славу церкви! Всем спасибо, поднимайте людей, выступаем.

Когда вышли из шатра, Сулливан прогудел зловещим голосом:

— Ответит как принц, так и все лорды в его владениях!

— И все лорды, — согласился я. — Уж они-то могли... и были обязаны взять свои дружины, неважно, большие или малые, и отъехать к законному королю Ричмонду.

— Кто-то так и сделал, — ответил Клемент, — это верные слову и клятве люди, а вот те, кто остался с принцем...

— Те расплатятся, — сказал Сулливан со зловещим весельем и со скрипом потер ладони, словно две каменные плиты одна о другую. — Я выдвигаюсь сразу за сэром Норбертом?

— Кстати, — сказал Норберт и посмотрел на меня так, как умеет только он, словно в доли секунды мысленно пересылает мне целую речь, — Мунтвиг как император милостиво пожаловал принцу Клавелю корону курпринца!

Альбрехт проговорил значительно:

— Хороший ход. Ничего не обязывающий.

Я сказал зло:

— Чем очаровал этого завистливого дурака еще больше и плотнее привязал к своей колеснице?

— Как вы угадали? — спросил он.

Я повысил голос, все почтительно умолкли и замерли, глядя на меня верноподданныческими глазами, а я проговорил значительно:

— Тогда сделаем небольшой зигзуг... Владения этого, с позволения сказать, курпринца находятся... находятся... западнее нашего прямого, как правда и справедливость, маршрута, с позволения сказать. А где сам принц... э-э... курпринц?

— Он сейчас в замке его тестя, Брита Марлинга, — подсказал Норберт. — Его дружина пока распушена, но готова собраться по первому же сигналу. Правда, он послал людей следить за отцом, дабы знать, что тот предпримет, узнав о его измене... и предпримет ли что.

— И не учитывает угрозу посерьезнее? — спросил я. Он кивнул.

— Судя по вектору нашего продвижения, мы должны пройти значительно восточнее.

— Здесь он ошибается, — сказал я. — Я как раз намеревался объявить вам, мои боевые друзья, что мы как раз и пойдем на запад. И не северо-запад, а именно на запад. Через Ирам и Пекланд.

Они замолчали, переглянулись, снова уставились на меня. Наконец Альбрехт произнес подчеркнуто смиренно:

— Ваше высочество, я ошибаюсь или мне кажется, что вы готовы прояснить самое важное насчет нашего похода...

— На этот раз, — ответил я с достоинством, — вы не ошибаетесь, граф, что удивительно. Я держал в тайне наш маршрут, ибо, как вы понимаете, не так ли?..

Они озадаченно пробормотали, что понимают, еще как понимают, почти все понимают, только Альбрехт заметил с иронией:

— Да все уже поняли, ваше высочество! Хоть мы и топаем в другую сторону.

— Не совсем так уж и в другую, — возразил я. — Всего лишь небольшая корректировка в дороге. В общем, мы идем на Генхаузгуз!

Они молчали, только Макс спросил то, о чем другие не решались:

— Это... где?

— Столица королевства Сакрант, — ответил я любезно. — По непроверенным, но заслуживающим доверия источникам, там сейчас ставка Мунтвига. Придется пересечь Ирам и Пекланд, что само по себе ой-ой, да и сопротивление будет сопротивленное. Думаю, Мунтвиг в лепешку расшибется, но постарается не допустить нас к Генгаузгузу любой ценой.

— Значит, — спросил Макс, — ослабит натиск на армии Меганвэйла и Шварцкопфа?

Я сказал с одобрением:

— Быстро схватываете, граф! И, прошу обратить внимание, наш доблестный и благородный граф Максимилиан, как всегда, больше думает о всей войне с Мунтвигом в целом, чем о нашей армии, что лишь часть процесса, и, тем более, о себе любимом!

Макс застеснялся, но его дружески толкали в бока и хлопали по спине, наконец он проговорил все еще застенчиво:

— А Меганвэйл, как мы его знаем, не упустит возможность тут же самому перейти в наступление... или, по крайней мере, перейдет от глухой обороны к активным контратакам.

— Надеюсь на это, — сказал я, — пусть это еще не будет переломом в войне, однако мы остановим победное наступление зарвавшегося узурпатора, посмевшегося называть себя Дефендером Веры! А в завязавшейся позиционной войне победит тот, кто владеет новыми методами войны...

Он перехватил мой взгляд и покраснел от удовольствия.

— Ваше высочество, — сказал он почти жалобно, — вы так меня возносите, что мне страшно.

— Что, — спросил я с интересом, — правда?

— Я боюсь, — признался он, — не оправдать ваше высокое доверие... хотя, конечно, буду стараться изо всех сил, как и всегда стараюсь... ревностно!

Я кивнул ему покровительственно и оглядел всех орлиным взором полководца и дальновидного стратега.

— Теперь, когда знаете истинную цель похода, можете сами подумать над тем, что еще можем сделать для торжества свободы и демократии в интересах тоталитаризма и гуманизма!..

Глава 15

Армия, получив новый приказ, повернула под прямым углом и двинулась на запад.

Я промчался на арбогастре и в сопровождении Бобика вдоль колонны, впереди грянули удалую песню:

Слышали, деды? Война началась,
Бросай свое дело, в поход собирайся!

Норберт уже обрисовал на карте, руководствуясь словами разведчиков, замок принца, вернее его тестя, а также все подходы, расщелины и прочие непроходимые места.

Я выехал к передовому конному разъезду, далекие вершины башен замка тестя курпринца уже выдвинулись из-за темного леса, страшно и грозно сияют на фоне низких темных туч, настолько тяжелых, что кажется, будто земля и небо поменялись местами.

К моему удивлению, с ними находится и брат Вангардий, он как прибыл с Норбертом, так и не отлучается из его мобильного войска, почтительно поклонился мне, а я проворчал:

— Похоже, не стать тебе аббатом.

— Ваше высочество?

— Больно любопытен, — пояснил я. — В естествоиспытатели метишь? Нет-нет, инквизиция ни при чем, я имею в виду другое естество. И другие испытания.

Он ничего не понял, вижу по сконфуженному лицу, но проговорил смиренно:

— Церковь велит познавать этот мир.

— Правильно читаешь, — одобрил я. — Святое Писание, ты прав, нужно уметь читать.

В сторонке взвилась желтая пыль, в нашу сторону на бешеной скорости несется всадник. Завидев меня, прокричал издали:

— В сторону замка движется большая дружина рыцарей!

— Добровольцы, — сказал я недобро, — или желающие подхватить крохи от того куска, что урвет этот принц... Как идут?

— Шагом, ваше высочество!

— Не спешат?

— Кони тяжелые, — объяснил он, — всадники в доспехах...

— Хорошо, — сказал я. — Скачи к герцогу Клементу! Пусть немедленно выдвинет мощный заслон, чтобы перехватить их до того, как достигнут замка. Вели идти на рысях или даже галопом. Главное — перехватить и не дать войти в замок.

Сам я промчался вперед, чтобы рассмотреть замок сэра Брита Марлинга, и там вздохнул с облегчением. Даже не замок, ибо под этим словом всегда понимаем небольшую крепость, которую можно долго защищать

малым числом даже против армии, а здесь же богатое поместье с полудюжиной добротных каменных домов в два и три этажа. Каждый мог бы вырасти до замка, но здесь, похоже, такой задачи не ставили.

Кроме домов, не меньше дюжины сараев, конюшен, амбаров, есть пристройки для кузницы, отдельно прачечная и пекарня... прекрасно, все это очень трудно защищать, особенно если ударить большими силами.

Отсюда с пригорка видно, как с востока движется большой отряд, в облаке пыли не видно, сколько их, но судя по длинному шлейфу, колонна большая, где-то около двух сотен рыцарей, и не меньше тысячи всякой мелочи вроде тяжелых всадников.

Простучали копыта коня Зигфрида, чуть позже примчался запыхавшийся Норберт, будто это он нес коня, а не тот его, выкрикнул с ходу:

— Клемент успевает отрезать!..

— Прекрасно, — сказал я, — а что Макс?

— Повернул сюда две тысячи копейщиков, — доложил он, — и всех лучников, как вы и хотели!

— Прекрасно, — повторил я.

Он сказал без уверенности:

— А стоило ли задействовать и Максимилиана? Конница Клемента сразу вобьет в землю всю ту горстку.

— Стоит, — сказал я. — Хочу ввести новые стандарты войны. А для этого показать наше абсолютное преимущество. Как бы лихо Клемент их ни растоптал, но и у него будут убитые и раненые.

Он криво улыбнулся.

— Хотите, чтобы никто и пальчик не прищемил?

— Хочу, — ответил я. — Разве это не мечта каждого политика — побеждать без пролития крови? Ну... хотя бы своей?

— Своей... это и не пролив крови своей армии?

— Армия, — ответил я с улыбкой, — это я.

Мы втроем с понятным волнением смотрели на приближающихся всадников, все достаточно рослые, северяне вообще народ не хилый, все выглядят рыцарями, все в хорошей для севера экипировке: железные доспехи, металлические налобники на мордах коней с выпуклыми вырезами для глаз, цилиндрические шлемы самой простой, но достаточно эффективной формы, за спинами гордо реют знамена с оскаленными львами, что, понятно, обязывает тоже быть оскаленными.

Я вздохнул свободнее: хотя Мунтвиг и объявил себя защитником Веры, но не догадался снабдить всех соответствующими атрибутами: крестами на плащах, на щитах, в то время как у нас огромные красные кресты, заметные издали, как на белых плащах, так и на щитах во весь размер, а еще и на шлемах.

Даже у кого кони идут под попонами, те тоже расписаны крестами, это я хорошо придумал, это важно, и когда мы столкнемся в смертельной битве, по нам видно, что мы как бы более верные защитники Веры, а они так себе...

Дорогу к владениям сэра Брита уже перекрыла конница Клементы, выстраиваются в боевые порядки. Прибывающие рыцари начали придерживать коней, наконец вообще остановились в замешательстве, не понимают, откуда нас тут взялось так много.

С севера быстро двигается пехота Макса, как же хорошо, вот сейчас и покажем вам, голубчики, что не на ту карту поставили..

Я оглянулся на своих рыцарей, у наших даже на шлемах отчетливо обозначенный крест: продольная щель для глаз и вертикальная выступающая полоса,

что, как гульфик, предохраняет нос, а у сэра Клемента вообще щели для глаз в виде отдельных крестов.

Наши ухитряются вносить элементы креста всюду, даже рукояти мечей стилизованы под кресты, и когда рыцарь целует свой меч, он одновременно целует и крест.

Прибывшие некоторое время совещались, наконец от передней группы отделился один богато одетый рыцарь, снял обеими руками шлем и передал соседу, а сам послал коня рысью к нам, угадав, что мы, отдельная группка рыцарей, наверняка старше по титулам, чем даже герцог Клемент во главе огромной армии, перекрывшей им дорогу.

Не поклонившись, не снизойдя до приветствия, он спросил гневно и с великолепным гонором:

— Кто такие и почему посмели?

Я молча рассматривал его, не устаивая ответом. Норберт и Зигфрид тоже молчали, наконец он проговорил нехотя:

— Граф Георг Теннисон, владетельный сеньор Никсинга. Я спрашиваю, кто и почему...

Я прервал холодно:

— Эрцпринц Ричард Длинные Руки. Можно просто — Ричард Завоеватель. Это я спрашиваю, кто такие и почему вы направляетесь к замку сэра Брита Марлинга, который, как нам известно, поддерживает мятежника против законной власти короля Ричмонда принца Клавеля?

За спиной слышен приближающийся топот, похрюпывание коней, это подъезжают мои военачальники, не переговариваются, стараясь не помешать нам.

Граф Георг, красивый и надменный, ухитрился посмотреть даже на меня свысока.

— Ваше высочество, — произнес он сквозь зубы, — это не ваше дело.

Я ответил резко:

— Теперь — наше.

За моей спиной послышалось характерное металлическое шелканье опускаемых забрал. Донеслось позвякивание удила, кони готовятся пойти в галоп.

За моей спиной Альбрехт сказал громко:

— Ваше высочество, это мятежники... но, может быть, они обмануты, как вы говорите, вражеской пропагандой?

Я кивнул и сказал графу Теннисону милостиво:

— Я предлагаю вам либо сложить оружие, либо влиться в наше воинство. Разумеется, на наших условиях.

Он ответил резко:

— Мы никогда не позволим себе ни того, ни другого!

— Жаль, — ответил я скорбно. — Поверьте, я в самом деле скорблю. Вы отважные люди, все поляжете здесь, а мелкие и трусливые мерзавцы, что остались дома, будут пользоваться ваших жен и дочерей...

Он побагровел, вскрикнул:

— Наши женщины добродетельны!

— Сейчас, — согласился я, — но когда придет весть о вашей гибели? Они будут свободны от клятв и обязательств. А те мерзавцы, что не пошли с вами, этим воспользуются...

Я говорил неторопливо, даже замедленно, как бы ронял слова мудрости, но больше прислушивался к указаниям, что раздает Альбрехт гонцам, те уносятся галопом, я видел, как рядом с рыцарской конницей Клемента наконец-то развернулась в боевые порядки пехота Макса, сразу ошетилилась копьями, а за их спинами лучники присели и вытаскивают из сумок тетивы.

Граф оглянулся в их сторону, на высокомерном лице отразились злость и раздражение.

— Вы не посмеете!

— Уже посмели, — ответил я. — Советую сложить оружие.

— Что-о?

— Ваш выбор, — ответил я. — Вы свободные люди.

Он ожег меня огненным взглядом, но ответом не удостоил, а попросту развернул коня и галопом помчался к своим. Те окружили его, расспрашивают, хорошо, тем временем наши закончат перестроение, пехота Макса выдвинулась вперед и пошла мерным шагом, держа копья направленными в небо.

Я видел, как граф обернулся, закричал, державно указывая на посмевших выйти впереди рыцарской конницы простолюдинов. Даже не выстраиваясь, рыцари помчались нестройной массой, стараясь обогнать друг друга, это же дело чести врезаться во врага первым и пойти их рубить, прокладывая дорогу другим...

Копейщики остановились, присели и, опустив копья, направили их в сторону скачущей на них конницы. Одновременно лучники, что шли рядом, разом наложили стрелы на тетивы и резко натянули луки.

Я не слышал крика Макса за грохотом копыт и конского ржания, только заметил взмах его руки, и тут же, как огромная стая птиц, взвилась туча тяжелых длинных стрел, выпущенных из усиленных композитных луков.

Всадники, как казалось, даже не заметили обрушившихся сверху стрел, только некоторые начали раскачиваться в седлах, кто-то откинулся на круп, кто-то повалился на конскую шею и начал сползать на землю, однако основная масса домчалась до копейщиков и ударила со страшной силой...

...некоторые оказались пронзенными копьями, других сбрасывали раненые кони, грохот копыт прервался, зато крики боли и ярости стали громче, а кони продолжали скидывать всадников под свои и чужие копыта.

Вторая туча стрел накрыла весь отряд, рыцари запоздало хватались за щиты, но многие, пронзенные стрелами, сползали на землю. Остальные яростно рубили копья мечами, однако толстый балийский ясень выдерживает удар даже двуручного меча, а второй замах рыцарь обычно не успевает сделать: толстое и длинное копье с такой силой бьет, что острие находит щель в доспехах, и рыцарь с криком роняет меч.

Усеяв поле перед собой трупами, копейщики отступили на шаг, но едва рыцари ударили снова, как те же копья снова продолжали наносить смертоносные удары из недоступного для мечей места.

Когда третий раз отступили на шаг, а потом и еще, граф Теннисон закричал в ярости:

— Это нечестно! Выйдите и сразитесь с нами!

Я крикнул со злым весельем:

— Кто вам сказал, что мы обязаны сражаться по вашей прихоти? У нас свои методы войны! Прогрессивные!

Он заорал во весь голос:

— Вы трусы? Страшитесь сойтись грудь в грудь с настоящими мужчинами?

Я удержал Сулливана, что ревел, как медведь, и рвался в бой, а графу крикнул:

— Это не турнир, сэр Георг! Это война. А на войне гораздо важнее соотношение потерь! Я хочу, чтобы все говорили об этой схватке как о сокрушительной победе, в которой мы не потеряем ни одного человека, а все ваши двести рыцарей полягут в сыру землю всего лишь от рук простолюдинов!..

Он прокричал взбешенно:

— У вас ничего не получится!

Вместо ответа я повернулся к лучникам и взмахнул рукой. Оттуда снова с сухим и громким шелестом вылетела туча стрел.

Рыцари вскидывали щиты, стрелы звонко бьют в них стальными клювами, высекая искры, но иные находят уязвимые места в бедрах, голенях, впиваются в руки, заставляя опускать щиты и мечи.

Еще одна туча стрел снова ссадила с коней десяток рыцарей, и тогда граф вскинул меч и указал в нашу сторону.

— Давно бы так, — прорычал Сулливан. — Ваше высочество... умоляю!

Я поморщился, сказал сухо:

— Ладно, но только в виде исключения.

Он пустил коня в галоп, я крикнул:

— Победа!.. Полная победа!.. А сейчас просто добьем!

Со стороны конницы Клемента понесся огромный всадник, я узнал герцога, еще бы, как это он сам не примет участие, если есть возможность...

Я заорал, арбогастр пошел вскачь. Мы сшибли четверых вместе с конями до того, как Зайчик замедлил ход, и я смог пустить в дело меч.

За спиной мощный звериный рев, грохот, лязг и скрежет металла. Это Сулливан и Клемент крушат все вокруг себя, я повернулся к ним, но раньше увидел графа Теннисона, что бросил меч себе под ноги и прокричал:

— Мы сдаемся! Мы сдаемся!

Сулливан остановился с воплем дикого и душераздирающего разочарования, Клемент тоже застыл в нерешительности, оба настоящие гиганты даже среди се-

верных рыцарей, готовые к новой схватке, но пока придерживаются рыцарских правил.

Вслед за графом мечи начали бросать под ноги и другие рыцари, что дрались поблизости, но немалая часть отодвинулись, отступили, закрываясь щитами и держа мечи наготове.

Я сказал Альбрехту негромко:

— Сдавшихся быстро отвести в сторону, оружие собрать!

— А что с теми?

— Они сами решат, — ответил я.

Графа и его близких увели, а та часть, что оставили оружие при себе и держатся достаточно агрессивно, галдят все громче и делают угрожающие жесты.

Я крикнул властно:

— Вы не подчиняетесь своему предводителю?

Один из рыцарей крикнул дерзко:

— Нет!

— Почему?

— Он не имел права решать за всех, — отрубил он резко. — А если речь зашла о сдаче... он должен был сперва обговорить условия!

Я кивнул, сказал негромко:

— Сейчас вы поймете, что ваш командир умнее всех вас, что бы вы о себе ни думали, и правильно сделал выбор... Дорогой Альбрехт... действуйте!

Альбрехт ответил холодно:

— С удовольствием, ваше высочество.

Он повернулся, взмахнул рукой. Из-за лучников вышли две сотни арбалетчиков, что до этого не принимали участия в бою. Быстро встали на позицию и тут же взяли рыцарей на прицел.

Я видел, как бледнеют рыцари. У наших арбалеты ножные, а то и с воротом, в этом случае натянутая до предела стальная тетива выбрасывает болт с такой си-

лой, что тот легко пробивает любой панцирь даже с большой дистанции.

Альбрехт, не давая рыцарям опомниться или передумать, резко махнул рукой.

Стальные болты не свистят, как стрелы, я едва слышал короткое вжиканье закручивающегося воздуха, и тут же звонко защелкало о железо панцирей, словно в них бросили горстью мелких камешков.

Все, кто стоял впереди, повалились наземь, раздались стоны, крики, проклятия.

Альбрехт сказал резко:

— Залп!

Однако арбалетчики не успели натянуть тетивы, уцелевшие рыцари торопливо бросали мечи на землю и становились на колени.

Я подъехал, сказал горько:

— Где же принципы? Если ваше дело правое, то должны идти и на смерть!.. Но вы уже показали, что все ваше войско — всего лишь шайка грабителей.

Я проехал мимо, а за спиной раздался холодный приказ Альбрехта:

— Оружие собрать, разбойников под стражу!

Часть 2

Глава 1

Пленных пока отправили в тюрьму ближайшего города, им оказался Нисьонск, половина на этой стороне реки, половина на той, там уже Ирам, хоть горожане на эту важную лишь для королей границу обращают внимание очень мало.

Нортон нервничал зря, курпринц Клавель и его войско так и не решились на активные действия, хотя могли бы попытаться уйти от сражения, заваливая дорогу за собой лесными засеками.

Вместо этого они растерянно чего-то ждали, а мы поспешно окружили весь этот так называемый замок Брита Марлинга, где укрепились войско примерно в три тысячи человек, что, понятно, для нас просто семечки.

Сулливан, которому не хватило схватки с рыцарями, что шли Клавелю на помощь, настаивал на массовой атаке, когда с одного захода все здесь вобьем в землю так, что будет ровная площадка, где и трава не посмеет расти.

Клемент посматривает на меня с вопросом в серьезных глазах, но помалкивает, хотя вижу, сочувствует Сулливану и во многом с ним согласен.

— Я ценю ваш боевой дух, — сказал я Сулливану, — и постоянно ставлю вас в пример!

Он пробормотал настороженно:

— Спасибо, ваше высочество.

— Я вообще-то, — сказал я чистосердечно, — сам сторонник вот так решать все быстро и по-рыцарски прямо. Без фиговин.

Сулливан приосанился, хотя старался делать это незаметно.

Альбрехт спросил коротко:

— Переговоры?

— Да, — ответил я и добавил: — Вы знаете какие. Дело в том, мои благородные друзья, что мы ведем войну, а не турниры. И даже не сражения, которые можно и проиграть, если их мало. Но их будет много! Потому должны терять как можно меньше людей. Чтобы мы смогли выполнить то, что наметили.

На брифинге пытались понять не столько как победить, при нашем соотношении сил это понятно, но спорили, понимает ли сам Клавель, что Мунтвиг поступил хитро: дал ему корону курпринца, признал правителем королевства, но с королем Бриттии, родным отцом, велел разобраться самому, тем самым доказать свою лояльность.

Что будет потом, каждый понимает по-разному. Клавель почему-то уверен, что станет королем Бриттии и будет союзником Мунтвига, иначе бы не решился на такой и опрометчивый, и крайне подлый шаг, но, как полагаю я, Мунтвигу вряд ли нужен будет на троне человек, предавший собственного отца.

Потому Клавеля попросту смахнут с доски, как только выполнит свою часть работы, но стоит ли ему сейчас сообщать, слишком уж уверен, что Мунтвиг ему друг и почти что брат.

— Не будем метать бисер перед свиньей, — сказал я наконец. — Готовьтесь к атаке.

Макс, на удивление, сказал первым:

— Мои отряды уже у строений. Почти вплотную, ждем приказа.

— Я готов ударить в направлении главного здания, — сообщил Клемент. — Там достаточно прямая дорога, не увязнем. Кони пройдут на большой скорости. Если ваше высочество разрешит, то я...

— Дадим им шанс сдаться, — прервал я.

Клемент поморщился, но кивнул, сказал уважительно:

— Вы правы, ваше высочество. Если не дать им подраться, будут опозорены до конца дней. Но потом, когда хотя бы треть выбьем...

— Какой вы кровожадный, герцог, — сказал я с укором. — Можно ограничиться и четвертью.

— Это от них зависит, — напомнил он. — Мунтвиговцы держались бы до последнего.

Альберт буркнул:

— Да, те в плен сдаются неохотно.

— Правильно рассуждаете, граф, — согласился я. — Идейные люди самые непримиримые. А эти, примкнувшие ради своих выгод, сейчас вот прикидывают, как и рыбку съесть, и мимо не сесть...

Покинув шатер, мы выехали на вершину небольшого холма, откуда открывается прекрасный вид на поместье сэра Брита Марлинга, сейчас полностью запруженное конным войском.

Макс вскрикнул в сторонке в изумлении:

— Смотрите, они сами выходят в боевых порядках!

Рыцарские отряды принца Клавеля в самом деле покинули поместье и, придерживая коней, выдвинулись на открытое пространство, что можно оценить

как презрение к опасности и пренебрежение нашими силами.

О таком потом долго рассказывают с гордостью, а то и вписывают в летописи, как, дескать, двухтысячный отряд принца не захотел отсиживаться в глухой обороне, а вышел навстречу несметным полчищам врага и принял неравный бой.

Клемент сказал сварливо:

— Если Макс снова украдет у меня победу, я его сам убью!

Макс предложил радостным голосом:

— Дорогой Клемент, а идите ко мне в пехоту? Я вас поставлю сразу десятником! И в первый ряд, обещаю!

Клемент молча, но с выражением показал ему кулак. Со стороны отрядов принца прозвучала труба. Нестройные ряды рыцарей качнулись, коней пустили шагом, рыцарские копья привычно выдвинулись для удара.

Я невольно сравнил взглядом с копьями пехоты Макса, у наших и длиннее вдвое, и прочнее, уж никак не разлетятся вдрызг от удара, как с рыцарскими сплошь и рядом, а наконечники длинные, как мечи, и острые...

— Сами решили атаковать, — сказал Клемент с невольным уважением, — мне эти парни нравятся.

— Долго ли продержатся, — проговорил Альбрехт.

Клемент повернулся ко мне.

— Ваше высочество, позвольте встретить их мне?

— Почему?

— Так достойнее, — объяснил он. — Рыцари против рыцарей! Конница против конницы. Померяемся в равном бою!

Я изумился.

— А зачем мне равный бой? Мы пришли сюда не бахвалиться в поединках, мне нужна победа. И как

можно более эффектная. Герцог, прежде всего история помнит битвы, когда одна сторона потеряла людей впятеро в сравнении с другой! Этим восторгаются...

— Об этом поют, — добавил Альбрехт.

Клемент сказал недовольно:

— У нас абсолютное преимущество в численности...

— Все равно они могут нанести урон, — ответил я.

— Незначительный!

— А я никакого не хочу.

Он оглянулся на Макса, но того уже нет с нами, помчался к своему войску, хотя там вышколенные сотники и без него уже отдают четкие и разумные команды.

Рыцари, завидя пеших, пустили коней в галоп. Клемент крикнул, уже зная, что случится, недавно видел, а за спиной ошетилившегося копытами строя множество длинных луков в первом ряду одинаково выгнулись, как ребра бесконечно длинного дракона; донесся шорох щелчков, взвилась туча длинных стрел.

Клемент покачал головой, стрелы начали сшибать всадников, а те сразу попятись, даже не вступая в схватку с копейщиками. В течение считанных минут все развернулось и умчались обратно, правда, не оставив на поле ни убитых, ни раненых, всех подхватили на седла и увезли.

— Это была не атака, — сказал Клемент грустно. — Демонстрация атаки.

— Мельчает рыцарство? — спросил Сулливан. — Нет, мы не мельчаем...

— Подождем, — сказал я. — Сейчас поговорят и явятся.

Сандорин спросил с иронией:

— Сдаваться?

— Пытаться сдаться, — уточнил я. — Но так, чтобы сесть поудобнее.

Мидль пробормотал:

— Естественное желание каждого человека. Хотя с рыцарством состыковывается плохо.

Альбрехт ответил вежливо:

— С рыцарством все естественное состыковывается плохо. Естественны только животные да простолюдины, те тоже как скот, а все рыцарство полностью из правил, клятв, обетов, уставов, принципов, идеалов...

— Вы правы, — сказал Мидль поспешно.

Конники Норберта постоянно кружат вокруг всего огромного поместья, как отслеживая перестроения внутри, так и пресекая попытки выбраться отдельным всадникам, явно посланным за подмогой или с сообщениями.

Наконец от Норберта примчался взмыленный гононец на взмыленном коне, но радостный и с вытаращенными глазами.

— Ваше высочество!.. — прокричал он взхлеб. — Они готовы сдаться!

Я сказал резко:

— Пусть сдаются.

— Но они...

Я прервал:

— Никаких условий!.. Я принимаю только безоговорочную капитуляцию.

Он вскрикнул счастливо:

— Так и передам!

— Не перепутай, — сказал я. — Не мы им сдаемся, а они нам.

Он умчался, ошарашенный, что сам Ричард изволил с ним пошутить, а я, понаблюдав немного за передвижениями отрядов принца Клавеля, тронул Зай-

чика коленом, мы потихоньку начали спускаться с холма по направлению к поместью.

Как я и предположил, военачальники принца готовились отчаянно торговаться, но Макс подвел пехоту почти вплотную, а дальше, как я и велел заранее, из-за спин копейщиков стрелки выпустили тучу стрел. Среди рыцарей принца снова началось волнение, слышались крики, кто-то даже требовал пойти в атаку и умереть в бою, но большинство лишь приседали и укрывались щитами.

Убедившись, что контратаки не будет, Клемент подвел арбалетчиков, те начали всаживать стальные болты с близкого расстояния, и половина ударного отряда рыцарей, что намеревались отразить первую атаку, полегла раньше, чем там снова подняли белый флаг.

— Сдаются! — закричал кто-то. — Сдаются!

Из-за строений выехала группа рыцарей. Их предводитель остановил остальных властным жестом, а его конь понес седока неспешной рысью в нашу сторону.

Военачальники за моей спиной подобрались и приняли гордый вид. Я ждал, восседая на арбогастре в непринужденной позе властелина положения, словно выехал на охоту, а не на войну, и когда прибывший поклонился, не слезая с коня, я продолжал рассматривать его с холодным безразличием.

— Я граф Брит Марлинг, — произнес рыцарь, глядит, на мой взгляд, он слишком молодо, чтобы быть тестем принца Клавеля, хотя кто знает, какими снадобьями пользуется. — Хозяин этого поместья и земель, что тянутся на восток на восемь миль.

— Какое отношение вы имеете к войскам, — поинтересовался я, — что расположены в вашем поместье?

— Эти отряды, — сказал он, — явились на зов принца Клавеля...

— Вашего зятя? — уточнил я

— Да, — ответил он с заминкой.

— Которому Мунтвиг, — сказал я, — вторгнувшийся в пределы королевства Бриттия и принесящий ему неисчислимые бедствия, пожаловал титул курпринца?

Он чутьочку напрягся, ответил сдавленным голосом:

— Его Императорское Величество Мунтвиг слишком силен, чтобы с ним бороться... Принц Клавель решил, что разумнее будет принять этот титул, а дальше время покажет.

— Такое решение в будущем назовут мудрым, — сказал я бесстрастно. — Не будь героем, тебе что, больше всех надо... и вообще конформизм перестанет быть позорным. Но сейчас это бесчестье.

Он сказал подавленно:

— Вы это выказали предельно ясно, убив множество доблестных рыцарей руками простолюдинов.

— Доблесть на дурной стороне, — отрезал я, — уже не доблесть. А сейчас это не рыцари, а преступники.

Он отшатнулся в ужасе.

— Ваше высочество!..

— Знаете, — сказал я, — почему Мунтвиг побеждает?.. Он не церемонится и не раскланивается. Его ведет идея, а на старомодные правила и обычаи он смотрит свысока. Так вот, сэр Брит, я вас не обрадую...

Я сделал паузу, он спросил невольно:

— Ваше высочество?

— Я тоже смотрю свысока, — произнес я с расстановкой, — на всякие правила неприкосновенности знатных особ.

— Но, ваше высочество...

Я сказал с нажимом:

— Господь сообщил, что мы все равны!.. В это верит Мунтвиг, в это верю я. А вы со своими Клавелями сейчас как между молотом и наковальней.

Ко мне на рысях подъехал Мидль, сказал с поклоном:

— Ваше высочество, простите, что прерываю... но мои люди перехватили уже второй отряд в двадцать всадников, что пытались вырваться из окружения с моей стороны.

— Повесить, — сказал я коротко и повернулся к тестю принца. — Вы что-то сказали?

Он произнес дрожащим голосом:

— Вы поступаете... по своим правилам, но нам, как ни горько, живущим по старым добрым благородным правилам...

Я поморщился.

— Бросьте, граф.

— Ваше высочество?

— Вы не живете по старым правилам чести, — разъяснил я, — а делаете вид.

Он вскричал:

— Ваше высочество! Мы рыцари...

Я прервал грозно и возвышенно, чтобы слышали все мои военачальники и все рыцари, что стоят близко:

— Рыцари? Рыцари не приняли бы гнуснейшее предложение предать страну и нарушить клятву королю, которому присягали в присутствии знатнейших людей королевства!.. Я вообще не понимаю, почему вообще разговариваю с вами, это слишком уж въелось в меня христианское милосердие... Вы или сдаетесь без всяких условий, или мы просто уничтожаем вас, как лесных разбойников и прочих мерзавцев, не имеющих понятия о чести. Идите!

Мои военачальники молча и почти с сочувствием смотрели, как он развернул коня и послал его в торопливый галоп в сторону своего поместья.

Сулливан прорычал:

— Условие — никаких условий?

— Верно, герцог, — ответил я.

— Жестоко, — проговорил он с одобрением. — Но они в самом деле нарушили клятву верности... Не знаю, как бы я жил, если бы нарушил я. Эти люди должны быть счастливы, что сдаются, хоть и без всяких условий.

Клемент подсказал довольным голосом:

— Мы не они.

Альбрехт проговорил задумчиво:

— А мне нравится, когда никаких почетных сдач, сохранения знамен и личного оружия. Это говорит о настоящей победе, сокрушительной! А не выторгованной.

— Проследите, — велел я, — чтобы все оружие было сложено в кучу, как и знамена. Рыцари, как и все воины, будут под стражей. А мы пока выявим среди них военных преступников, дабы предать суду.

Все смотрели на меня с непониманием, Мидль поинтересовался вежливо:

— Простите... я правильно расслышал?

— Что именно?

— Военных преступников, — повторил он, тщательно выговаривая каждое слово. — Это кто?

— Все те, — сказал я твердо, — кто запятнал законы рыцарства, обижая крестьян, насилуя женщин, занимаясь грабежом!

Принц Сандорин нашелся первым:

— Ваше высочество, но, если уж совсем честно, то и наши герои так иногда... тогда иногда!.. забавляются.

Герцог Мидль уточнил с неохотой, но объективно: благородного человека:

— Даже высокородные рыцари.

— Это осуждаемо, — отрезал я, — и не по-христиански, но мы победители, нас вешать некому. А вот побежденным — горе. Их мы вешаем по праву победителей в соответствии с требованиями гуманизма и базовых либеральных ценностей. Да здравствует культура высоких духовных отношений!

Глава 2

От одного из крупных каменных домов, высокого и трехэтажного, донеслись крики, брань и лязг оружия. У входа завязалась схватка, с десятков рыцарей отчаянно защищают вход в дом, арбалетчики приготовились их расстрелять с близкой дистанции, но Сулливан и Клемент, поддерживая рыцарскую честь, с ревом ринулись в рукопашную схватку.

К ним тут же присоединились Палант и принц Сандорин, окруженный своими верными лордами. Они смяли оборону, но ворваться в здание им не дали, успев захлопнуть двери.

Кнехты Макса быстро очистили поместье от пленных, выводя их за ворота и усаживая прямо на землю, а вокруг здания, где засело последнее сопротивление, собрались лучники и арбалетчики. Те и другие часто стреляют по окнам, а из сарая вытащили громадное бревно и бежали с ним, намереваясь с разгону ударить в двери.

Рыцари Клемента моментально прикрыли их сверху щитами на случай, если из верхних окон начнут швырять что-то тяжелое. Бревно глухо врезалось в дверь, там затрещало, а толстый ствол, ломая доски, погрузился вовнутрь.

Петли двери не выдержали тяжести, и она рухнула на пол. Рыцари с радостным ревом ворвались внутрь,

впереди Сулливан и Клемент, вот уж никак не перестанут соревноваться, кто из них отважнее и более умелый боец...

Альбрехт подъехал, собранный и спокойный, в прекрасных доспехах, на которых ни одной царапины, белый плащ красиво ниспадает с плеч, сам выглядит мудрым и спокойным.

— Не хотите принять участие? — спросил я ехидно. Он покачал головой.

— Нет, там показное сопротивление.

— Догадались? — сказал я понимающе.

— А что сложного? — ответил он. — Раз принца еще не нашли, то он явно там. И показывает всем, что сражался до конца.

— А на самом деле?

— Думаю, — ответил он, — уже велел всем в доме сложить оружие. Главное, показал остальным, что их предводитель вел себя мужественно и последним покинул бой.

Мы наблюдали, как в дом вбегают все новые рыцари, в блестящих доспехах, похожие на хищных муравьев, что сломили сопротивление муравьев другого клана и теперь грабят его сокровища и уносят куколок в рабство.

Через несколько минут начали выводить пленных. Все, как на подбор, знатные рыцари, видно по доспехам, девизам и гербам, а также по гордой и независимой осанке.

Под конвоем кнехтов их отвели к остальным и тоже усадили на землю. Когда один заартачился, его шарахнули обухом топора. Он без звука рухнул, а другие опустили уже беспрекословно.

Последним вывели, придерживая за локти, невысокого черноволосого мужчину в изысканных доспехах,

на кирасе небольшие вмятины, голова без шлема, смотрит с вызывающей дерзостью.

Руки пленник держит перед собой, запястья связаны, но едва приблизился, сказал с высокомерным гневом:

— По какому праву?.. Я курпиринц Клавель! Наследник короля Ричмонда Драгсхолма!.. Это разве не королевство Бриттия?

Альбрехт ответил с интересом:

— Бриттия. А вы при чем?

— Я, — заявил он заносчиво, — наследую корону!

— Это вряд ли, — ответил Альбрехт.

Клавель потребовал громко:

— По какому праву меня связали, как преступника?

Я кивнул стражу, он понял, зашел вперед и с силой ударил ладонью принца по лицу. Звук хлесткой пощечины раздался на все поместье, смачный и звонкий.

Клавель отшатнулся, вскинул обе руки и прижал пальцы к разбитой губе, откуда показалась кровь. На меня с диким непониманием уставились его бешеные глаза.

— Передо мной военный преступник, — ответил я холодно. — Рыцарей Мунтвига я, взяв в плен, буду держать с подобающим уважением, так как они всего лишь противники, но не предатели. А лицам, предавшим родину, одна награда — виселица!

Он вскинул было голову, но покосился на дюжего стража, что ухмыляется недобро и снова готов напомнить, что здесь ему не там, сказал уже тише и сдержаннее:

— Но я курпиринц!

Альбрехт сказал с безгловым презрением:

— Господи, что за дурак... Постеснялся бы упоминать о титуле, которым наградил враг!

— Для нас вы не курпринц, — пояснил я, — и никогда им не были. Были принцем, но теперь, думаю, придется распрощаться и с этим титулом. Кроме того, я вешаю всех на одном дереве. По-христиански, вне зависимости от титула. Вы об этом еще не слыхали?

Судя по его лицу, не слышал, но судя по глазам, поверил, что поступаю именно так рационально и без всякого уважения к высоким титулам.

— Я настаиваю на суде, — потребовал он. — Справедливом и беспристрастном.

Я поинтересовался холодно:

— Суде равных, полагаю?

Он гордо вскинул голову.

— Естественно.

— И где я вам наберу столько принцев? — спросил я. — Хотя я мог бы просить присоединиться к разбору вашего дела принца Сандорина, наследника из королевства Вендовер, но, думаю, это излишне. По законам военного времени все процедуры упрощены... Эй, стража! Взять этого и повесить вон на том дереве.

Он вскрикнул:

— Нет!.. Если есть, кроме вас, еще принц в вашей войске, вы должны решать вместе с ним!

— Правда? — изумился я. — Впрочем, почему бы и нет... Эй, Джон, слетай быстренько к принцу Сандорину, скажи, дело не важное, но смешное...

Пока гонец отправился искать Сандорина, я повернул коня и проехал мимо пленных. Никто не смеет встать, ощутили, что здесь, несмотря на то что взяли в плен рыцари, ведут себя не совсем по-рыцарски, то есть ничуть не считаются, что они знатного рода и что за них можно получить немалый выкуп.

— Вас отправят в дальние земли, — объяснил я с седла, — где вам придется работать, пока не возмести-

те ущерб, нанесенный отечеству, а также всеобщему гуманизму и культуре.

Один спросил, не сводя с меня вызывающего взора:

— А кто определяет сумму ущерба?

— Я, — ответил я коротко. — Еще вопросы есть?

Он поспешно опустил взгляд, но подал голос еще один:

— А почему не взять за нас выкуп? Я лорд Олдос Карломан Хаксли из Годалминга, моя семья достаточно богата...

— Замена денежным штрафом, — ответил я, — предполагает незначительное преступление. Даже проступок. Ну там наступили на ногу королеве, высморкались в подол ее платья... А измена клятве верности королю — тягчайшее преступление.

Он спросил угрюмо:

— И что за работы нас ждут?

— На месте определяют, — успокоил я. — Либо в каменоломнях, либо поручат мостить, то есть засыпать болота.

— Как... Это неслыханно!

— Да, — согласился я с удовольствием. — Грядет новый мир, сэр Хаксли!

Альбрехт напомнил:

— Ваше высочество, вы забыли упомянуть, что и в первом и во втором случаях они будут работать бок о бок с троллями.

— Да, — подтвердил я, — испробуем, как эта мультикультура на марше.

Я пустил коня дальше, не слушая их испуганные крики. С троллями вряд ли, эти ценные для общества члены не должны знать, что их важная для цивилизации работа кому-то может показаться недостаточно изысканной и интеллектуальной, так что пленные рыцари если и будут ломать камень, то в отдельном карьере.

Принц Сандорин прискакал на коне огненной масти, раньше у него был другой, весь полыхает довольством, его лорды не нахвалятся удачным походом, кое-кто даже отыскал, что взять в качестве добычи, но не столько из-за ценности, а как доказательство участия в жарких боях вдали от родного Вендова.

Узнав о предстоящем судилище, прибыли любопытствующие Сулливан, Клемент и Мидль, последним примчался запыхавшийся Палант, только Макс предпочел остаться со своими воинами и устроить разбор, кто как действовал и где что нужно улучшить.

Клавеля привели в стальных браслетах на руках, скрепленных короткой цепью. Он смотрел, как затравленный зверь, но старался задрать голову и выпячивать нижнюю челюсть, чтобы выглядеть надменным и вызывающим.

Я сказал с холодным беспристрастием:

— Как вы и настаивали, курпринц, я пригласил на разбор вашего дела принца Сандорина. К моему удивлению, он оказался настоящим законником, помнит все акты, указы и постановления насчет наказания изменившим королю и короне.

Сандорин сказал с негодованием:

— Ваше высочество, это недопустимо!.. С особой такого высокого ранга нельзя так поступать!.. Это же принц, а кроме того, как я убедился, он наследник короны, в этом случае вступают в действие совсем другие законы и правила!

Я вздохнул, а принц Клавель заметно приободрился и гордо вскинул голову.

— И что, — спросил я, — за особенности?

Сандорин пояснил с глубочайшим чувством достоинства, ясно осознавая свое превосходство надо мною, неучем, который не учил годами юриспруденцию и дипломатию:

— Это простолюдинов можно вешать тут же на дереве, а уже дворянам надлежит отсекаать головы! Если же дело касается особ королевской крови, то им надлежит отсекаать позолоченным мечом, но не на плахе, как всем лордам, а стоящим на коленях и с Библией в руках.

— Ну, — пробормотал я кисло, — ритуал хоть и условненный, однако же конец один, так что особенных возражений с моей стороны не будет...

Он покачал головой.

— Ваше высочество, это не все.

— А что еще?

— Такая казнь применяется, — пояснил он, — только в случае, скажем, гражданской войны за трон или каких-то подобных деяний. Но если особа королевской крови вступает в сговор с чужестранцами с целью свержения законной власти короля, это рассматривается как государственная измена!

— Гм, — сказал я, — вообще-то я понимаю, гражданская — это когда драка между своими...

— Совершенно верно, ваше высочество!

— В худшем случае, — сказал я, — династия разве что может поменаться, но для королевства это как бы и незаметно? Но если призвать чужака... гм... то и королевство можно ликвидировать.

— Да, — подтвердил Сандорин, — измена своему королю в пользу чужого — это гораздо хуже простого мятежа!

Я поинтересовался:

— А какое наказание в этом случае?

Сандорин коротко взглянул на принца Клавеля. Тот начал медленно и страшно бледнеть, а я подумал, что наследника престола Бриттии учили по тем же книгам, что и наследника престола Вендовера.

Принц Сандорин посмотрел на меня с немалым изумлением.

— Ваше высочество...

— Что не так? — спросил я сварливо.

— Вы не знаете?

— Я много не знаю, — ответил я благочестиво, — потому что я христианин, а христианин должен верить, а знать необязательно. А вы... выходит, знаете много?

Последнее я произнес с угрожающим подтекстом, и он сказал поспешно:

— Нет-нет, я знаю еще меньше вас, но это пришлось выучить еще в детстве!.. Увы, ваше высочество, законодательством любого королевства предусмотрена за измену в пользу иностранной державы обязательность четвертования.

Альбрехт время от времени поглядывал на смертельно взбледнувшего принца Клавеля, вздохнул с сочувствием.

— Ваше высочество, а если... ну, в связи с законом военного времени просто махнуть рукой на тонкости процедур?

— Повесить? — спросил я.

— Проще отрубить голову, — посоветовал он. — А то веревку нужно искать обязательно шелковую... Да и достойнее для члена королевской семьи, хоть и запятнавшего... гм

Я взглядом указал на Сандорина, тот раздулся от негодования и сказал весьма резко:

— Никакие законы военного времени не в состоянии отменять или как-то изменять чрезвычайные приговоры о государственной измене! Вы должны это знать, граф, по вашему виду вы кажетесь человеком достаточно образованным, вон какой у вас плащ!

— Гм, — сказал Альбрехт задумчиво.

— Для преступлений такого ранга, — сказал Сандорин твердо, — предусмотрено четвертование на городской площади перед большим стечением народа с обязательным троекратным повешением, но не до самой смерти, а потом раздавливание клещами и отрезание...

— Чего, — спросил Альбрехт с недоверием, — гениталий?

Сандорин сказал уверенно:

— Мошонки, граф!

— Что? — переспросил Альбрехт.

— Мошонки, — повторил Сандорин. — Только мошонки. Так сказано в законе.

— Там так и сказано? — поинтересовался я в недоверии. — Что, гениталии не трогать?

Сандорин развел руками.

— Нет, там сказано только, что надлежит клещами медленно раздавить, а потом и отрезать мошонку, затем вспороть живот и достать внутренности, чтобы все сжечь тут же рядом с казнимым на жаровне. Дабы он видел и вдыхал смрад своих предательских внутренностей.

— Ага, — сказал я, — если ничего уточняющего не сказано, то пусть срезают все под корень!.. Мы что, крючкотворцы? А потом что?.. Ах да, ломом перебить руки и ноги, раздробить все суставы... Или это сперва? До чего же сложная штука юриспруденция...

Курпринц Кламель стоит настолько бледный и с закатывающимися глазами, что оба стража придвинулись к нему, готовые в любой момент подхватить, если сомлеет и рухнет.

— Хорошо, — сказал я наконец, — закон есть закон, кто мы перед ним? Нужно повиноваться.

Сандорин сказал гордо:

— Вот-вот! Закон должен быть выше даже королей!

— Золотые слова, — сказал и посмотрел на принца с подлинным уважением. — Даже выше королей... А как насчет императоров?

Он подумал, вздохнул.

— До императоров я не дочитал, отец отправил меня с войском к вам.

Я оглядел всех, развел руками.

— Не хочется, но надо давить клещами, а потом отрезать мошонку, все равно она уже ни к чему не будет годная. Ну а если честно, какая вам, принц, разница: давить или не давить? Все равно уже пользоваться не придется...

У него начали закатываться глаза, он дрожал всем телом, но все еще держался на ногах, цепляясь за самолюбие высокородного человека.

Принц Сандорин сказал с подъемом:

— Тогда я представлю наш вердикт городским властям Нисьонска. Уверен, они с радостью пойдут нам навстречу, так как подобные зрелища укрепляют городские и прочие власти, а народ лучше запоминает, что законы уважать нужно.

— И вообще, — заметил Альбрехт глубокомысленно, — хорошая казнь привлекает народ больше, чем ярмарка или бродячие актеры.

— *Panem et circenses*, — согласился я. — Нельзя не отметить воспитательного и культурологического значения публичной казни, особенно с такими милыми деталями, как отрезание на виду у всей публики мошонки.

— Брр-р-р, — сказал Палант.

— Ага, — сказал я удовлетворенно, — представил? Почти ощутил? Ну как себя чувствуешь, расскажи, да с подробностями!

Палант покрутил головой, уже такой же бледный, как и принц Клавель.

— Вот-вот, — сказал я, — сами видите, насколько это важное подспорье культуры и возвышения базовых либеральных ценностей! Так же, как вот примерил к себе Палант, многие в толпе прочувствуют то же самое, это научит их крепче любить родину!

Глава 3

Полдня я разбирался с делами, затем примчался го-нец и сообщил, что осужденного уже поместили в тюрьму, суд соберется завтра с утра. Но исход примерно ясен, так как городские плотники уже получили заказ на установку деревянной платформы для красочной публичной казни, а также на полсотни лавок для публики благородного сословия.

— А торговля на местах пирожками, — поинтересовался я, — бутербродами, фруктами?

Гонец посмотрел несколько удивленно.

— Так это сами лавочники подсуетятся, ваше высокочество! Все будет. С утра начнут жарить кур, а тесто для сдобных булочек «Утро висельника» начнут замешивать с полуночи, чтобы продавать на площади еще горячими.

Я кивнул с удовлетворением.

— Прекрасно! Люблю, когда даже мелочи в порядке.

Альбрехт подъехал на прекрасном коне с золотистой шерстью, весь в блеске дорогих доспехов из Вестготии, и я невольно вспомнил, что он не просто Альбрехт, а Альбрехт Гуммельсберг из какого-то там древнего и высокого рода, барон Цоллерна и Ротвайля, теперь уже граф, что прибыл ко мне и встал под мою руку с большой дружиной, когда я был беднее его, а своей дружины вообще не имел.

Шлем за ним везет оруженосец, крепкий юноша, мечтающий быть принятым в рыцари, легкий ветерок чуть-чуть шевелит коротко обрезанные волосы Альбрехта, серые глаза смотрят пристально, цепкие и живые. Почему-то я, глядя на него, сразу вижу за этими глазами притаившийся там в укрытии под толстой черепной костью никогда не засыпающий мощный мозг.

Конь его укрыт дорогой попоной, шитой золотом, цвет все тот же кардинальский, яркий и насыщенный, хотя вообще-то многие обожают этот пурпурный оттенок, но Альбрехт ухитряется выбрать самый яркий и насыщенный.

Между ушами коня укреплен на стальном налобнике крохотный султанчик, я перевел взгляд на шлем в руках оруженосца, ну да, там на гребне точно такой же, только покрупнее, Альбрехт весьма старомоден.

Сейчас с плеч графа красиво ниспадает белый плащ с огромным красным крестом, который отныне носит взамен своего ярко-голубого со вздыбленным золотым львом.

— Ваше высочество, — сказал он церемонно, — постучите в меня рожками.

Я приподнял брови.

— Это... как?

— Скажите что-то, — предложил он, — я отвечу некую глупость, вы разозлитесь и начнете доказывать, что все совсем не так, и... поймете.

— Что пойму?

— А то, — ответил он хладнокровно, — над чем ломаете голову. У вас очень уж сосредоточенный вид, вам нужно уметь вести себя скрытнее.

— Я умею, — возразил я, — но только во дворце, а тут вроде бы все свои.

— Чем поднимаетесь выше, — произнес он с сочувствием, — тем своих будет меньше.

— А вот фигу вам, — сказал я зло. — Обстоятельства меняют человека, но и человек меняет обстоятельства! А ломаю голову над загадкой Дональда Дарси...

Он кивнул, ответил незамедлительно:

— Который называет себя разведчиком императора Вильгельма, хотя прибыл из королевства Брандерия, что ничего нам не говорит, ибо скорее всего попросту входит в империю Вильгельма.

— Вот-вот, — сказал я с удовлетворением, — вы сразу все схватываете, как мухоловка какая.

— Могли бы сказать, — ответил он с неудовольствием, — как орел! Или хотя бы сокол, что на лету уток бьет.

— Мухоловка шустрее, — возразил я. — Что-то не состыкуется в его словах, как мыслите?.. Вильгельм отдает свою единственную дочь за Мунтвига, однако его разведчик предупреждает меня, что Мунтвиг начал великий поход на Юг и чтоб я успел принять меры.

— Полагаете, император Вильгельм ведет двойную игру?

— Либо Вильгельм, — сказал я, — задумал нечто хитрое, либо кто-то из близких к императору.

— Начальник королевской разведки?

— Вполне возможно.

— Не ставя в известность императора? — спросил он с сомнением.

Я подумал, предположил:

— Он может не ставить и потому, что это, дескать, мелочь, недостойная внимания императора.

Он поморщил лоб, рассеянно погладил коня по шее.

— Может быть, ничего хитрого. Возможно, Вильгельм просто играет на ослабление соперников. Слишком уж резкое усиление Мунтвига ему точно не понравится, тот перестанет с ним считаться, а то и вовсе

вздумает обрушиться всей массой на его земли и попробовать подгрести и его империю под себя. Повод найдется всегда.

— Или хотя бы оторвать пару королевств, — сказал я.

— Вот-вот, — согласился он. — Потому желательно не дать Мунтвигу слишком уж легко расправиться с этим Ричардом, что начал объединять под своей властью земли на юге.

Я подумал, что идеальный вариант для Вильгельма — наша затяжная война с Мунтвигом. Мы можем ослабить друг друга настолько, что сами станем жертвой других хищников, что раньше побаивались нас. Или же наши империи распадутся из-за внутренних трудностей и нежелания вести слишком тяжелые войны.

Альбрехт поглядывает внимательно, но помалкивает, даже не спросил, помогло ли мне стуканье рожками в его твердыню.

— Какая хрень, — сказал я с тоской, — чем занимаюсь?

— Ваше высочество? — спросил он.

— Дурацкая война, — пояснил я горько, — а они все дурацкие, теперь вот эти интриги насчет равновесия сил... когда нужно заниматься флотом, экономикой, экспансией на острова, дальние и ближние! Да что там флот, я уже продумал, как использовать воздушные шары... потом, граф, как-нибудь расскажу, это будет новая эпоха и новый мир... А мы чем занимаемся?

Он коротко усмехнулся.

— Другие бы сказали, занимаемся самым лучшим и нужным делом!

— Но мы не другие, граф, — сказал я. — И вы это понимаете.

Он медленно наклонил голову, не сводя с меня внимательного взгляда.

— Почти понимаю... хотя вижу такие бездны, что даже меня бросает в дрожь. На казни присутствовать будете?

— Надо, — ответил я, — хотя вообще-то не люблю этих слишком откровенных зрелищ, хотя не отрицаю их высокое нравственно-воспитательное значение в деле следования верности библейским заповедям и выросшим из них гражданскому и уголовному кодексам.

— Тогда будем все, — сказал он. — Надо так надо.

На улице недалеко от городских ворот догнали едущего верхом на муле епископа Геллерия в желтом с золотом епископском одеянии. За ним молодой священник аскетичного сложения тоже на муле, хотя им можно вроде бы и на конях, хотя не уверен, у всех монастырей свои уставы.

— Ваше преосвященство, — сказал я, когда поравнялся с епископом, — вы уже благословили жителей города... или полагаете, что его лучше, как Содом и Гоморру?

Он поморщился, не нравится слишком развязный тон, о делах Господа надлежит упоминать с большим почтением, перекрестил меня, глядя снизу вверх, и ответил с некоторой суровостью, что так идет к его строгому и нелюдимому облику:

— Господь пощадил бы те города, если бы Авраам отыскал там пятьдесят праведников. Это говорит о милосердии Господа, готового пощадить всех остальных грешников... Потому церковь помнит о необходимости милосердия...

— Я тоже помню, — согласился я. — Вот только применить пока не удастся, везде грешники!

Он остро взглянул на меня.

— А ты, сын мой?

— Грешен, — сказал я чистосердечно. — Вместо того, чтобы денно и ночью о народе и его благополучии, иной раз ловлю себя на мыслях о бабах, а то и вообще вижу сладостные картинки, как кому-то с наслаждением да так здорово бью морду!

— Денно и ночью нужно о Боге, — сказал он настоятельно, но тут же уточнил, — правда, Церковь говорит, что правителю надлежит о народе, это и есть выполнять волю Господа нашего.

— Церковь создана людьми, — сказал я со вздохом. — И правила писали для нее люди.

Он насторожился, а монах за его спиной даже подался всем корпусом вперед, стараясь не пропустить ни слова. На улице, по которой едем, народ то и дело бросается к епископу, прося благословения, он осеняет их крестным знамением, дает поцеловать руку, но мою реплику не забыл и, как только чуть освободился, повернулся всем корпусом и посмотрел снизу вверх.

— Сын мой, — спросил он с подозрением, — что ты имеешь в виду?

— Церковь выполняет волю Господа, — пояснил я, — сама служит ему и старается весь мир сделать таким, каким хочет видеть Господь... не так ли?

Он чуть наклонил голову.

— Это бесспорно.

Я продолжил осторожненько:

— Но иногда мне кажется, не все Церковь поняла в точности. Или со временем исказился смысл.

Он заметно выпрямился, лицо стало строгим и неприязненным.

— Поясни слова свои, сын мой.

— Мунтвиг, — сказал я, — сделал ставку на нерушимость апостольских заповедей. Как сказали апостолы,

так и должно быть в абсолютной точности, а шаг вправо или шаг влево — попытка к бегству к Сатане. Но Господь наверняка желал, чтобы мы развивались, а для этого должна развиваться и Церковь.

Он проговорил настороженно:

— Но ее развитие определяет сама Церковь, если я правильно понял твою мысль, сын мой, а не всякие там ереси.

— Апостол Павел, — возразил я, — создатель христианства, сказал прямо, что «надлежит быть ересям», ибо христианство, единое по корню и духу, на человеческом уровне должно быть многообразно!

— Это многообразие может определять только Церковь! — заметил он строго.

— Согласен, — ответил я. — Согласен!

Он кивнул, вроде бы удовлетворен, но поглядывает с недоверием, ибо если он имеет в виду под Церковью папу римского, ну пусть еще и конклав его кардиналов, то я понимаю вообще всех священников, где есть место и Мартину Лютеру.

Реформация Церкви, мелькнула мысль, в здоровом обществе не прекращается никогда. Мунтвиг ошибся, пытаясь вернуть Церковь к ее истокам, ее чистоте и незапятнанности. Точно так же крупно ошибся Иисус, когда врывался в синагоги и переворачивал там лавки менял, лупил веревками торговцев и кричал, что пришел не нарушать закон, а исполнить, пытаясь вернуть веру отцов к ее истокам, к ее чистоте и примитивизму.

Правильнее поступил Павел, который ничего не стал ломать и отрицать, а попросту творчески развил еретические воззрения Христа, создал надстройку над старым фундаментом и объявил эту ересь новым учением под названием «христианство»...

Мы проехали к центру, а там среди народа, что просит у епископа благословения, к нам протиснулся

дюжий мужик с толстыми руками и корявыми пальцами. По виду каменщик.

— Ваше преосвященство! — взмолился он отчаянным голосом. — Благословите и отпустите мои грехи!

Геллерий произнес с подозрением:

— А часто ли ты бываешь в церкви, сын мой?

Каменщик ответил с тяжким и таким же отчаянным вздохом:

— Ваше преосвященство, у меня всегда столько работы, что ну никак не могу выкроить времени для посещения церкви! Хорошо, если удастся забежать ненадолго раз в месяц, а чаще, уж простите, так и вовсе...

Епископ сказал сурово:

— Сын мой, ты должен духовные нужды и запросы ставить выше мирских дел! Душа вечна, ее вложил в человека сам Господь, а тело — тлен. Оно скоро, как ты знаешь, снова превратится в глину, из которой было изготовлено столь умело.

Каменщик испуганно и покаянно опустил голову. Я поинтересовался:

— Но ты хочешь пойти в церковь?

— Да, — ответил он с жаром, — однако у меня большая семья, восемь детей, всех надо кормить, я не успеваю...

— Ты можешь, — сказал я веско, — говорить с Богом прямо на работе. Это кошунство и ересь полагать, что Господь стал туг на ухо и слышит нас только в церкви. Он слышит даже журчание подземных вод, шелест сяжек муравья, шелканье мандибул кузнечика, а твои слова, обращенные к нему, услышит в любом случае.

Геллерий нахмурился, а мужик воскликнул пламенно:

— Спасибо, ваше высочество! Спасибо!

— Он слышит даже то, — напомнил я, — о чем думаешь. Потому не грехи даже в мыслях!

Он торопливо попятился, часто и низко кланяясь, весь полный благодарности так, что вокруг него вот-вот расцветут цветы, если их, конечно, посадил бы кто и поливал.

Епископ посмотрел на меня с растущим подозрением.

— Сэр Ричард, это мне показалось, или вы в последнее время все чаще сомневаетесь...

— Ваше преосвященство?

— В ведущей, — закончил он, — и направляющей роли Церкви?

— Что вы, — испугался я, — как можно?.. Просто лучшая молитва Господу — упорный труд, как он сам же и сказал. Потому ничего страшного, если этот каменщик будет хорошо выполнять свою работу, а молиться вслух или мысленно там, где ему удастся. Но, конечно, это в виде исключения! Только для тех, кому некогда. Остальным в церковь ходить обязательно.

Он с горестным вздохом покачал головой.

— Люди ленивы, сэр Ричард. Если позволить не посещать церковь по каким-то уважительным причинам, тут же все отыщут для себя именно эти причины.

— И церковь опустеет? — ответил я с недоверием. — Вот уж не поверю! Мне кажется, вы возводите хулу на святую и непорочную церковь.

Он коротко усмехнулся.

— Моими словами да мне же? Сэр Ричард, вы очень непростой человек. И потому очень важно, чтобы не отклонялись с верной и прямой дороги, указанной свыше.

На площади мы расстались, он поехал направо в собор, а я, понятно, налево, надо осмотреть место, где brave плотники с упоением и азартом сооружают вы-

сокий помост со ступеньками, а на помосте широкий стол с вделанными в него цепями по четырем углам, за них прикуют руки и ноги преступника.

Пока я оглядывался, не покидая седла, на телеге привезли большую жаровню на широкой треноге. Конструкция за века почти не изменилась, я когда-то на такой жарил шашлыки, но завтра здесь на раскаленных углях будут поджаривать мошонку. Ну и кишки, выданные оттуда же через рану.

Под веселые возгласы немногих зевак на площади жаровню встали и водрузили на помост рядом со столом, это чтоб и палачу удобно, не сходя с места, выдирать гениталии и сразу же перекладывать на раскаленные угли, и чтобы казнимый видел, как это все чадно горит и мерзко воняет под аплодисменты и довольные вопли общественности.

Глава 4

На другой день ближе к полудню у шатра прогремел и оборвался быстро перестук конских копыт, Зигфрид спросил, кто и зачем, а затем распахнул полог.

— Ваше высочество, гонец из города!

Гонец вбежал и заговорил без всяких поклонов и преклонений, как я и требую:

— Ваше высочество, глава городского суда просил передать, что принца признали виновным и присудили к смертной казни четвертованием.

Я сказал бодро:

— Как христианин и гуманист не могу не обрадоваться справедливому и беспристрастному судейству.

— Весь город ликует, — ответил он. — Видимо, еще те христиане!

— Когда, — поинтересовался я, — приведут приговор в исполнение?

— Ввиду военного времени, — ответил он, — все сроки сокращены. Казнь будет совершена сегодня через три часа. Сейчас к осужденному направлен священник, чтобы тот приготовил виновного к тому, что он вскоре предстанет перед Господом.

— Отлично, — одобрил я. — Можно даже двух священников. Или трех. Главное, чтобы казнили. И без всякой там замены штрафом.

— Через два часа, — доложил он почтительно, — его выведут из городской тюрьмы, посадят в особую телегу и повезут к месту казни. Если его высочество изволит присутствовать...

Я оскорбился:

— С чего бы я пропустил такое зрелище? Обязательно буду!.. Пусть мне оставят место в переднем ряду.

Он поклонился и отступил.

— Все передам, ваше высочество. Если казнь затянется, что вам принести: пироги с телятиной или с клубникой?

— С клубникой, — сказал я. — Но сперва с телятиной.

Через пару часов из лагеря потянулись в город одетые по случаю праздника лорды, Альбрехт заехал за мной, я сказал, что уже иду, а когда вышел, возле шатра уже крутится Бобик в ожидании, а черный, как ночь, арбогастр стоит молча и солидно, словно вырезанный из трапезундского мрамора.

В город на площадь мы прибыли вовремя, дождались, когда покажется телега, уже в нечистотах, кото-

рыми забросали принца, пока его везли по кривым улочкам.

На площади народ встретил радостным гулом. Уже появились торговцы пирогами и вином, в такие дни торговля идет всегда успешно: и аппетит у всех повышенный, и не скупятся на плату.

Стражи помогли скованному принцу выбраться из телеги, тяжелые цепи постоянно цеплялись то за одно, то за другое. Без помощи стражей он бы не взошел на эшафот, но они почти внесли его худое тело на самый помост.

Кроме палача, поигрывающего мышцами перед демократической общественностью, на помосте осужденного уже ждут судья и священник. Я видел, как судья переговорил со священником, тот кивнул кому-то в толпе, и через несколько минут ко мне протолкался один из монахов.

— Ваше высочество, — прошептал он, — крайне требуется ваше присутствие.

— Так я ж присутствую, — ответил я.

— Нет, — сказал он, — там, на помосте!

— Зачем?

— Вы представляете важного свидетеля, — пояснил он, — захватившего принца в плен. А еще представляете военную власть, что поддерживает правосудие с позволения Его Величества короля Ричмонда.

Я ответил с неохотой:

— Ну, если это так необходимо...

Пока я слезал с коня и шел к помосту, судья торжественно зачитал о прегрешениях принца, его предполой измене и наконец сообщил в подробностях о наказании, которое его ждет, на что христиански гуманная и милосердная толпа ответила демократически ликующим ревом.

Я поднялся по ступенькам, принцу тем временем набросили на шею толстую петлю, это чтоб не удавила слишком быстро, двое дюжих помощников палача ухватили за разлохмаченный конец и с силой потянули вниз.

Тело принца задергалось, поднялось на ярд, еще на один, а там он некоторое время дергался в конвульсиях, затем затих, и тут же его опустили на помост, где торопливо привели в сознание.

Затем эту процедуру под восторженные вопли народа, который всегда прав и который глас Божий, повторили еще дважды, а когда привели принца в чувство в последний раз, его всталили на стол, где растянули руки и ноги в стороны, приковали так, чтобы мог двигаться только пальцами.

Судья поклонился мне, я кивнул в ответ, но остался в сторонке, тогда он сам приблизился и сказал почти-точно:

— Народ горячо одобряет казнь преступника, ваше высочество!

Я посмотрел в толпу, там по рядам снуют продавцы пирогов, народ жадно жует и не сводит глаз с осужденного.

— Вообще-то, — пробормотал я, — Христа распял как раз глас народа...

Он не понял, переспросил ошарашенно:

— Ваше высочество?

— Говорю, — объяснил я, — народу там много, а людей что-то не видно. Но это вообще-то для политика самое то.

С принца Клавеля сорвали одежду, он хрипел и что-то горячечно бормотал. Помощники палача деловито проверили, хорошо ли закреплены руки и ноги, по очереди кивнули своему главному, дескать, у них все готово, можно начинать.

Тот покачал головой, в жаровне ярким пламенем горят сухие березовые поленья, поднимается легкий дымок, но нужно, чтобы остались только непотревоженные раскаленные угли, тогда особенно хорошо виден и чад сжигаемых внутренностей, и чувствуется смрад- ный запах, даже слышно, как злобно шипит на углях горящая плоть.

Судья подошел к жаровне, присмотрелся, закрывая лицо ладонью. Лицо его стало задумчивым, словно вы- считывал в уме степень упадка сельского хозяйства во времена войны.

— Пожалуй, — сказал он медленно, — можно и на- чинать, а то народ изождался. Только дави неспешно, а потом отрезай так же медленно... а тут как раз и дой- дет.

Палач выбрал широкие клещи, больше похожие на первобытные плоскогубцы, прошелся по краю помос- та, показывая народу под их ликующие крики.

Я видел, как через толпу к помосту проталкивается молодой сухошавый парень в одежде гонца королев- ского двора Драгсхолмов, бегом взлетел по ступень- кам, стуча сапогами на двойной подошве.

Судья нахмурился, а гонец подбежал ко мне и пре- клонил колено.

— Ваше высочество, — проговорил он хрипло, — простите... едва успел... трех коней загнал...

— Ради чего? — спросил я.

Он пошатнулся, оперся рукой о помост.

— Простите, ваше высочество...

— Ну-ну, говори! — велел я.

— Послание от принцессы Лиутгарды, ваше высо- чество! Она убедительно просит передать курпринца в распоряжение его отца!

Я вытаращил глаза.

— А она откуда узнала?

Он виновато развел руками.

— Почтовые голуби, ваше высочество...

— Эх, — сказал я с досадой, — что ж я не подумал и сам...

— А кто-то пользуется нетопырями, — добавил он торопливо. — Говорят, еще удобнее... Так что передать, ваше высочество?

Я поморщился.

— И ради этого ты загнал трех невинных лошадей? Как тебе не стыдно! Разве ради такой вести надо спешить?.. Ты посмотри на демократическую общественность, она же тебя разорвет за такую просьбу! Как можно идти против воли народа? Ладно, тебя не жалко, но и мне достанется... Жди внизу.

Народ в самом деле застыл, стараясь не пропустить ни слова, а по мере того, как передние передавали слова гонца дальше в толпу, недовольный гул нарастал все громче.

Принц Клавель, как мне показалось, уже поседел за ночь от ужаса, тонкая натура, все старается вообразить во всех деталях, как ему будут отрезать мошонку и вытаскивать через распоротый низ живота внутренности, чтобы сжечь рядом, жаровня должна быть на расстоянии не дальше полуярда от казнимого, дабы ничего не пропустил из смрадного зловония своих предательских кишок.

Сейчас его трясет от воплей благодарного народа, который требует соблюдения законов проведения казни по всем процедурным нормам, ничего не пропуская и не упуская.

Подумай, сказал я молча, подумай в последние минуты перед казнью, петрашевец. Может быть, и у тебя перевернется представление о том, как надо жить и как надо умирать.

На помост поднялся Альбрехт, отстранив властным жестом стража, приблизился ко мне и сказал настойчиво:

— Ваше высочество... но, может быть, благоразумнее все-таки передать его королю?

— А при чем тут благоразумие? — огрызнулся я. — Посмотри на местный народ! Мы демократы или нам наплевать на простой народ и его справедливые чаяния? Если не можем уменьшить им бремя налогов, так хотя бы четвертуем для них принца крови!

Он посмотрел, брезгливо поморщился.

— От народа воняет, — произнес он. — Как и везде. И что?

— Разве нам не нужно завоевывать в его рядах популярность?

Он в изумлении вскинул брови.

— А... зачем? Народ что-то решает?

— Гм, — сказал я, — что-то в самом деле туплю, пора бы перестать. В самом деле насрать на этот народ, как и на все следующие. Но тащить преступника через все королевство весьма затруднительно и накладно...

Он сказал негромко:

— Но тем самым вы покажете народу лояльность здешнему королю, ваше почтение и желание идти ему навстречу.

— А стоит ли?

— Такой жест, — прошептал он, — может принести больше осязаемой выгоды, чем потворствовать плебсу. А чтоб их не разочаровывать, раз уж явились на площадь, и если вы зачем-то хотите угодить черни, словно у нас выборная система, велите казнить кого-нибудь другого.

— Такого ранга?

— Ну, пусть поменьше, но зато можно двух или трех. Чтоб народ порадовать.

— Это не совсем верно, — сказал я, — все-таки я всего лишь принц соседнего государства и не волен вмешиваться в юрисдикцию здешнего суда...

Альбрехт, видя мою затянувшуюся паузу, подсказал:

— ...но с другой стороны... Не спите, ваше высочество, не спите!

— Ах да, — сказал я, очнувшись от глубоких раздумий, — но, с другой стороны, дело преступника такого ранга и обвиненного в таком тягчайшем преступлении, как государственная измена, вообще-то должен рассматривать Высший Королевский Суд... если бы не было войны. Посему, по глубоком размышлении, я поддерживаю просьбу принцессы Лиутгарды, дочери его величества короля Ричмонда Драгсхолма, на предмет передачи этого преступника в руки справедливого и беспристрастного Королевского Суда...

Глашатай напряженно прислушивался к нам, глаза тревожные, спросил шепотом:

— Ваше высочество, что сообщить народу? Общественность волнуется, как бы власть не обманула, как всегда делает.

Я подумал, махнул рукой.

— Сообщи, что принца отправим на Высший Королевский Суд, там ему придумают что-то еще круче...

— Еще круче?

— Ну, — сказал я, — могут мошонку отрезать частями, как и гениталии... Народу это понравится. А чтобы не зря строили этот помост, то сейчас приведут сюда и казнят всех приспешников принца-предателя.

— Ближайших, — подсказал Альбрехт шепотом.

— Ближайших, — повторил я. — Их около десятка. Парочку можно именно этим гуманным способом с отрезанием мошонки, сладострастным сжиганием ее

на огне под ликующие крики патриотично настроенной толпы роялистов.

Глашатай взмахнул рукой трубачам, те поспешно поднесли раструбы к губам, мощный рев заставил на мгновение умолкнуть толпу и повернуться к помосту.

— Внимание! — прокричал он. — Прошу не расходиться!.. Сейчас привезут на казнь графа Нисьона Железореца, барона Наревуда, барона Гассерта, графа Харебшира... Вы станете свидетелями, как именно его высочество принц Ричард наказывает по повелению нашего короля Ричмонда Драгсхолма предателей, а также изменников короны!

В толпе лица светлели, словно им явился ангел с благой вестью, глаза радостно заблестели, все-таки в публичных казнях что-то есть праздничное и даже фестивальное.

Альбрехт кивнул стражникам, поддерживающим бледного принца.

— Ведите его вниз. Казнь пока что отменяется.

— Откладывается, — поправил я сердито. — Может быть, после пересмотра приговора будет решено отрезать мошонку тупым ножом и ме-е-е-едленно, чтобы наш гуманизм и приверженность либеральным ценностям были видны издали.

— И слышны, — добавил Альбрехт саркастически.

— Думаю, — согласился я, — слышно будет далеко. Демократия должна уметь себя защищать. Даже заранее.

Внизу у помоста послушно ждет гонец, я спросил строго:

— Голуби или нетопыри, все равно не понимаю, как от Лиутгарды ты так быстро?..

— Трех коней...

— Про коней вообще молчи! Надо принять закон о незагонянии коней. Что за дурь, если хвастаются, кто

сколько коней загнал насмерть!.. За первого коня прикажу жестоко пороть, за второго — казнить! Конь тоже человек... в некотором высшем смысле. Один великий бард сказал прозорливо, что все мы лошади.

Он сказал торопливо:

— Принцесса Лиутгарда, соскучившись без дела, упростила взять ее в отряд, что потом несколько выдвинулся вперед.

Я прервал недобрым голосом:

— Уже вижу, насколько это несколько... Там хоть понимают, что будет, если принцесса погибнет? Женщин не жалко, но это же дипломатический скандал!

Он посмотрел на меня несколько странно.

— Ну... а главное, такая красивая женщина погибнет... Но этого не случится! С нею пошел младший из Лихтенштейнов, а потом они все присоединились. Над нею трясутся так, что чуть ли не в пуховом одеяле возят!

— Еще одна армия в тылу врага, — буркнул я. — Что за дисциплинка... Ладно, скачи к принцессе и сообщи, что ее просьба, как очень красивой женщины и нашего союзника, уважена. Принца Клавеля отправим в Квинтелард на Королевский Суд. Пусть там сами избирают ему меру наказания. А мы, так сказать, символично умоем руки.

Глава 5

Принца, закованного в ручные и ножные кандалы, погрузили в телегу, кузнецы деловито приковали добавочной цепью к боковой перекладине, а возница, уловив мой кивок, стегнул лошадей.

Две сотни опытных воинов на быстрых конях пошли справа и слева от повозки, часть помчались впе-

ред, около дюжины остались в арьергарде, с таким конвоем должны добраться без происшествий в считанные дни.

Мы с Альбрехтом, сидя на конях, наблюдали за всем с вершины холма близ лагеря, так как армия уже выходит на дорогу и начинает долгий марш на запад.

Альбрехт все задумчиво смотрел вслед телеге с принцем.

— Вы правы, ваше высочество. Вы поступили на удивление мудро, что с вами случается все реже. Пусть теперь сам Ричмонд с ним разбирается!

Я угрюмо смотрел вслед уходящему на рысях отряду, повозка тоже мчится, немилосердно подбрасывая заключенного на рытвинах.

— Думаю, — сказал я сухо, — король был бы нам благодарен, если бы мы сами его казнили... С другой стороны, это вмешательство в дела суверенного государства. Да еще пока дружественного.

Он покачал головой.

— Не узнаю вас, сэр Ричард. Это хуже, чем вмешательство в государственные дела!

— Да? А что может быть хуже?

— Вмешательство в личные, — пояснил он. — Своя рубашка ближе к телу, чем ваши штаны.

Я буркнул:

— Мои-то штаны при чем?.. Ладно, в этом деле слишком много подводных камней, так что лучше пусть король Ричмонд сам разгребает. Одно только беспокоит...

— Что, ваше высочество?

Я ответил с горьким вздохом:

— Король Ричмонд слишком добр. А его жена чересчур обожает своего сынка, об этом я наслышан.

Ввиду того, что пешие войска двигаются несколько медленнее, чем конница, Макс всегда покидал лагерь

со своими отрядами первым. Правда, раньше я почему-то полагал, что конница движется чуть ли не в сто раз быстрее пехоты, ну сто не сто, а в десять раз точно, однако на самом деле конница идет даже не вдвое, а разве что на треть быстрее, а устает чаще, все-таки нести на себе человека — это совсем не то, что мчаться налегке.

За первые дни, когда Макс двигался через Ирам только со своими кнехтами, его дважды атаковала многочисленная легкая конница, рассчитывая на несложную победу, однако их натиск Макс отразил, не потеряв ни единого человека. А к тому времени, когда военачальники Мунтвига наконец-то заинтересовались большой массой пеших людей, углубившихся на территорию, занятую войсками севера, и начали посылать к ним все более многочисленные и ударные конные части, пешее войско Макса догнала конная армия Клемента Фитцджеральда, а еще раньше — войско Паланта и Сулливана, дружина принца Санторина и достаточно многочисленное войско герцога Мидля.

Легкая кавалерия Норберта все видела и все отмечала, но я строго запретил принимать удар на себя, у них другие задачи.

Еще в Варт Генце, ожидая подхода армий Меганвэйла и Шварцкопфа, я старательно готовил эту ударную, отрядив в нее в обязательном порядке как священников, умеющих распознавать нечисть, так и алхимиков, которых замаскировал под помощников трубушетников и гастраретников.

После того, как Макс отразил несколько атак конницы, их колонну попытался атаковать огромный дракон. К счастью, я пытался предусмотреть всякие сложности, и даже ночью часовые держали в своем арсенале Небесные Иглы.

Дракон прошелся пару раз над марширующим войском, стараясь посеять ужас, но спаянное железное дисциплиной войско осталось на месте. На третий заход он мог бы дыхнуть огнем, все рассказывали с жаром, как уже начал раздувать грудь и брюхо, явно копил огня побольше, но один из часовых заменил простую стрелу на Небесную Иглу, а та догнала дракона, когда тот уже миновал лагерь.

Небесная Игла ударила крылатую тварь в низ живота, и все с восторгом пересказывали, с каким треском рвануло там, словно исполинский и невидимый медведь драл козу. Дракон сразу затрепыхался, закричал так, что трава в страхе прижалась к земле, его понесло косо вниз, грохнулся с такой силой, что земля загудела, как большой колокол, и подпрыгнула. Явно убился сразу, а когда к нему подбежали, увидели, что все равно бы издох, рана такая, что почти разорвало надвое.

Макс разрешил остановку на пару часов, чтобы успели насладиться ликованием, это подняло воинский дух и вселило уверенность в успех похода. Самые горячие принялись перерубывать шею, чтобы везти с собой голову как трофей, но Макс сказал, что обоз их догонит не раньше чем через две недели, а столько ждать на одном месте нецелесообразно.

Два часа воины потратили не на отдых после трудного перехода, а ползали, как муравьи на дохлой жабе, и выискивали, что еще вырубить из громадной туши, чтобы либо продать потом, либо оставить себе на память или приспособить как амулет.

Когда конные части догнали и пошли впереди, установился уже привычный режим форсированного марша, и так прошли десять дней. На исходе ухитрились, уже смертельно усталые, разбить внушительных размеров войско. Норберт сообщил, что край здесь чрезвычайно бедный, нужно остановиться и попол-

нить фураж, а то кони начинают голодать, и так уже совсем отошдали от долгих переходов.

Я кивал, соглашался, а перед глазами все чаще возникают картинки, как отправляем в телеге прикованного принца Клавеля. Вроде бы все правильно, но почему в череп стучит крепнущая мысль, что сглупил, а сердце сжимает холодной лапой нехорошее предчувствие...

Альбрехт, очень довольный, что не командует ни армией, ни даже войском, обычно едет рядом со мной, оставив осчастливленному Паланту полное и безраздельное командование всеми войсками, что вывели с территории Вендоваера.

Он начал поглядывать на меня пытливо, но я опередил, заявив бодро и с подъемом:

— Вот впереди просто удивительно удобное место для лагеря! Ага, вот и Норберт воткнул в землю флаг, молодец, первым заметил.

— Хорошее место, — согласился Альбрехт, но посмотрел на меня с подозрением. — Можно отдохнуть с неделю, а то и две, дать коням нагулять жирок, а людям привести в порядок одежду и оружие с доспехами...

— Как вы правы, граф! — сказал я поощряюще.

Он посмотрел исподлобья.

— Уже чую, что последует дальше...

— Вы хитрый, — сказал я одобрительно, — хоть и вроде бы не рыжий.

— Вы обществу в моем лице зубы не заговаривайте, — посоветовал он, — куда нацелились?

— Казенный дом, — ответил я, — и дальняя дорога...

— Ваше высочество?

— Ну что ты так сразу? — спросил я с неудовольствием. — Армия с неделю простоит на месте, а мой конь совсем не устал, ты же видишь!

— Ну-ну, — сказал он. — Так... куда?

— Всего лишь в сторону Квинтеларда, — сообщил я нехотя.

Он охнул.

— До самой столицы Бриттии?

— Да зачем она мне? — спросил я сердито. — Знаете ли, граф, отвечая на ваш молчаливый вопрос, что так и читается в ваших бесстыже честных глазах проходимца и гуманиста, скажу вот так прямо и как бы открыто...

Он подождал, спросил с глубоким сочувствием:

— Что, трудно? Тогда вы еще не настоящий политик.

— Скажу честно, — сказал я со вздохом, — что-то грызет мои нежные внутренности. Вы видели короля? Нет?.. Ну, скажу вам, это такой добрейший рохля... Здоровенный такой дядя, но весь не по-королевски мягкий, добрый и совестливый. Такое возможно только в королевстве с наследуемой властью. Да еще чтоб лорды были заинтересованы в таком мягком короле, что уж точно не злоупотребляет властью.

Он смотрел очень внимательно.

— И... что?

— Опасаюсь, — сказал я, — все пойдет не так, как хочется моему мудрому и почти всегда предусмотрительному высочеству. Это я, если все снова забыли. Однако рохля там король, но не его сын. Этот гад столько лет ждал корону, уже все четыре локтя изгрыз, сторонников завербовал, даже под Мунтвига, какой позор, лег, отечеству изменил, глобалист проклятый...

— В столице тоже могут быть его люди?

— Наверняка, — сказал я. — Что такое государственный переворот? Как и любой другой: вышестоящие

падают, а кто был ниже, поднимаются. В случае с этим принцем взлететь можно до самых высот. Даже встать рядом с новым королем, если оказать ему важные услуги.

Он вздохнул, покачал головой.

— Даже не знаю...

— Что?

— Стоит ли вам пытаться как-то повлиять. Мы в чужом королевстве.

— Да, — согласился я, — но сейчас оно просто нейтральное, а завтра может стать либо люто враждебным...

— Если курпринц захватит власть.

— Или очень дружелюбным, — продолжил я, — если сумею как-то объяснить королю...

— Тогда проще было удавить курпринца прямо здесь? Или казнить, как собирались?

Я покачал головой.

— Нет, вы были правы, когда остановили казнь.

— Это вы остановили!

— Но под вашим гнусным влиянием, — напомнил я. — Король бы не простил нам казнь сына. Да, он поймет и все такое, но, к сожалению, король Ричмонд не политик, а очень добрый и сердечный человек. Он будет оплакивать потерю сына, а нас возненавидит.

— Чем не преминут воспользоваться, — продолжил он хмуро, — те, кто поддерживал принца. Вполне могут уговорить короля ударить нам в спину.

— Я постараюсь нагнать телегу с принцем, — сказал я и, увидев его лицо, поспешно добавил: — Граф, мне за вас стыдно! Не собираюсь я его удушивать в дороге, не собираюсь.

— А что?

— Просто приеду вместе с ним, — объяснил я, — и расскажу при дворе первым, как все было. Вы же знае-

те, как это важно — первым обрисовать картину происходящего и настроить всех соответствующим образом.

Он тяжело вздохнул, долго морщился, наконец сказал с неохотой:

— Ох, это не лучший вариант... Но постарайтесь вернуться побыстрее.

Глава 6

Как только разбили лагерь и начали устанавливать шатры, я свистнул Бобика, тот тут же запрыгал в предвкушении дальней поездки, все чует, морда толстая, лорды бледно улыбались и просили не задерживаться надолго.

Зайчика мне вывели двое конюхов, держа под уздцы, я державно вскинул руку. Уже ни для кого не секрет, что моя лошадка очень быстрая, хотя никто еще не знает, насколько, так что я отбываю официально, хотя, если честно, была идея всптеродактелить в полночь и рано утром с самым невинным видом войти в городские врата Квинтеларда.

— Я быстро, — сказал я и улыбнулся как можно более бодро и беспечно, хотя сам не представляю, что буду и как буду. — Одна нога здесь, другая там!

Норберт в числе провожающих, на лице зависть, что самый быстрый конь у меня.

Я сказал дружески:

— Сэр Норберт, вы самый знающий человек во всей нашей армии. Это верно, что, судя по непроверенным слухам, король Ричмонд отступил в дальние горные области?

— Это проверенные слухи, — ответил он, — и подтвержденные. Король в самом деле отступал в горные

области, но только не дальние. Эти горы начинаются в десятке миль от Квинтеларда. Я просто уверен, что едва армия Мунтвига пошла дальше на юг, он спустился с гор и вернулся в свою столицу.

— А если там сильный гарнизон мунтвиговцев?

Он подумал, посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— Сэр Ричард, вы лучше меня поймете логику действий ошалевшего от успехов завоевателя. Станет ли он оставлять гарнизоны в каждом захваченном городе?

Я сказал ворчливо:

— Притворюсь, что не расслышал и вообще не понял ваши гнусные намеки, дорогой и ехидный друг. Лично я бы не стал оставлять, если вам это интересно.

— Интересно, почему?

— Потому что потом, — объяснил я нарочито подробно, — когда дойдет до тех мест, где сочтет необходимым остановиться, и не сломит себе голову, эти вот оставшиеся за спиной земли вправе считать захваченными и покоренными. Сами понимаете почему?

— Еще бы, — откликнулся он. — Раз не сломил голову, на что надеялись короли и лорды оставшихся в тылу земель, то теперь им придется признать его власть и уже безропотно распахнуть ворота городов и крепостей.

Альбрехт добавил равнодушным голосом:

— Козе понятно, как странно выражается наш лорд, именно потому Мунтвиг и велел своим полководцам не задерживаться, а двигаться дальше на юг. Не думаю, что он готов будет расшибиться в лепешку ради идеи. Скорее всего, как только натолкнется на серьезное сопротивление, остановится и попытается переварить то, что нахал.

— И все? — спросил я скептически.

— А потом пойдет снова, — сказал он серьезно. — Вы очень хорошо все обрисовали, ваше императорское... ох, простите, я думал о Мунтвиге!

— Опять намеки? — сказал я сердито. — У нас с ним нет ничего общего. Мы даже идем в противоположные стороны, если вы это заметили!.. В общем, я постараюсь догнать отряд.

— И прирежете принца по дороге? — поинтересовался он практично. — Нож дать подлиннее?

— Еще что, — сказал я с укором, — за кого вы меня принимаете?.. Я не выношу вида крови и стараюсь проливать ее чужими руками.

— Всегда ли?

— По возможности, как вы понимаете, по возможности.

Арбогастр несется, как стрела, выпущенная из мощного гастроферта, а Бобик, уже сообразив, что, если будет охотится на так полюбившихся гусей, рискует проиграть копытному, потому идет либо рядом, либо впереди.

Он то ли сразу понял, то ли услышал наш разговор с Альбрехтом, но несется точно по следу отряда, хотя они вместе с подводой и выделяют всякие зигзуги там, где мы могли бы напрямик.

Я постепенно начал тревожиться, а когда далеко впереди выросли высокие стены Квинтеларда, наконец-то сообразил, что коней я выделил для отряда сопровождения в самом деле самых быстрых.

А я вот опоздал.

Квинтелард показался еще незатейливее, чем в прошлый раз, просто большой и суровый город, типичный для севера, с его высокими прямыми стенами, квадратными башнями из массивных глыб камня, огром-

ными воротами из дуба, где створки без всякого изящества, но надежно скреплены широкими листами железа.

Над воротами, где широкий помост для груд камней и отряда лучников, появились головы в металлических шлемах.

Один поднялся во весь рост, перегнулся через перила, всматриваясь с великим изумлением.

— Кто?.. Неужели сам Ричард?.. Простите, ваше высочество, мы тут же и мигом...

Я крикнул:

— Король в столице?

Сверху прокричали:

— Да, его величество сейчас во дворце!

Створки ворот пошли в стороны, стражники торопливо тащат их и угодливо кланяются. Узнали, шельмы, хотя я тут был всего один раз, да и вряд ли это те же стражи, наверняка обо мне уже пошли слухи, обрастая причудливыми подробностями. Один раз я уже слышал подобный спор, три у меня головы или все-таки только две.

Кто-то прокричал подобострастно:

— Дорогу его высочеству!

Еще один голос подхватил:

— Дорогу Ричарду Завоевателю!

Это сработало, как падение метеорита, люди во дворе поворачиваются в нашу сторону с такой скоростью, что в какую бы сторону ни смотрели раньше, а сейчас все с одинаково застывшими лицами и вытаращенными глазами срывают шляпы и торопливо кланяются.

Мы проехали шагом по выложенной крупным булыжником дорожке, копыта Зайчика стучат громче, чем подковы, Бобик идет слева от арбогастра и всем улыбается так, что почти каждый бледнеет и хватается за сердце.

Вокруг дворца под стенами застыли в нарядно-красных с золотом накидках дюжие стражники с вычурно красивыми копьями. На входе тоже стража удвоенная, но везде царит дух дикарского праздника, веселого и беспечного.

Ко мне ринулись со всех сторон как слуги, так и придворные младшего ранга, поспешно перехватили повод Зайчика, кони вообще-то все пугливые, за исключением флегматичных тяжеловозов, а мой арбогастр выглядит и нервным, и опасным.

От Бобика шарахаются, хотя он смотрит на всех дружелюбно, уже забыл те времена, когда люди пытались устраивать на него облавы, называя Адским Псом.

— Ладно, — сказал я милостиво, — иди проверяй кухню. Надеюсь, тебя запомнили и не слишком перепугаются.

Бобик подпрыгнул и ринулся в обход главного здания, а я величаво покинул седло, небрежно отряхнул одежду от пыли и пошел к распахнутым воротам королевского дворца.

За спиной раздался ликующий вопль:

— Ваше высочество!

Я обернулся, ко мне мчатся, подпрыгивая, как бобики, сэр Фил Коллинс и Мэтью Эрлбах, командиры тех двух сотен, которые сопровождали пленного принца.

Они преклонили колена, глядя на меня влюбленными и преданными глазами.

— Все еще отдыхаете? — спросил я сварливо.

Сэр Фил ответил быстро:

— Мы гнали лошадей, ваше высочество, так, что пришлось дать им здесь время, чтобы откормиться и прийти в себя. Но мы готовы выступить обратно, если повелите, хоть сейчас...

Сэр Мэтью проговорил гулко:

— Ваше высочество... мы могли бы выступить уже вчера, если честно, но хотелось услышать приговор, чтобы сообщить вам!

— Встаньте, — велел я. — Теперь вы здесь моя охрана. А также мои уши. Надеюсь, я не пробуду здесь долго, у нас немало дел и в Ираме... Ладно, сообщите остальным нашим, что я здесь, ждите дальнейших инструкций. Скоро увидимся.

Я прошел через главный вход, уже в холле чувствуется, что здесь север, хотя пока еще лето. По королевскому дворцу гуляют сквозняки, я словно бы перенесся на несколько сот лет назад, когда строили без изысков, имея в виду только требования надежной защиты.

За холлом анфилада залов, чувствуется желание короля как-то украсить быт, вот и на полу постелили поверх чего-то старого мозаичные плиты, на стенах пламенеют длинные пурпурные и оранжевые полотнища, люстры дают света больше, чем требуется, некий дикарский перебор, воздух просто пропитан ароматами расплавленного воска.

Я вошел в арочный зал, где пышность заметна особенно: подсвечники на столах из красной меди и серебра, на стенах гобелены и полотнища с диковинными гербами явно всех предков короля: слишком много львов, барсов, вепрей, медведей, драконов и прочих чудовищ, у Ричмонда много благородных предков.

Красиво и торжественно протрубили трубы. Я приосанился, но, как оказалось, это не мне, в большом зале полно народу, все одеты пышно, голоса звучат весело, словно несколько дней тому столица не была в руках мунтвиговцев. Странно как-то мне все это, народ выглядит так, что каждого должны встречать не только под рев фанфар, но и под литавры.

Передо мной расступались, бросая любопытные взгляды, никто заговорить не решается.

От двери главного зала ко мне заспешил огромный, почти моего роста, церемониймейстер.

— Ваше высочество!.. Ох, что ж вы не предупредили...

— Что? — спросил я. — Выгоняете взад?

Он поспешно замахал руками.

— Ну и шутки у вас, ваше высочество!.. Позвольте доложить?

— Нет, — ответил я. — Я к его величеству Ричмонду. И желательно без лишнего народа.

— Как изволите, — воскликнул он, — сейчас распоряжусь...

И хотя это дело сенешаля, но по общей нервозности чувствуется, что жизнь еще не вошла в привычную колею, пусть все и стараются вести себя подчеркнуто весело и беспечно.

Он ушел вперед, постукивая в пол тяжелой тростью с набалдашником из красного камня, а ко мне приблизился очень полный господин весь в золоте и с тремя золотыми цепями на груди и выступающим вперед и в стороны животом.

— Джон Теллакс, — представился он. — Сенешаль королевства.

— Приветствую вас, сэр Джон, — сказал я.

Он учтиво поклонился.

— Ваше высочество, можем мы, пока вы ждете, что-то для вас сделать? Ваш костюм в пыли...

— Я очень спешил, — объяснил я, — пытался настичь отряд конвоя, что вез принца, но, увы, не успел...

Он поинтересовался предельно нейтрально:

— А с какой целью вы собирались его настичь?

Я посмотрел на него весьма удивленно.

— Разумеется, сэр, чтобы обеспечить дополнительную безопасность!

— Ах так...

— А вы как думали? — спросил я оскорбленно. — Если бы с принцем что-то случилось по дороге, недостаточно доброжелательные ко мне люди могли бы решить, что это по нашей небрежности... Я предполагаю, что такие все еще есть на свете!

Он произнес тем же тоном:

— Мы так и думали. Конечно же, вы заботились только о безопасности его высочества.

Я вскинул подбородок и подпустил в голос немножко холоду:

— Как вы понимаете, если бы у меня в мыслях была идея разделаться с принцем, как он того и заслуживает по законам военного времени, я бы просто велел его казнить на месте. Но я, будучи преисполненным уважения к его величеству Ричмонду Драгсхолму...

Он учтиво поклонился.

— Его величество настолько полны обаяния, что его трудно не любить..

— Вот и я люблю, — ответил я четко, — и чту его интересы.

Он продолжал смотреть на меня рыбьими глазами, еще один карбонарий, король ему не нравится, нашел, что в нем похвалить, это скорее оскорбление, чем похвала: любой король предпочитает, чтобы замечали его мудрость и отвагу, а обаяние пусть останется супруге.

Вернулся церемониймейстер, еще более величественный и гордый, не часто приходится представлять таких гостей, доложил густым басом оперного певца:

— Ваше высочество, прошу следовать за мной.

— Уже иду, — ответил я.

Перед нами толпа придворных расступается, как волны перед большими кораблями, чтобы тут же сомкнуться сзади.

Я держал лицо неподвижным и смотрел перед собой поверх голов, церемониймейстер же на ходу отдает распоряжения взмахом руки или шевелением бровей.

Как я и надеялся, провели к королю Ричмонду, и на этот раз без помех, хотя, конечно, была небольшая задержка на несколько минут, но, думаю, Ричмонд закончил с кем-то разговор, а потом прошел в свой рабочий кабинет, куда и привели меня спустя пару минут.

Похоже, он только-только сел, еще даже дыхание не выровнялось от быстрой ходьбы, явно поднимался по лестнице, лицо красное, сразу же сказал оживленно:

— Дорогой сэръ Ричард, прошу вас, сядьте вот тут рядом!.. Я так рад, что вам удалось разгромить мятежников!

Я ответил учтиво:

— Нам помогали верные вам люди. Но, ваше величество, меня тревожит посылка, которую я вам отправил.

Он понизил голос, даже бросил опасливый взгляд на дверь:

— Сейчас с этим все в порядке! Мой сын, совершивший такой опрометчивый проступок, находится под надежной стражей.

— В тюрьме?

Мне показалось, он несколько смутился, во всяком случае ответил, глядя мимо меня:

— Он же принц все-таки... Потому под арестом в его же покоях. Это в соседнем крыле. Он соединен с этим зданием мостиком... вон посмотрите в окно, видите?

— На высоте четвертого этажа? — спросил я. — Да, такой мост защищать легко.

Он сказал вроде бы довольно, но все тем же смущенным голосом:

— Здание охраняется изнутри и снаружи! Правда-правда. А у покоев принца постоянно дежурит стража. Как видите, ваше высочество, он под надежной охраной.

— Я рад, — сказал я, — что мои люди довели его целым и невредимым. Мне бы очень не хотелось, чтобы случилось что-то в дороге. Кстати, как мои люди?

— Устроены, — ответил он с воодушевлением. — Я хотел им заменить коней, но они не пожелали. Правильно сделали, кстати. Кони у них такие, что даже когда стоят, вижу, что умеют идти вскачь... У ваших людей лучшие комнаты для отдыха, кожевники чинят им сапоги и одежду, оружейники тоже готовы...

Он в смущении умолк, ибо о моих людях нельзя говорить бесконечно, а вот о принце Клавеле... тема весьма щекотливая.

— А что не в темнице, — договорил я за него, — то у знатных пленников свои привилегии, обусловленные высокими титулами, влиянием, размером земельных угодий и поддержкой высокопоставленных лиц. Не так ли?

Он развел руками.

— Это не нами придумано.

— Да, — согласился я, — традиции. Не скоро еще Церковь добьется равенства перед законом, как сейчас равны перед Богом... И что планируете дальше?

— Я велел созвать суд, — ответил он торопливо.

— Суд равных?

Он покачал головой.

— Суд равных в данном случае обеспечить невозможно, однако судить будут высшие лица королевства.

Лорд-канцлер, шесть герцогов, командующие рыцарской кавалерией, держатели конюшен, соколов, верховные лорды земель Бриттии...

— Репрезентативно, — согласился я. — Весьма. И когда суд?

— Очень скоро, — ответил он. — С этим повезло, ваше высочество. Из-за военных действий сейчас практически все высшие лорды здесь в столице. Мы разрабатываем планы, как вести себя дальше... ну, в связи...

Он замялся, я сказал почти равнодушно:

— Как вести себя, если Мунтвиг побьет этого Ричарда, как вести себя, если Ричард побьет Мунтвига, и как вести, если убьют один другого или ослабят друг друга так, что не смогут представлять угрозы...

— Ваше высочество!

Я отмахнулся.

— Да ладно, ваше величество, мы же политики, а в ней нет места чувствам дружбы или благодарности, а есть только интересы. Так что вы понимаете меня, я понимаю вас, а всему миру мы сообщая говорим о нравственности и моральном выборе, так им и надо, олухам... На какой день назначен суд?

Он ответил все еще несколько смущенный моей откровенностью:

— Ровно через три дня. Как раз подъедут недостающие...

— А если нет?

Он покачал головой.

— На самом деле съехавшихся в столицу лордов достаточно. Просто трое суток... это уступка приличиям. За это время многие точнее определятся со своим отношением к измене короне... Пусть никто потом не скажет, что суд состоялся в странной спешке и они не

успели разобраться в деле. Дорогой принц, вы проделали такой долгий путь, вам необходимо отдохнуть. Сейчас я распоряжусь, чтобы вам предоставили лучшие покои...

Глава 7

Старший управитель, невероятно толстый, но живчик, чем-то похожий на Бальзака из Савуази, вел меня через залы, а потом по узким проходам к моим покоям, редкие придворные, допущенные так высоко, почтительно кланяются, я отвечал легким наклоном головы.

Когда по воздушному мостику перешли во второй корпус, навстречу попались три роскошные женщины, свет отражается от блестящих светильников, я не сразу узнал королеву с ее фрейлинами.

Она остановилась, явный знак, что желает что-то сказать, я сделал два шага и почтительно поклонился.

— Ваше величество...

— Ваше высочество, — ответила она таким нежно контролируемым голосом, что у меня невольно возник образ стального кулака в бархатной перчатке, — надеюсь, вам у нас понравится...

— Уже нравится, — заявил я.

Фрейлины, подчиняясь некому знаку королевы, который я не уловил, проследовали дальше, прихватив с собой управителя, и остановились на дальнем конце коридора, откуда видно, будем ли мы с королевой хватать друг друга за интимные места и вообще вести себя безобразно, зато разговор наш не услышат.

Сабриния горестно вздохнула, взглянула на меня испытующе, словно еще не решив, делиться со

мной их королевскими тайнами или вежливо послать к черту.

— Ваше величество, — повторил я вопросительным тоном.

— Ваша светлость, — произнесла она чересчур спокойно, — вы — государь...

Я воскликнул патетически:

— Ну что вы такое говорите!

— Государь, — повторила она и чуть улыбнулась, показывая, что ценит мою скромность, но в серьезном разговоре она неуместна. — Потому вы можете отделить чувства простых людей... а мы все, когда дело касается наших близких, становимся простыми и... уязвимыми.

— Гм, — сказал я, — ну, в некотором аксепте...

— Однако, — договорила она тем же доверительным голосом, — вы можете смотреть со стороны. И что вы видите?

— Да, — поинтересовался я, — что я вижу?

— Вы видите добрейшего короля, — сказала она печальным голосом, — во время правления которого лорды совсем распустились и своевольничают в своих землях. С другой стороны — принц Клавель. Лорды его уже побаиваются, он умен, прозорлив и в достаточной мере жесток, чтобы силой укрепить власть. Я думаю, что и вы поступали так же...

— Понятно, — сказал я, подумал, что прерываю, это невежливо, ну да ладно, эти шероховатости заметны при церемониале, а мы с глазу на глаз, — понятно... вы хотите сказать, что принц Клавель был бы гораздо лучшим королем, чем наш добрейший Ричмонд?

Она вздохнула, поколебалась, видно по лицу, проговорила уже несколько осторожнее:

— Как вы понимаете, теперь это в прошлом. Изменить ничего нельзя. Хотя да, из-за доброты Ричмонда

лорды не считаются с таким королем, а Клавель быстро нашел бы на них управу!.. Но, увы... Клавель чересчур искренен и нетерпелив...

— Чересчур искренен, — пробормотал я, — это вы верно сказали.

Она вздохнула еще тяжелее.

— Разве это недостаток?

— Увы, — ответил я, — искренний человек не уживется в неискреннем обществе.

Она метнула на меня быстрый взгляд и тут же опустила, я смотрел, как нервно поджимает губы, наконец произнесла с чувством:

— Мы очень благодарны вам, ваше высочество, что вы отправили принца к нам!.. Здесь он будет под охраной и уже ничего необдуманного не натворит...

Я поклонился, она быстро прошла мимо к ожидающим фрейлинам, а управитель заспешил ко мне.

А натворит обдуманное, прозвучало у меня в голове. Таки да, все-таки я сглупил, нужно было казнить сразу в тот же день, как бы в горячке боя. Нет человека — нет проблемы, теперь мое малодушие вылезает боком. Счистоплюйничал, не захотел руки марать, попытался спихнуть решение на короля, а по нему же видно, что мухи не обидит. Даже с Мунтвигом воевал не он, а бароны, во главе которых он ездил как символ королевства и возил свое знамя, но когда войско потерпело поражение, бароны тут же разошлись по домам, сочтя, что они свое дело сделали, честь не замарана, дрались храбро, уступили только численному превосходству, теперь каждый будет договариваться с победителями самостоятельно, король тут ни при чем, в своих родовых землях они хозяева и решают свои судьбы они сами.

Покои оказались великолепны, особенно по меркам северных королевств. Пусть без лишней мебели,

зато камин громадный, столетние дубы можно жечь целиком, а кровать так вообще рассчитана на великанов.

Я прошелся, осматриваясь, поблагодарил управителя, тот ушел, кланяясь, а вместо него появился слуга и спросил почтительно, принести ли мне вина.

— Хорошая мысль, — одобрил я, — но не сейчас. Скажи-ка другое... Где сейчас Глен Вудруф?

Он съезжился, ответил тихо и не глядя по сторонам:

— Ваше высочество... Вам лучше спросить у церемониймейстера.

— Но Глен во дворце?

— Ваше высочество, я не видел его с тех пор, как от вас привезли в оковах принца Клавеля.

Я отпустил его, он тут же поспешил убраться от меня как можно быстрее и дальше. Я походил некоторое время, осматривая мебель, а потом стены на предмет чего-то запрятанного, хитрых ходов или просверленных дырок для подглядывания, потом вернулся в главное здание и пошел искать церемониймейстера.

Тот в дальнем зале инструктирует музыкантов, когда выходить и что играть, я подошел, послушал вежливо.

Он обернулся, заулыбался почтительно и доброжелательно, для церемониймейстеров чем титул выше, тем человек интереснее.

— Ваше высочество?

Он ухитрился произнести это «ваше высочество» так, что я отчетливо услышал, как и музыканты, что обращается к эрцпринцу, а не просто принцу, что тоже его высочество, но не такое, а чуточку менее блестящее и сияющее.

— Какую музыку играют? — спросил я благодушным тоном.

Он отмахнулся.

— Какую могут, ваше высочество. Не до жиру, прежние разбежались. Вы что-то хотели?

— Да, — ответил я. — Не подскажите, где Глен Вудруф, личный секретарь Его Величества?

Он съехался совсем так, как тот слуга, опасливо посмотрел по сторонам, но украдкой, а ответил почти шепотом:

— Он... не во дворце.

— Уже знаю.

— Он сейчас в своем доме, — ответил он почти шепотом.

— В столице или в своих землях?

— В столице...

— Уже хорошо, — сказал я. — Адрес?

— У северных ворот, — сказал он, — трехэтажный дом с розовой крышей. Его видно издали, вы его с друзьями не спутаете.

Я переспросил:

— Точно с розовой?

Он ответил с заминкой:

— Да... с розовой.

Я кивнул, отступил на шаг.

— Полагаю, вас спрашивать не стоит, почему он в опале... а он в опале, это заметно. И еще видно, вы считаете это не весьма справедливым.

Он выпрямился, лицо каменное, ответил с достоинством:

— Я всего лишь верный слуга короля.

Я кивнул и пошел к выходу из дворца. Верный слуга короля, это хорошо сказал. В том смысле, что останется королю верен, даже если тот... гм... потерпит поражение.

На выходе из дворца меня назойливо спрашивали как придворные, так и слуги, не нужно ли мне помочь,

показать, рассказать, составить компанию, здесь много интересных мест...

— Знаю, — ответил я расслабленным голосом, — но сейчас просто изволю чуточку прогуляться по городу.

Один из придворных, не сдержавшись, воскликнул в недоумении:

— По городу? Что там интересного, если вы во дворце?

— Я военачальник, — напомнил я. — Меня всегда интересуют особенности укрепления больших городов.

Он спросил испуганно:

— Вы собираетесь осадить нашу столицу?

— Хочу свою защитить так же хорошо, — ответил я любезно, — как защищена ваша.

— Ох, ваше высочество! Вы нам так льстите, это так любезно и благородно с вашей стороны...

Я не дослушал, явно же стараются меня задержать, если не получается навязаться в спутники, вышел во двор под ночное небо, все вокруг залито оранжевым огнем светильников и факелов, но вдоль длинной дорожки в направлении ворот светильники расположены редко и горят слабо.

Я взглянул на звездное небо, тучи только на восточной стороне, луна почти не просвечивает, зато звезды яркие, холодные и колючие, словно кристаллы льда.

Ко мне поспешили навстречу стражники и охранники двора, рослые и одетые с пышностью вельмож.

— Ваше высочество?

— Нет-нет, — сказал я, — коня не нужно. Чуть прогуляюсь, подышу воздухом города и скоро вернусь.

— Но, ваше высочество!

— Свиты тоже не нужно, — сказал я многозначительно. — Никакой, разве не понятно? Вдруг там, куда иду, свидетели не нужны?

Они отстали, на лицах одних разочарование, на других откровенная зависть и уважуха: ух ты, ну и орел, только прибыл, а местные бабы уже есть... Наверное, к замужней идет, потому и такая таинственность. К замужним интереснее, краденый мед всегда слаще.

Глава 8

Город еще не спит, но на улицах почти пусто, если не считать запоздалых гуляк да распахнутых настежь дверей кабаков, откуда время от времени либо кого-то вышвыривают с размаху, либо вываливаются сами, оглашая окрестности веселыми воплями.

Я шел и прислушивался, ученый, да и опыт поколений, несколько раз свернул, прислушиваясь к шорохам за спиной. За одним из углов мелькнула темная ниша, я двинулся в нее, замер.

Через минуту мимо прошел на цыпочках человек в темном плаще и с капюшоном, надвинутым на лицо. Я не двигался и старался не дышать, а он остановился и водил головой во все стороны.

Я вошел в состояние незримника, ненавижу это тошнотворное чувство перехода, пусть и очень короткое, продолжал смотреть на него во все глаза.

Плащ да, закрывает до колен и даже чуть ниже, однако плащ не прикрыл до конца добротного края сапоги. Что-то на простого грабителя не весьма как-то в общем.

Он повернулся в мою сторону, я видел, как рука чуть приподняла край капюшона, начал всматриваться пристально в темноту. Я ощутил недоброе, мое исчезновение не такое уж и прочное, этот гад что-то видит, хотя пока и нечетко.

Я сделал быстрый шаг навстречу, кулак врезал ему в нос с такой силой, что хрустнули не только хрящи, но и кости.

Он рухнул на спину, я тут же оказался сверху и стиснул одной рукой горло, не давая позвать на помощь, а другой придержал руку, выхватившую нож.

— Шелохнешься, — прошипел я, — сломаю горло. Руки вытяни в стороны и не шевелись. Кто ты и почему шел за мной?

Лицо его, залитое кровью, выражает дикий ужас, по-моему, даже переигрывает, хотя сломанный нос в самом деле дает столько крови, что кажется, вот-вот истечет весь и останется пустой шкуркой.

— Я, — прошептал он, — я... послан охранять... вас...

— Кем? — потребовал я.

Он замялся.

— Это... тайна...

— Не скажешь, — сказал я тихо, — удавлю.

— Меня убьют, — ответил он.

— Может быть, — сказал я, — а может, и нет. Но я — точно. И сейчас.

Он проговорил дрожащим голосом:

— Ее величеством...

— Зачем?

— Охранять, — повторил он, — здесь бывает опасно.

— Ну да, — сказал я, — ну да. А зачем ей охранять?

— Вы же гость, — ответил он, — вас охранять нужно как важного и даже очень важного гостя...

Он говорил монотонно и постепенно повышая голос, чтобы я смотрел ему в лицо, а рука его с ножом неожиданно, как он полагал, метнулась к моему боку.

Я охнул, ощутив толчок, там скрежетнуло металлом.

— Дурак, — сказал я.

Он почти не сопротивлялся, ошеломленный тем, что его кинжал не сумел пробить мою рубашку, вдруг оказавшуюся стальной броней. Я забрал его оружие, тонкий стилет с очень острым лезвием, осмотрел и приставил к его же горлу.

— Что еще велела королева?

— Только проследить...

— Врешь.

Он рванулся, но лезвие стилета вошло в плоть легко, словно в мелкозернистый песок. Он захрипел, я поспешно отодвинулся, чтобы не попасть под фонтанчик темной крови, но все же обшарил карманы и потайные места, обнаружив с полдюжины амулетов и еще два ножа.

Ножи я оставил, амулеты забрал и торопливо поднялся, слыша приближающиеся из-за угла веселые голоса и шаги. Стальная кожа снова стала рубашкой, беспечно изгибается при каждом моем движении, первая удачная находка за последнее время, хотя и эта, как и многие из них, запоздалая, я уже не уличный борец, а принц, а вот принцевское что-то не попадает.

Еще чуть попетляв, запутывая следы и присматриваясь, нет ли погони или слежки посерьезнее, я вышел в указанный район, где издали увидел высокий дом с розовой крышей.

Выглядит он мило, но это явно не жилище самого Глена Вудруфа. С его характером и запросами было бы что-то более строгое, чопорное и бесцветное.

Я постучал в калитку, массивную, из толстых досок, кольцо на широкой медной пластинке с замысловатыми украшениями. По ту сторону послышались шаги, крохотное окошко распахнулось. Я увидел один глаз и темные мешки под ним, а глухой голос прорычал недовольно:

— Кто?

— А не видно? — спросил я. — Принц Ричард изволит торчать здесь. Таких людёв надо узнавать.

Из-за двери донеслось поспешное:

— Да я узнал, но подумал, померещилось.

— Открывай, — велел я тем голосом, что отсекает любые возражения.

Дверь приоткрылась раньше, чем привратник сообщил, что сделал то, чего делать ему не велено, но уж больно голос у меня командирский, вообще-то я молодец, кое-что умею и без магии... хотя, возможно, в моем голосе она теперь тоже иногда проявляется.

Я толкнул створку по-хозяйски, привратник отпрыгнул в сторону, мелкий и заросший бородой до пояса, хотя и не старый с виду.

Он торопливо поклонился.

— Ваше высочество, но я не...

— Чей это дом? — прервал я властно.

— Леди Альвареллы, — ответил он послушно и потерянно.

— Глен Вудруф там?

Он вздрогнул и ответил запинаясь:

— Ну... если вы все знаете...

— Знаю достаточно, — сообщил я.

— Доложить, ваше высочество?

— Не стоит, — ответил я великодушно. — Я не церемонный. Веди, я в спину не вдарю.

Мы поднялись по ступенькам, он забежал вперед и распахнул дверь. В холле навстречу быстрыми шагами вышла молодая женщина, очень хозяйственная с виду. Что-то в некоторых есть вот эдакое, из-за чего их отличают от остальных и охотнее берут в жены. Глаза расширены до предела, что вообще-то ей очень идет, а возможно, нарочито их тарашит, некоторые женщины этому перед зеркалом обучаются подолгу.

Я поклонился, она вскрикнула испуганно:

— Кто вы, сэр?

— Ричард, — ответил я, — можно просто Ричард.

— Но, — проговорила она, трепеща всем телом, — что случилось?

— Просто зашел провести старого друга, — сказал я успокаивающе. — Мы с ним немало покуролесили... Он не рассказывал, как однажды мы гирганиек насиловали?... ой, что это я, я хотел сказать, вместе на облака любовались... Где он у вас... гм, трудится?

— На втором этаже, — ответила она еще испуганнее, — в последней комнате.

— Можете не провожать, — разрешил я милостиво.

Второй этаж чист, все расставлено на местах настолько правильно, что сразу чувствуется женская рука, которой не мешали возвышенные мужские указания, как сделать жизнь лучше.

Я толкнул дверь, не заперто, человек за письменным столом испуганно вскинулся, охнул, вскочил, глаза расширились тоже настолько широко, что я заподозрил, не родственники ли они с леди Альвареллой и не упражняются ли перед зеркалом вместе.

— Ваше высочество, — прошептал он и быстро посмотрел по сторонам, — что случилось?

Я покачал головой, взял стул и сел по-кавалерийски, опираясь локтями и грудью на спинку.

— Это я у вас спрашиваю, Глен. Раньше вы были всегда при короле, он называл вас правой рукой и говорил, что вы знаете все... А сейчас вдруг исчезли.

Он пробормотал:

— Это не моя вина.

— А чья?

— Меня начали загружать работой, — ответил он быстро, — которая... за пределами дворца! Сказать по правде, я сам хотел бы с вами встретиться.

— Вот встретились, — ответил я. — Говорите.

Он на цыпочках подбежал к двери, прислушался к шагам в коридоре, так же бесшумно вернулся.

— Ваше высочество, — произнес он, — все дело в том... готовы ли вы помогать королю и дальше.

Я изумился:

— А что дает право предполагать иное?.. Кстати, можете сесть.

Он нервно поклонился.

— Спасибо, вы очень добры. Как вы, вероятно, уже знаете, в королевстве всегда было не все гладко.

— А что, — спросил я с интересом, — дает вам предполагать, что я такое знаю? Дела вашего королевства вне поля моих интересов.

Он покачал головой.

— Правда? Я полагал, что вы все замечаете. У вас иногда бывает вид такого умного человека... В общем, кое-кто в королевстве полагает, что король хорош, но в трудные годы войны больше подошел бы его сын Клавель. Он уже опытный военачальник, сам участвует в боях, жесток, умеет подчинять людей и заставлять выполнять его приказы.

Я перебил:

— Кое-кто — это насколько много?

— Ну, — ответил он стесненно, — это в самом деле очень немного, горстка, но среди них есть и очень важная фигура, которую не обойти...

— Кто же это?

Он снова огляделся по сторонам и ответил так тихо, что я едва-едва расслышал:

— Королева...

Я помолчал, как-то я о королеве старался не думать, хотя слишком много косвенных намеков указывает на ее странную заинтересованность.

— Настолько серьезно?

— Да, — ответил он шепотом.

— А как считаете вы? — спросил я.

— Не все так просто, — ответил он с тоской.

— А что не так?

Он вздохнул, посмотрел на меня снизу вверх с долей недоверия во взгляде.

— Вы можете сказать, ваше высочество, что я передаю сплетни... во многом будете правы, однако в них слишком много такого, чего не опровергнуть...

— Например?

Он отвел взгляд в сторону.

— Мне очень неприятно такое говорить, поверьте, но слишком многие поговаривают, что курпиринц Клавель не родной сын его величества. Более того, лица, близкие к окружению ее величества королевы, проговорились, что ее в свое время активно посещал граф Джонатан Сандерс. Да, был такой... хотя он есть и сейчас, но, когда их связь грозила выйти наружу, королева настояла, чтобы он удалился из дворца в свое поместье.

— Гм, — проговорил я, — то-то и мне кажется, сыновья короля должны быть покрупнее. Правда, второго я не видел, но этот Клавель... мелковат.

Он воскликнул обрадованно:

— И вы заметили?.. Как хорошо, ваше высочество, а то я ненавижу передавать сплетни.

— А второй сын? — спросил я.

Он вздохнул, лицо омрачилось.

— Вылитый король Ричмонд в молодости. Как по внешности, так и... поведением. Пьет, гуляет, со всеми придворными дамами переспал, даже со служанками. Науку управления королевством изучать не желает, играет на лютне и собирает у себя музыкантов.

— Понятно, — сказал я задумчиво. — Лиутгарда, сестра Клавеля, совсем на него не похожа, а вот на отца... гм... и что из этого вытекает, на ваш взгляд?

Он развел руками.

— Если к власти придет Клавель, меня не просто отстранят, а, скорее всего, просто удавят. Клавель церемониться не любит, он всегда предпочитает простые решения. Он всех людей короля уберет и поставит своих.

Я покачал головой.

— Глен, вы какую-то чушь порете, уж извините!.. Клавель к власти если и придет, то через много-много лет, ибо король Ричмонд еще бодр, здоров и проживет долго. Да и как он придет, будучи замаранным предательством?

— Королева, — ответил он с тяжелым вздохом.

— Что с нею?

Он потупился.

— Как вы понимаете, она очень заинтересована, чтобы Клавель унаследовал трон как можно быстрее. Еще, по слухам, граф Сандерс начинает проявлять нетерпение. У него что-то там в имении не заладилось. К тому же армия Мунтвига все сожгла и разорила... в общем, он желает вернуться ко двору.

— Настойчиво?

— Да. Королева, как поговаривают, начинает нервничать.

— А на самом деле?

Он взглянул на меня в упор.

— Я такие вещи замечаю первым.

— Понятно, — обронил я. — Здесь этот граф Сандерс будет в чести... А что, королева в самом деле так уж мощно влияет на короля? Мне она не показалась сильной личностью.

Он вздохнул, покачал головой.

— Дело в том, что король слабее. А она всегда добивалась, чтобы Клавелю все доставалось лучшее. Насчет предательства, как бы вам это сказать... уже сейчас при дворе многозначительно поговаривают, что сотрудничество с Мунтвигом было мудрым ходом принца... заметьте, мудрым!.. Дескать, он сохранил армию, владения, не допустил разорения...

— А подразумевается, — сказал я, — что король Ричмонд поступил глупо, выйдя с войском защищать свое королевство?.. Ну да, побежденные всегда не правы.

Он посмотрел на меня с надеждой.

— Что делать, ваше высочество?

Я подумал, в затруднении пожал плечами.

— Глен, меньше всего на свете я силен в придворных интригах... и вообще придворных делах. Моя стихия — войны!.. А еще всякие новшества в масштабах королевств.

— Но вы подумайте, — сказал он торопливо. — У вас необычный ум, вам удастся даже то, за что другие раньше не брались.

— Сомневаюсь, — буркнул я. — Но попытаться обещаю. Мне совсем не нужен в моем тылу внезапно возникший соратник Мунтвига... Ладно, пока прощайте, Глен. Берегите себя.

Я был уже у двери, когда за спиной раздался его вкрадчивый голос:

— Может быть... вам стоило бы...

Я обернулся, он стоит посреди комнаты и нерешительно разводит руками.

— Что? — спросил я почти сердито.

Он произнес беспомощно:

— Я даже не знаю, зачем вам это говорю, но я сейчас вспоминаю все ниточки... пусть они и вроде бы никуда не ведут...

— О ком вы?

— Линнетта Спрагинс, — выговорил он. — Правда, она живет далеко, в замке своего отца, лорда Руперта Спрагинса, это в двух сутках отсюда.

— И что она? — спросил я.

— Королева удалила ее от двора, — сообщил он, — приревновав к королю.

Я присвистнул.

— Правда? Вот уж не подумал бы, глядя на короля.

— Правда-правда, — заверил он. — Хотя, по слухам, между нею и королем ничего не было.

— Тогда почему?

— Королева, — ответил он тихо, — всегда слыла расчетливой и предусмотрительной. Вам это стоит учитывать тоже.

Я подумал, кивнул.

— Хорошо. Обдумаю, что вы рассказали, а вы пока... пакуйте чемоданы.

— Ваше высочество?

— Сундуки, — поправил себя я. — Суд уже заседает, обещают завтра-послезавтра вынести окончательный вердикт. Это значит, вам непременно нужно быть там.

Он отшатнулся.

— Может, наоборот? Собрать сундуки да вообще куда-нибудь в соседнее королевство? А желательно вообще в дальнее?

— Нет, — возразил я. — Зло разрастается, если ему не давать отпор. Мы должны как-то остановить... эти метастазы.

— Как?

— Как-то, — ответил я сердито. — Вы тоже думайте. Но чтоб завтра были во дворце! А сейчас адреса и явки!.. И быстро.

Глава 9

Вернулся я неспешной и расслабленной походкой, все в порядке, однако парочка слуг незаметно отделились от других и как бы растворились в полутемном холле. Явно ринулись кому-то докладывать, а мне даже не нужно гадать, кому именно.

Выделенные мне покои я осмотрел только на предмет потайных окошек, откуда за мной могут подсматривать, да и то с ленцой, ничего особенного не увидят, а все остальное пустое, здесь на меня никто покушаться не станет, всяк понимает, что в отместку моя армия снесет не только дворец или даже столицу, но и все королевство.

Слуга с отметкой старшего по этажу тихохонько вошел, склонился в поклоне.

— Ваше высочество... приказывайте.

— Чего?

— Что изволите, — ответил он с готовностью. — Женщин, вина... вообще, что изволите!

— Хорошо, — сказал я. — Разбудите утром. А все остальное... не требуется.

Он молча отступил и закрыл за собой дверь, но я успел увидеть на его лице сильнейшее разочарование, что и понятно, ничего не перепадет за успешно выполненное задание.

Утром я вынырнул из сна, все еще ломая голову над вариантами, как остановить Клавеля. Все-таки Высший Королевский Суд в отличие от суда простого может руководствоваться не интересами справедливости,

это приоритетно для простых людей, а интересами государства, что иногда со справедливостью не имеет ничего общего.

Королева, используя все свое влияние и красноречие, может убедить суд не предавать ее сына казни, он же, дескать, руководствовался идеей спасения королевства и спас от разорения всю восточную часть страны...

Но что тогда, будет ли ее сын лишен всех прав и брошен в тюрьму или же сослан в дальнее поместье без права покидать его? Возможен ли вариант, что сына вообще оправдают?

Я помотал головой, нет, измена короне есть измена, оправдание немыслимо, лорды запятнают свою честь, если хоть кто-то в суде предложит такое... однако и брошенный в тюрьму принц все равно останется опасен. Даже опаснее, чем раньше.

За завтраком Ричмонд жадно расспрашивал о Лиутгарде, мятежной принцессе, что решила не дожидаться приезда жениха, а сама поехала навстречу. Королева заметила с некоторым ехидством, что побуждения бедной девочки понятны, молодые мужчины обходят ее стороной, потому она поспешила к жениху, пока он не передумал...

— Ваше величество, — обратился я к Ричмонду, — с принцессой все в полном порядке! Она выехала к жениху, как вам и передала из нашего лагеря, но сейчас такая тревожная обстановка, что все сдвинулось с мест и перемешалось. Где сейчас граф Сноррик Твердошлем, никто не знает, потому принцесса остается в моем войске, окруженная вниманием, почтением и даже восторгом наших рыцарей.

Королева ревниво поджала губы.

— Даже восторгом?

— Вы не представляете, — ответил я искренне и уловил, что оба отметили мою абсолютную правдивость, — как ею восхищаются! Если бы не данное ею слово графу, то, уверяю вас, легко бы нашла себе мужа среди моих герцогов и даже принцев. Да-да, принц Сандорин, наследник короля Буркхарта из королевства Вендовер, от нее не отходит и старается услужить на каждом шагу!

Дверь распахнулась, слуги с поклонами впустили крупного молодого парня, почти великана, одет в дорогой камзол, но ухарски расстегнут на груди, под глазом кровоподтек, штаны с золотом, однако сильно потерты и подпачканы не то дегтем, не то углем.

Король сказал со вздохом:

— Наш младшенький... Грегори, это эрпринц Ричард.

Грегори сказал с веселой иронией:

— Тот самый, под поступью которого дрожит земля?.. По крайней мере наше королевство уже трясет.

Он опустил в придвинутое ему слугами кресло, локти опустил на столешницу, а мясо взял без всяких церемоний. Ел он с аппетитом, крупное молодое лицо с нежной кожей порозовело от удовольствия, а громадные челюсти дробят тонкие птичьи косточки, как лесной пожар ломает сухой тростник.

Я не рассматривал его в упор, но все время держал в виду, слушал его реплики, анализировал движения, нигде ни малейшего притворства, абсолютная искренность хорошего по натуре, но разбалованного королевского отпрыска, которому все позволялось и от которого ничего не требовалось.

И теперь заметно, что о науке управления королевством он знает не больше, чем о хороших манерах. Но время упущено, теперь ни за что не станет забивать го-

лову этой чепухой, когда вокруг столько доступных женщин, когда на охоту можно хоть каждый день, слуги исполняют любую прихоть, а музыканты играют по его приказу в любое время дня и ночи...

Я бросил взгляд искоса на Сабринию и поразился смеси нежности и презрения на ее лице. Но глаза оставались холодными, а взгляд расчетливым, я подумал с холодком, что королева могла все продумать уже давно, когда к старшему сыну приставила лучших учителей, те обучали его всему, что должен знать король, а младшему позволялось просто играть и развлекаться, тем самым убирая его как возможного соперника на пути к трону.

Грегори спросил живо:

— Принц, вы останетесь ожидать решение суда?

— Непременно, — ответил я и увидел, как нахмурилась королева. — У нас сейчас затишье... по крайней мере, на том участке фронта, где я со своей армией. А что на других, какие там бои, узнаю с большим опозданием.

— Как думаете, — спросил Грегори, — какое решение вынесет суд?

— Не представляю, — ответил я, поглядывая на королеву, — но, надеюсь, оно будет справедливым.

Он хмыкнул.

— То есть четвертование? Говорил же я ему, что за чем эти дурацкие войны, когда у нас лучшее вино в королевстве, лучшие женщины... а какая охота в здешних лесах! Я сам видел оленя с золотыми рогами!

Королева сказала предостерегающе:

— Грегори, прекрати. Это принц Ричард, он ничем таким не увлекается.

Ага, подумал я, вот кто подсылал ко мне баб в постель.

Я улыбнулся Грегори.

— Я увлекаюсь и женщинами, и вином, и даже охотой. Но только после политики, военного дела, экономики, строительства флота... и еще некоторых очень важных дел.

Он хохотнул.

— Немного же для них остается!

Ричмонд кашлянул и сказал мягко:

— Сэр Ричард, как ведут себя наши лорды, что пошли с вашим войском?

— Прекрасно, — заверил я, не моргнув и глазом. — Все рвутся в бой! Потерь пока нет, только барон Эрнест Джесберг сломал себе палец...

— Когда ковырялся в носу? — спросил Грегори и захохотал так, что изо рта вывалился наполовину прожеванный кусок мяса. — Он... только... это и умеет!

Король страдальчески морщился, королева смотрела снисходительно, дескать, мой милый мальчик, я его люблю и такого.

Я осушил чашу с вином, что скорее простой виноградный сок, и поднялся.

— С вашего позволения, я немного разомнусь после завтрака.

Королева сказала быстро:

— Я уже распорядилась, чтобы у вас была достойная свита!

— Незачем, — ответил я.

Она сказала настойчиво:

— Вы обидите наших лордов. Они так хотят воспользоваться возможностью сопровождать вас везде и оказывать вам услуги, пока с вами нет своих близких людей!

Я поклонился.

— Если ваше величество настаивает... то я не против, но только если они не отстанут.

Она ответила настороженно:

— Они постараются.

Я чуть поклонился и вышел. В коридоре слуги не сдвинулись, но стражи заметно подтянули животы и напрягли плечи. Нутром чувствуют, что я еще та военная косточка, одного с ними теста, только выше титулом.

В залах придворные в замешательстве кланяются, еще не знают, как со мной обращаться. С одной стороны — грозная слава противника самого Мунтвига, с другой — я какой-то странный военачальник, даже без свиты, что недопустимо. К тому же каждый чувствует, что у нас наверняка назревает столкновение со всемогущей королевой, здесь всяк знает, как она поддерживает старшего сына...

Во дворе я прямо с крыльца велел подать мне Зайчика. Сенешаль, что чуть ли не наступают мне на пятки, спросил настороженно:

— Какую вам выделить свиту, ваше высочество?.. Я имею в виду, сколько человек?

— Спасибо, — ответил я любезно, — просто прогуляюсь по окрестностям вокруг вашей славной столицы. Здесь такие живописные места, не находите?

Он сказал упрямо:

— Но для вашего высочества свита необходима...

— Вы разве церемониймейстер? — спросил я с интересом. — Или метите на его место, ха-ха?.. Не трудитесь, я прокачусь немного и сразу обратно.

Из соседнего здания торопливо выбежали придворные в ярких одеждах. Им вывели коней, все спешно поднимались в седла.

Сенешаль просиял с головы до пят, даже сапоги посветлели.

— А, вот и свита!.. Ее величество распорядилась?

— Точно, — подтвердил я.

— Она у нас заботливая, — сказал он гордо, — и всем руководит.

— А король? — спросил я.

Он ответил с заминкой:

— Король... король царствует.

— Король царствует, — повторил я задумчиво, — королева управляет... гм, интересная система.

Через город мы проехали шагом. Свита двигается за мной, как стадо гусей за гусаком, никто не приближается, чтобы заговорить. То ли таков приказ, то ли сами сдерживаются, чтобы не нарушать ход моих государственных мыслей.

Так выехали за городские ворота, свита из длинной колонны перестроилась в широкий полукруг. Я усмехнулся, послал Зайчика в сторону болота, которое заметил вчера, когда подъезжал к городу.

Всадники держатся позади на приличном расстоянии, затем начали отставать, видно, кто-то сказал, что не надо так уж наступать на задние копыта моего коня, и так хорошо видно, куда я отправился на прогулку, с кем встречался, а там можно расспросить, о чем мы говорили.

— А теперь через болото, — велел я.

Бобик радостно подпрыгнул, хотя болота не слишком любит, зато есть возможность показать, как промчится вихрем, не замочив или почти не замочив лапы.

Арбогастр набрал скорость чуть ли не с места, под копытами зашелестел, сливаясь в шорох, плеск темной воды, что тут же сойдется за нашими спинами.

Огромные толстые жабы, сидящие на мясистых листьях кувшинок с чуточку приподнятыми краями, даже не успевали испугаться, как мы появлялись с одной стороны и пропадали на другой, лишь чуть всколыхнув темную тухлую воду.

На берег Бобик и арбогастр выметнулись почти одновременно, и оба с мокрыми кончиками ног, словно пробежались по мелкой луже.

Как только обширное болото осталось позади, а потом еще нас отделил и темный лес, я сказал негромко:

— А теперь другое направление.

Глава 10

За лесом еще одна роща, мы промчались насквозь, благо редкая, а на той стороне перекресток дорог с просторным постоянным двором.

Я хотел было послать арбогастра мимо, но увидел во дворе множество лошадей у коновязи и с полдюжины подвод. Бобик тоже все заметил и посмотрел на меня с вопросом в честных глазах.

— Заедем, — согласился я. — На постоянных дворах не всегда самая свежая еда, зато новости обычно свежайшие.

Едва мы появились во дворе, на меня начали коситься, но, к счастью, признали только как рыцаря, у которого большой сильный конь и такая же собака, да и сам им под стать.

Никто не узрел во мне того самого Ричарда, что вторгся в Бриттию с юга в ответ на то, что Мунтвиг вторгся с севера, с чего бы тот Завоеватель оказался здесь.

Впрочем, в этом краю могут даже и не знать все подробности войны, кто воюет и с кем, северные проходят — грабят, южные проходят — грабят...

В обеденном жарко, из широкого окна кухни несет вкусными запахами, я услышал даже бульканье в поваренных котлах, на столах жареное мясо, зелень, сыр, кувшины с вином, народ веселый, словно Мунтвиг

прошел, как сильный дождь, и никогда больше такое не повторится.

Я опустился за длинный стол, где шумно пьют и громко разговаривают, судя по одежде, перегонщики скота. Бобик, чтобы никого не пугать, пробрался на полусогнутых по узкому проходу и устроился под нашим столом.

Перегонщики испуганно затихли и подобрали ноги, чтобы случайно не задеть это чудовище.

Я вскинул руку, женщина с пустым подносом в руках повернулась ко мне, я пошевелил пальцами, и она нехотя приблизилась.

— Слушаю, господин?

— Хороший бифштекс, — сказал я, — жареного гуся и большой кувшин вина. Но лучшего!

Она заулыбалась.

— Лучшее... стоит дорого.

— Держи в уплату, — сказал я и бросил на стол золотую монету.

Она ухватила жадно, но за столом все успели проводить ее путь цепкими взглядами. Мне показалось, что вообще все в харчевне заметили, что я бросил золото, вообще-то сглупил, распустился, забываю, что для этого уровня монета чересчур крупная.

Сосед от меня слева покосился с опаской.

— Ваша милость клад отыскала?

— Иногда отыскиваю, — ответил я, — иногда теряю.

— Такова жизнь, — согласился он с осторожностью. — Я тоже то отыскиваю, то теряю... только совсем не золото. Так хоть и скучнее, но безопаснее.

— Почему?

— Лучше не бояться, — ответил он, — лежа на соломе, чем постоянно вздрагивать на ложе из чистого золота.

Мой сосед справа сказал со вздохом:

— Две ошибки совершил Господь: создал женщин и золото... Ваша милость, вы не местный, видать? Даже не наших земель?

Сосед слева заметил мудро:

— Золотой дождь размывает все границы, а человеку с золотом в кармане все равно, как называется королевство.

Со стороны кухни показалась женщина с большим подносом в руках, поставила на стол краем, я цапнул оттуда кувшин, по весу полный, а она передвинула мне широкую тарелку с горячими бифштексами, еще шкворчат, сразу видно, прямо со сковородки, и отдельно поставила передо мной в глубокой миске жареного гуся.

Под взглядами ошалевших соседей по столу я взял гуся и швырнул под стол. На пол он упасть не успел, там звучно щелкнуло, словно сомкнулся капкан на взрослого дракона, захрустели перемалываемые кости.

Я же налил себе и заодно наполнил все пять пустых или полупустых кружек соседей по столу. Они сразу повеселели, ноздри задвигались, хорошее вино слышно и по аромату, но простые скотоводы если пробуют его хоть раз в жизни, и то хорошо.

— За ваше здоровье, ваша милость, — сказал сосед слева. — Меня зовут Джон Вудман, если что — только свистните.

— А я Джек, — сказал тот, что справа. — Джек Форрестер Младший. Только позовите!

Остальные трое тоже назвались и тут же припали к своим кружкам, закатывая глаза от восторга и громко чмокая.

Я принялся за бифштекс, в самом деле хорош, хоть на королевский стол подавай, а когда перехватил взгляды соседей, сказал философски:

— Как сказано в Библии или где-то еще, хлеб, который хранишь в своих закромах, принадлежит голодному, плащ, лежащий в твоём сундуке, принадлежит нагому, золото, что зарыл ты в земле, принадлежит бедняку. Непонятно, что это значит, но звучит красиво и мудро. Так выпьем же за мудрость, которая нам не грозит!

Они сдержанно рассмеялись, мы сдвинули кружки над столом, чуточку плеснув на столешницу, как дань древним богам.

Я осушил свою быстрее всех и снова принялся за бифштекс.

Джон спросил деликатно:

— Вы по делу в наших краях?

— Да, — ответил я, — подумываю осесть где-то. Тут есть поблизости имения, которые можно бы купить... за хорошую цену? С землей, конечно. Да побольше, побольше!

Они опять сдержанно посмеялись, Джон сказал осторожно:

— Это стоит дорого...

— Овца, носившая золотое руно, — ответил я, — не была богата. Зачем мне золото, если не могу превратить его в участок земли, чтоб отсюда и до горизонта?

Они начали переглядываться, наконец Джек сказал с сомнением:

— Тут никто не продает вроде...

— Разве что граф Сандерс, — сказал Джон.

Мое сердце встрепенулось, услышав знакомое имя вот так сразу, это же просто удача...

— Продает? — спросил я.

Он покачал головой.

— Нет, но его хозяйство совсем в упадке. Он ссылагается, что мунтвиговцы его разорили, но это неправда. Их армия прошла в десяти милях отсюда, тут побывали

только искатели фуража для коней, но ничего не нашли.

— У нас все попрятали, — вставил Джек.

— Да, — подтвердил Джон, — зерно укрыли в подвалах и замаскировали, а скот угнали в лес, так что граф тоже ничего не потерял. Но остальные все быстро восстановили, а он и не пытается.

— Почему? — спросил я с интересом.

Они переглянулись, я снова наполнил им кружки и жестом велел дальше наливать самим.

— Кто знает, — ответил Джон рассудительно. — Впечатление такое, словно чего-то ждет.

— Чего?

— Не знаю, — повторил он. — То ли богатое наследство, то ли клад выроет прямо у крыльца, то ли собирается все бросить и уехать в дальние страны... В общем, если и покупать, то у него. Хозяйство у него заброшенное, потому можно купить задешево. Ну а потом уже поднять самому, чтоб не хуже, чем у других.

Джек налил себе и с полной кружкой в руке добавил:

— Да, покупать у него самое время. По слухам, граф Сандерс живет на широкую ногу, много берет в долг...

— Да кто не берет, — сказал я, — а как насчет отдачи?

— Вот-вот, — продолжил он, — кто не берет? Но графу как раз отдавать нечем!

— Обещает скоро возвратить с большими процентами, — с ехидной улыбкой обронил Джон. — Но из чего, если хозяйство запущено?

— И еще он обмолвился как-то, — сказал Джек почти шепотом, — что такие мелочи его больше не интересуют... Уж не черной ли магией занялся?

Я доел, отодвинул тарелку.

— Спасибо. Пожалуй, я прямо сейчас и заеду к нему, переговорю. Какой дорогой, чтобы побыстрее?

Они начали показывать, но в разные стороны, оказывается, нужно объехать болотце, а потом дальше речка, но мост ниже по течению.

— Это здорово, — сказал я, — но вы мне лучше направление укажите. Зачем нам какие-то еще и дороги?.. Кстати, кувшин ваш, можете еще один заказать, я заплатил вперед... Бобик, не спишь?

Бобик вылез сытый и толстый, зевнул, в самом деле успел вздремнуть пару минут после сытного перекуса, потянулся под испуганно-восторженными взглядами обедающих, что впервые видят такого огромного пса, и пошел за мной важно и степенно.

Мы проехали две деревеньки, обе мелкие, жалкие, со старыми покосившимися домами и сараями, и дальше на холме показался большой и неопрятный каменный дом.

Мне показалось, ему лет двести, и за все это время его ни разу не ремонтировали, а он оседал, расплывался, погружался в землю и терял остатки облицовки, если она и была.

— Бобик, — сказал я строго, — от Зайчика ни шагу. Мы тут не задержимся, а ты и так недавно нажрался, птичка моя упитанная...

У ворот каменного дома меня встретили такие же покосившиеся стражники, если их так можно назвать, потому что они, скорее всего, и конюхи, и прочие работники, а также и слуги.

Оба вытаращили глаза. На Бобика с опаской, на Зайчика с изумлением, на меня с непониманием.

— Ваша милость, — сказал один туповато, — вы к нам?

— Да, — ответил я, — по дороге заехал. В какую сторону Квинтелард?

Он повернулся и начал показывать, но второй вышел из ступора и начал поправлять, показывая чуть ли в другую сторону.

На голоса вышел невысокий сухошавый человек, я сразу увидел по нему, каким будет постаревшим лет на тридцать принц Клавель: худое жесткое лицо, прищуренный злой взгляд, мускулистое тело, сбитый крепко настолько, что напоминает слиток металла, который бросают на наковальню и долго бьют молотами, в результате чего он уменьшается в объеме, но обретает добавочную крепость.

Он и выглядит таким слитком прокованного металла, загорелый, с быстрыми глазами, нервным худощавым лицом, без капли жира, ни следа рыхлости, так присущей Ричмонду и Сабринии.

— Дорогу на Квинтелард? — переспросил он. — Прямой нет, но если придерживаться вон той, а от постоянного двора перейти по левой развилке... Простите, сэр, до нашего медвежьего угла новости доходят крайне медленно, однако вы... как мне кажется...

Я с достоинством наклонил голову.

— Я принц Ричард, если вы это имеете в виду.

Оба стража лишь смотрели тупо, ни о каком принце Ричарде слышать не слыхали, но хозяин сразу оживился, сказал приподнятым тоном:

— Меня зовут Джонатан Сандерс, я хозяин этого поместья. Не хотите ли заглянуть на минутку? Я напою вашего коня, а для такого великолепного боевого пса найдется кус мяса. А ваше высочество сочту за честь угостить вином...

Я подумал, затем решительно махнул рукой.

— Хорошо, но только на минутку. Коню в самом деле напиться стоит, он столько промчался без отдыха!

Он заулыбался, распахнул передо мной дверь, а слугам кивнул на коня и в сторону пса.

Дом внутри показался таким же запущенным, темным, пахнет пылью, в углах то ли мусор, то ли такая мощная паутина. Мы прошли две комнаты, заполненные каким-то хламом и явно не жилые. Третья выглядела в сравнении с ними просто раем, хотя, конечно, ничего особенного. Просто в ней хотя бы ничего не сломано, хотя стол покачивается, то ли пол там просел, то ли ножка сколоченожилась.

Слуга быстро принес кувшин с вином и две глиняные чаши, даже не медные или оловянные, вино тоже худшее из того, что доводилось пробовать.

Я смотрел в нервное лицо хозяина, на подергивающуюся щеку, в такой дыре жить можно только если нужно перетерпеть какое-то время. Но не всю жизнь.

Мы отпили по глотку, он спросил с недоверием:

— Так вы в самом деле тот самый Ричард Завоеватель?

Я ответил скромно:

— Надеюсь, второго с таким именем нет. А если появится, я ему отрежу уши.

— Зачем?

— Чтобы нас различали, — объяснил я любезно.

Он хохотнул, но тут же стал серьезным и спросил быстро:

— Я слышал, старший сын короля поднял мятеж?

— Более того, — ответил я, — он принял от Мунтви-га корону курпринца и присягнул ему на верность.

Сандерс задумался, взглянул на меня испытующе.

— Ого... это многое меняет.

— Ничуть, — заверил я. — К счастью, одна из моих армий находилась неподалеку. Я умею их располагать, иначе бы оставался простым бароном, как вы понимаете.

Он спросил с тревогой:

— И что произошло?

— Мятежники разбиты, — пояснил я. — Вдребезги. Все главари казнены...

Он вскрикнул:

— Как?.. И принц Клавель?

Я взглянул на него с ленивым интересом, так это должно выглядеть.

— А почему вас это волнует?

Он пробормотал напряженно:

— Ну, это же наследник... короны....

— Гм, — ответил я, — в первую очередь он мятежник и заслужил смертную казнь. Однако его сестра Лиутгарда упростила меня послать его в оковах в Квинтелард, чтобы судили местные.

Он спросил с тем же зажатым дыханием:

— И вы... отправили?

Я пожал плечами.

— Мы в хороших отношениях с королем, королевой и принцессой, что сейчас доблестно воюет в моем войске, так что да, отправил. Сейчас он во дворце под домашним арестом, ждет суда.

Он медленно распустил напряженные мышцы, с лица сошла злая гримаса.

— Да, это будет справедливее. Пусть судят свои... Я имею в виду бриттский суд, а не военные из победившей армии.

— Сомневаюсь, — обронил я, — что принцу будет снисхождение. Местные лорды весьма разгневаны его союзом с Мунтвигом, пообещавшим ему корону Бриттии.

Он встрепнулся.

— Мунтвиг ему такое пообещал?

— С таким же успехом, — сказал я мирно, — Мунтвиг мог бы пообещать ему и луну с неба.

Он спросил с недоверием:

— Полагаете, обманет?

— Полагаю, — пояснил я. — Мунтвиг не учел, что его судьба будет гораздо хуже, чем у Карла. Или вы решили, что Мунтвиг уже властелин мира?

Он замолчал, но по его виду заметно, что да, Мунтвиг почти властелин мира, по крайней мере, ему этого очень хочется.

Я допил вино, с подчеркнутым сожалением опустил чашу на стол и отодвинул.

— Хорошее вино!.. Жаль, надо ехать. К вечеру хочу попасть в Квинтелард.

Он заметил осторожно:

— У вас быстрый конь.

— Быстрый, — согласился я и добавил с многозначительной улыбкой: — Как и я сам.

Он вышел меня проводить во двор, и пока я поднимался в седло, у меня было ощущение между лопатками, что он выбирает место, куда всадить стрелу.

Глава 11

Бобик все поглядывал с недоумением, почему не еду в Квинтелард, я же сказал именно так, он своими ушами слышал, вот и копытное подтвердит, но я упорно направлял арбогастра в нужную мне сторону, пока вдаль не появился и не начал быстро вырастать красочный замок с зеленой крышей, такой же зеленой, как и бесконечный ковер травы во все стороны, ограниченный, правда, дальним лесом, темнеющим вечерним небом с розовыми облаками.

Все поняв, Бобик подпрыгнул и понесся огромными скачками. Арбогастр надал, но я придерживал, все

равно никто не откроет Адскому Псу ворота, пусть там весь испрыгается.

Это, собственно, не замок, просто огромный уютный дом, в котором, конечно, можно отсидеться какое-то время и даже обороняться, но не замок, у меня при слове «замок» картинка перед глазами совсем другая.

Коня я оставил слуге, Бобику велел идти рядом, к хозяйке нас провели не сразу, долго и настороженно выпытывали, кто и зачем.

Мы с Бобиком ждали в большой чистой комнате, пахнет лесом и цветами, они в самом деле тремя роскошными букетами стоят в вазах на столе и на двух изящных столиках.

Бобик посмотрел кисло и поморщился. Для него запахи слишком мощные, грубые и непонятно зачем существующие, в то время как вот с той стороны доносятся нежнейшие ароматы кухни...

Открылась дверь, вошла молодая женщина, оставив ее распахнутой настежь, явный знак, что одна, а наедине с мужчиной оставаться неприлично и даже непристойно.

Я поднялся, отвесил учтивый поклон.

— Леди Линнетта...

Она испуганно присела, глядя то на ужасающего пса, что изображает статую из черного мрамора, то на меня, но уже снизу вверх, хотя далеко не дюймовочка, а вполне в теле и ростом совсем не обижена.

— Ваше высочество?

— Леди Линнетта, — сказал я осторожно, — я ваш друг, но заскочил к вам всего на пару минут. Если вы уделите мне чуть-чуть внимания, я тут же уеду, вполне удовлетворенный. Но могу и задержаться, если разговор удовлетворит нас обоих.

Она нерешительно кивнула, сделала рукой приглашающий сесть жест, но сама опустилась через два стула, чтобы если кто заглянет в нарочито распахнутую дверь, видели, что мы ведем себя безукоризненно.

Я медленно, чтобы не пугать ее резкими движениями, опустился на стул, продолжая рассматривать ее очень внимательно.

Леди Линнетта классически прекрасна: безукоризненный овал лица, крупные светлые глаза, изящный нос и полные губы, однако на лице полнейшее равнодушие и почти неуловимая скорбь, как у молодой породистой коровы, которую доят и, как она понимает, всю жизнь будут дергать за сиськи, ничего не предлагая взамен, кроме теплого хлеба, корма и сравнительной безопасности.

Ее довольно дорогое платье в добротных украшениях, шея и грудь в нитях жемчуга, их так много, что спускаются на живот, свисают с плеч, на руках браслеты тоже из трех рядов жемчужин.

Ростом и дородностью Линнетта напомнила королеву Сабринию, только моложе вдвое, больше подошла бы в жены ее сыну, но для нее принц Клавель совсем недомерок, получилась бы комичная пара.

— Мои родители уехали на ярмарку в Кепшир, — пояснила она. — Туда согнали скот, его во время нашествия укрывали в лесу. Мой отец хочет купить с полсотни овец мясной породы и десяток для шерсти...

— Хозяйственный у вас отец, — одобрил я. — А вы пока управляетесь за него?

— Я с детства привыкла следить за хозяйством, — пояснила она. — Все книги расходов и доходов веду я... Вы подождете, пока они вернутся?

Я покачал головой.

— Это необязательно. Я приехал к вам, леди Линнетта.

Она сказала настороженно:

— Я ничего не решаю. Вам придется подождать родителей.

— А мы просто поговорим, — сказал я беспечно, — даже поболтаем! Видите, какая погода прекрасная? Вот и поговорим о погоде... Какая она была, когда вы впервые познакомились с королем Ричмондом?

Она вздрогнула, чуть отодвинулась, словно я уже протянул к ней загребушие.

— Восхитительная, — ответила она после паузы. — Шел мелкий дождь, листья падали на землю и усеивали ее красным с оранжевым ковром. Но... зачем это вам?

— Просто проверил, — объяснил я, — насколько вы помните... или стараетесь забыть это все.

— Я не забываю, — ответила она просто.

Я поклонился.

— Леди Линнетта, я на вашей стороне. И хочу помочь. Вы познакомились с королем во дворце?

Она покачала головой.

— Нет-нет... Я увидела короля два года тому. Он после охоты возвращался незнакомыми тропами, дождь сбивает все следы, он заблудился и выехал из леса прямо к имению моих родителей. Тогда за обедом ему и представили меня.

Я выждал, она молчала, я наконец поинтересовался:

— И... как?

— Король был очень учтив, — ответила она, — и предельно любезен. Родителям моим сказал, что их дочь должна быть при дворе. Например, фрейлиной королевы.

— И вы?

— Через два дня я прибыла во дворец, — объяснила она. — Мне выделили отдельную комнату, как и всем

фрейлинам. Я постоянно присутствовала при всех торжественных выходах, на всех праздниках, мне улыбались самые знатные люди королевства, а молодые рыцари пожирали меня глазами.

Она снова умолкла, я сказал нетерпеливо:

— Но сейчас вы здесь. Почему?

Она потупила взор и прошептала едва слышно:

— Мне кажется, Его Величество начал обращать на меня слишком уж пристальное внимание.

— Насколько пристальное?

Она ответила еще тише:

— Он старался чаще общаться со мной, чем когда-либо с кем-либо. И хотя мы никогда не оставались наедине...

Я изумился:

— Вот как?

Она покраснела, ответила тише:

— Мы бывали с ним в одной комнате, но он всегда оставлял дверь вот так же открытой в другую, чтобы все видели... ну, что у нас не происходит ничего предосудительного. Его величество чрезвычайно щепетильны... я не понимаю, почему королева решила удалить меня вообще от двора.

Я пробормотал:

— Ну, вообще-то ее понять можно.

— Я ничего себе не позволяла!

— Король тоже, — ответил я мирно, — это еще хуже. Стань вы просто любовницей, королева, возможно, и махнула бы рукой, но вот так, гм, все было слишком деликатно и трепетно.

Она вскинула на меня глаза, полные надежды.

— Вы полагаете...

— Как и вы, — ответил я.

— Ваше высочество!

— Полагаете, — заверил я, — это было достаточно явно, что король питал к вам нешуточные симпатии. Возможно, был влюблен.

— Ваше высочество!

Я вздохнул.

— Однако нам так часто приходится смирять свои чувства перед натиском приличий, условий, обязанностей, долга... В общем, леди Линнетта, если вы хотите, я могу приложить усилия, чтобы вы вернулись ко двору.

Она прижала обе руки к груди и воскликнула с мольбой:

— Только бы это случилось! Я так хочу увидеть короля!

— Вы его увидите, — пообещал я.

— Не могу поверить...

— Хотя ваш король сейчас и переживает трудные времена, — сказал я, — однако он все еще пользуется весьма огромным авторитетом. И лорды королевства ему верны... Ну, я говорю о тех, кто не ушел с Мунтвигом.

Она кивнула и спросила нерешительно:

— Хотите, чтобы я держала вашу сторону... если окажусь снова при дворе?

— Да, — ответил я. — И вы понимаете, что мне нужно.

— Да, — ответила она, посмотрела мне в глаза и добавила с мягкой улыбкой: — Понимаю.

За окном на темном небе уже остро поблескивают звезды, а из-за леса поднялась круглая луна, как некое чудовище, и уставилась на темный мир внизу.

— Ваше высочество, — произнесла она с некоторым смущением, — слуги вам подготовят покои с видом на сад... или предпочитаете с окнами во двор?

Я посмотрел на нее в упор.

— Вообще-то я предпочел бы разделить постель этой ночью... с вами, леди Линнетта.

Она вздрогнула, глаза стали беспомощными, а щеки окрасились нежнейшим румянцем.

— Ваше высочество?

— Мы же теперь сообщники, — пояснил я, — и нам еще многое нужно обговорить и уточнить детали. Сейчас даже не вспомнишь, что мы оба забыли, а в постели могут всплыть важные моменты.

Говорил я деловито и дружески, но румянец на ее щеках становился все ярче, щеки залило пурпуром, жар поднялся к ушам и воспламенил сперва мочки, потом добрался и до кончиков, и они засветились так ярко, став почти прозрачными, что я сквозь них увидел полную луну.

— Ваше высочество...

— Я только предложил, — сказал я торопливо, — ничего личного.

Она посмотрела на меня умоляюще.

— Ваше высочество... Я полагаюсь на вас. Мужчины лучше нас, слабых женщин, знают, что делают... однако... однако то, что вы хотите, это... это нехорошо...

— Я знаю, — ответил я, — но мне хочется знать, в самом ли деле вы готовы на все, чтобы вернуться ко двору и... к королю.

Она сказала умоляюще:

— Я готова на все!

— В самом деле?

Она прошептала:

— Возьмите мою жизнь, но не честь... Если я ее потеряю, то что мне все остальное?

Я посмотрел испытующе, она поднялась во весь рост и стоит передо мной прямая, вздрагивающая, но с бледным решительным лицом.

— Простите меня, леди Линнетта, — проговорил я, — но мне надо было взглянуть... насколько вы... а также из чего вы состоите. Думаю, королю Ричмонду повезло.

Она вздрогнула, взглянула с недоверием.

— Вы это говорили нарочно?

— Да, — сказал я, — простите меня. Мне король Ричмонд в самом деле нравится, и я не хотел бы, чтобы он поскользнулся... гм... на таком же точно фрукте.

Она вскрикнула в беспомощном возмущении:

— Ваше высочество!

— Мы вас вернем ко двору, — пообещал я. — Более того, затягивать с этим не станем, сие чревато.

— Королева не позволит!

— Правит все-таки король, — напомнил я. — Вы сказали очень хорошо: мужчины лучше женщин знают, что надо делать. И хотя это не всегда верно, но вы почаще говорите это мужчинам, и они будут считать вас самой умной и понимающей женщиной на свете.

— Ваше высочество, — проговорила она жалобно, — если вам удастся помочь мне вернуться ко двору... моя благодарность не будет знать границ.

Я уточнил учтиво:

— Надеюсь, вы не имеете в виду постель?

Она жутко покраснела.

— Ваше высочество... Вы же сами только что показали, что даже не шевельнете пальцем ради такой безделицы.

— Ради такого счастья, — возразил я, — ибо это великое счастье, леди Линнетта, овладеть вами, да еще в постели, а не на бегу в коридоре, как мы могли бы, но

не станем. Но вы, как всегда, правы, я по своей простоте не смогу оценить всего величия этого дара, поэтому предпочту что-то поконкретнее и повесомее.

Она чуть наклонила голову.

— Ваше высочество?

— Король, — сказал я, — человек мягкий. И, увы, подвержен влияниям, что для государственных мужей далеко не всегда благо. Обычно все наоборот. Потому я хочу заручиться вашей помощью, леди Линнетта.

Она распахнула глаза.

— Как?

— Еще не знаю, — ответил я честно. — Есть только ощущение, что получится. Более того, если короля оградить от чужого влияния, он будет прежним королем, что умеет править мудро и справедливо. Вот вы и должны оградить от всяких честолюбцев... Как это сделать, будем думать.

Глава 12

В комнатке, где постелили мне, я загасил свечу, но луна бесстыдно смотрит в окно, серебристые лучи падают на постель, высвечивая нежное молодое тело созревшей женщины, хотя я увидел бы все и в полной темноте.

И пусть этого не случилось, но воображение подсказывает, что, если бы я чуть-чуть нажал, она бы согласилась на все, только бы я помог ей вернуться ко двору, однако этот вообще-то незначущий пустяк лег бы позорным пятном и на нее, и на меня.

Как сказал пророк: кто соблазнит одного из малых сих, тому лучше жернов на шею и бултых в море. Ради такого мелкого телесного удовольствия испачкать себя на всю жизнь? Хотя я все еще не понимаю, почему та-

ким крохотным шажкам в сторону чувственных удовольствий придается неимоверно огромное значение...

Через несколько часов арбогастр домчался, сбрасывая скорость, к городским воротам, что открыты настежь, а еще через несколько минут мы проехали под аркой ворот дворца.

Я пытался улучшить момент, чтобы перехватить королеву для разговора, но, увы, ее всегда сопровождают фрейлины, ибо королева должна быть вне подозрений и не общаться с мужчинами наедине.

Слуга, склонившись в поклоне, сказал почтительно:

— Ваше высочество, Высший Королевский Суд уже заседает с утра.

— Прекрасно, — сказал я бодро. — Когда ожидается решение?

— Обещают окончательный результат обнародовать сразу после обеда.

— Прекрасно, — повторил я. — Значит, я пообедаю с аппетитом. Когда обед?

Он ответил так же бесстрастно:

— Я как раз и пришел сообщить, что ее величество королева Сабриния приглашает вас отобедать с ними.

— С ними, — повторил я, — это с кем?

— Ее величеством, — ответил он чуточку удивленно, — а также его величеством королем Ричмондом и принцем Грегори... если тот появится.

Я покачал головой.

— Королева руководит уже не из-за спины короля, а так явно?..

Он сказал с неловкостью:

— Простите, ваше высочество... может быть, вас пригласил и король, но мы так привыкли все делать от имени королевы...

— Ладно, — прервал я, — пойдем обедать, мне это аппетит все равно не испортит.

Он вышел, преисполненный почтения, тихий и малозаметный, я отправился следом. По сторонам поглядываю уже не как турист, начинаю замечать всякие мелочи, говорящие очень отчетливо, кто во дворце хозяин.

По залам снова прошел глашатай и провозгласил, что Верховный Суд Лордов огласит свой приговор во второй половине дня. Во дворце царит радостная толчея, для нормального люда с нормальной психикой все повод выпить и закусить, будь это день рождения, похороны, казнь или приезд бродячих актеров, которых почему-то называют артистами.

Съехались не только верховные лорды и самые могущественные магнаты королевства, но и множество тех, кто стремится попасться им на глаза, оказать услуги, быть принятыми на службу.

Конечно же, некоторые привезли дочерей в окружении их тетюшек, надо показывать в столице, присматриваться, кому пристроить. Вокруг таких всегда веселье, яркие дорогие костюмы, множество придворных щеголей.

Я шел за слугой в главный корпус, где в малом зале состоится обед, когда в одном из переходов мелькнула тень, человек в длинном плаще быстро приподнял капюшон и тут же опустил.

— Вот что, — сказал я слуге, — я дорогу знаю, так что беги занимайся настоящей работой, а не принцествованием! Я не слон из цирка, сам дойду.

— Но, ваше высочество!

— Иди-иди, — велел я, подпустив в голос строгости. — Вижу, работать не хочешь? Гуманист? Апостоловец?

Он сказал поспешно:

— Иду, уже иду!

Когда он исчез, человек в плаще приблизился тихонько, а я сказал с неудовольствием:

— Глен, вы ведете себя, как во вражеском замке!

Он сказал со вздохом:

— Ваше высочество, а вы сами это еще не ощутили? Надеюсь, вы уже всех увидели здесь, как и... по моей рекомендации?

Я буркнул:

— Всех не всех, но проветрился вне замка, кое с кем познакомился. Принц Клавель, вы правы, абсолютно не похож на короля. И на своего младшего брата Грегори. Вот тот да, вылитый Ричмонд. А наследник... гм... вылитый граф Сандерс.

Глен отвел взгляд и ответил с неловкостью:

— Полагаете, только вы это заметили?

— Но... что говорят по этому поводу?

Он пожал плечами.

— Сами знаете, что говорят. Недоброжелатели... ну, объяснять не надо, что именно говорят, хихикая в кулак, а сочувствующие королю опускают глаза и бормочут всякое насчет того, что, дескать, сынок иногда весь идет в деда... или прадеда по линии матери...

— В таких случаях именно это и говорят, — согласился я зло. — Потому граф Сандерс и удален от двора, чтобы не слишком, вы все подмечаете верно.

Он опять пожал плечами.

— А что подмечать? Все на поверхности. Вы правы, ваше высочество, все понимают, но говорят, и говорят привычные слова, потому что... ничего ведь не сделать! Все уже сделано.

— А что король?

Он посмотрел на меня в упор.

— Разве короля еще не видели?

Я вздохнул.

— Да, король — сама деликатность. Мухи не обидит, слова недоброго не скажет. Вот бы его показывать тем, кто кричит о королях-кровопийцах и душителях свобод!

— Двор вертится вокруг королевы, — объяснил он. — К счастью, лорды не слушаются ее так же, как и короля, так что в королевстве все пока в порядке.

— Ладно, — сказал я нетерпеливо, — поговорим после обеда. А то пойдут меня искать и наткнутся на вас.

Он поспешно отступил в тень.

Слуги перехватили меня, когда я привычно сунулся в малый зал, где завтракал в прошлый раз с королевской четой, и почтительно сообщили, что обедать ее величество изволит вот здесь, прошу вас, позвольте мы сами откроем...

Комната, а не зал, хоть и просторная, убрана богато, но со сдержанной и суровой роскошью, что гармонирует с общей обстановкой, где и окна небольшие, свет проникает довольно тусклый, и две огромные люстры с погашенными свечами, и два массивных подсвечника на столе, из которых только в одном горит свеча. Возле него за столом сидит Ричмонд и, морща лоб, внимательно читает указ, который ему принесли на подпись, а на соседнем столе слуги, двигаясь бесшумно, расставляют серебряную и золотую посуду.

Вид у него, как говорится, краше в гроб кладут, лицо не просто бледное, а почти желтое, как у мертвеца, под глазами темные мешки, белки покраснели, явно всю ночь не спал, стараясь предугадать решение Верховного Суда Лордов.

У двери мои Коллинс и Эрлбах, чему я весьма изумился, а под стеной молчаливые герцог Кристофер Экклестон и граф Джон Берроуман, знатнейшие вельможи королевства, чья очередь сегодня прислуживать

королю, в том числе и держать перед ним тазик для ополаскивания рук.

— Ваше величество, — сказал я осторожно, — в каком часу будет оглашен приговор?

— Обещали во второй половине дня, — ответил он, поднял голову, виновато улыбнулся. — Здравствуйте, сэр Ричард. Полагаю, уже совсем скоро.

— Ничего,ждемся.

— Простите, — сказал он, — что без церемоний, но вы сами настаивали, чтобы все как можно проще.

— Спасибо, ваше величество!

— Начнем, — сказал он все тем же потеряннным голосом, — сразу после обеда. Через часик. Я слышал, вы придержали пока свою сотню воинов во дворце?

Я ответил мирно:

— Вы же сами пригласили их отдохнуть перед отъездом.

— Гм, — сказал он, — да присядьте же вы! Вот это кресло очень удобное, прошу.

— Благодарю, ваше величество. Вы очень заботливы. Но о вас тоже не мешало бы позаботиться.

Он грустно улыбнулся.

— В последнее время я тоже, неловко в этом признаться, но тоже это чувствую. То сердце пошаливает, то дышать трудно... Мне задают вопросы... почему ваши люди при оружии... и практически все охраняют входы и выходы?

— Вы король, ваше величество, — напомнил я. — И никто не смеет спрашивать, почему вы так поступили. Просто изволили! Вот и все. Восхотели!

Он спросил тише:

— Полагаете, усиленные меры безопасности... необходимы?

— Я человек осторожный, — ответил я уклончиво. — Боязливый даже. Что позволяет мне чуточку ре-

же попадать в опасные ситуации, чем получалось бы при моей дурости и беспечности.

Он слегка улыбнулся, заметив противоречие, но улыбка получилась очень грустная.

Королева Сабриния вошла плавно, подол длинного платья волочится следом, и кажется, что королева не идет, а плывет, аки лебедь, по глади блестящего пола. За нею вдвинулись две фрейлины, чопорные и невзрачные, как глубоководные рыбы.

Я перехватил полный неприязни взгляд королевы, брошенный в мою сторону, но тут же она улыбнулась и пропела нежно:

— Ах, и Ричард Завоеватель здесь... Ваше высочество, я надеюсь, вы разделите с нами трапезу?

— Лучше я с вами пообедаю, — ответил я и пояснил: — Не люблю ни с кем делиться. Стараюсь захватывать все. Господь сотворил человека властелином мира, как помните.

Ричмонд рассеянно улыбнулся.

— Да, из вас получится настоящий король. Не то что из меня.

— Короли бывают разные, — сказал я, — самые лучше из них те, которые почему-то не остаются в истории, так как не затевают кровопролитных войн и не захватывают чужие земли.

Он взглянул на меня искоса и с недоверием, словно не верит, что я могу понимать такую запрятанную от взора историков истину.

Сабриния села в кресло, что пышностью не уступает, а превосходит тронное королевское, это вообще-то недопустимо, фрейлины встали по обе стороны высокой спинки, отступив на полшага, ровные и неподвижные, с застывшими лицами.

— Дорогой, — произнесла Сабриния и посмотрела на Ричмонда таким тяжелым взглядом, что даже я

ощутил его неподъемный вес, — я велела привести нашего сына к нам на обед. Прости, я не знала, что будет и принц Ричард.

Я произнес великодушно, не сдвигаясь с места:

— Я могу вообще-то и оставить вас в кругу семьи...

Она посмотрела на меня и уже открыла рот, чтобы согласиться с моим великодушным предложением, но я взглядом дал понять, что вот хрен встану, меня пригласил король, а если даже и не приглашал, то у меня наглости не меньше, чем у ее сыночка, прижитого от некого графа.

— Это не обязательно, — произнесла она кисло, почти прошипела, — мы вполне можем пообедать... вчетвером.

— Это хорошо, — сказал я. — Из общей тарелки?

Ричмонд улыбнулся.

— Ваше высочество, сожалею, но в этот раз вам все заграбастать не удастся. Вон видите, ставят каждому по мисочке.

— По тарелке, — поправила королева уязвленно, — из чистейшего серебра!.. Изготовленных лучшими ювелирами королевства!

Я ответил мирно и с неким подтекстом:

— Я не слишком разборчив ни в еде, ни в средствах, мадам.

Она запнулась с ответом, а в это время за дверью раздался приближающийся топот тяжелых сапог, звяканье металла. У самой двери грохот оборвался, слышались грубые голоса.

Когда я оглянулся, через порог переступил незнакомый мне рыцарь и произнес с холодной учтивостью:

— Ваше величество, принц Клавель доставлен!

Мне показалось, что он обращается больше к королеве, чем к королю, что и понятно, все во дворце зна-

ют, кто корону просто носит, а кто королевством правит.

Хорошо, мелькнула мысль, что хоть принц, а не курпринц, а то бы и эти могли принять от Мунтвига.

Клавель перешагнул порог предельно надменный, с выпяченным вперед и вскинутым гордо подбородком. Одет щегольски, ни следа кандалов или цепей, только и того, что стража осталась у двери и следит за каждым его шагом, но это может быть и для того, чтобы не дать его растерзать слишком уж патриотичным бриттийцам.

Он вздрогнул и впился на короткий миг в меня ненавидящим взглядом, но тут же с самым равнодушным видом прошел к оставленному для него месту и опустился на сиденье.

Сабриния прошебетала заботливо:

— Я распорядилась, чтобы для тебя приготовили куропаток, ты же их особенно любишь!

Клавель буркнул:

— Спасибо. Но в армии я научился не перебирать еду.

— Ты не в армии, — воскликнула она. — Здесь все тебе будут стараться услужить!

Он поморщился.

— Надолго ли?

— Сынок!

Он отмахнулся.

— Мама, перестань. Через час будет решение Верховного Суда Лордов. Где меня обязательно постараются приговорить к смертной казни!

Ричмонд взглянул на него грустно и покачал головой.

— Нет-нет, сын мой! Как ты можешь такое даже подумать... Они не посмеют. Они знают, что такое потерять своего наследника, и никогда так не поступят.

Я перехватил его взгляд на Клавеля, смотрит почему-то с виноватой улыбкой, и я потрясенно понял, что он всегда так смотрел, еще с момента младенчества поняв, что это не его родной сын, но не сказал жене, не сказал никому, но — мало того, еще и чувствовал свою вину, что вдруг он недостаточно уделял внимания жене, потому так получилось, а потом боялся, что недостаточно уделяет внимания сыну, вдруг тот думает, что отец его не любит, потому что все знает...

Есть такие люди, мелькнула злая мысль, во всем случившемся винят себя, эти люди — совесть мира, но сами себя защитить не могут от жестокой реальности.

Клавель фыркнул, едва не расплескав вино из чаши.

— Не посмеют? Да они всегда делали, что хотели!.. И никто из них с тобой не считался!

Ричмонд болезненно сжался, но ответил почти протестно:

— Но разве королевство не жило мирно? Разве не богато?.. Это же главное, сын мой, что должно заботить правителя. До нашествия Карла, а затем Мунтви-га наше королевство было самым процветающим среди всех соседних.

— Но оно пало! — сказал Клавель победно.

— Пали и другие, — мягко напомнил Ричмонд. — Пали и те, где короли гордились абсолютной властью, где всех подданных держали в железном кулаке и страхе.

— Я бы не позволил Бриттии пасть, — сказал Клавель. — Если можно — надо бороться и победить, но если враг слишком силен — нужно заключить с ним союз и вместе идти на другие народы!

Ричмонд охнул.

— Но это же... недостойно!

— Историю пишут победители, — возразил Клавель. — Воюя плечо в плечо с таким союзником, можно выбрать удобный момент и сломать ему шею!.. Главное — результат.

Он бросил острый взгляд в мою сторону и, похоже, понял по моему лицу, что я полностью согласен с ним, что вызвало еще более ехидную ухмылку.

Ричмонд повторил угрюмо, но с той беспомощностью, которую я в нем раньше не замечал, так как просто не обращал внимания:

— Нет-нет, это недостойно. Короли не могут так поступать. Мы — пример для подданных.

Сабриния внезапно помрачнела, словно вспомнив что-то недоброе, проговорила осевшим голосом:

— Лорды суда в самом деле настроены... Я говорила почти со всеми... Говорила по-всякому.

Ричмонд сказал с упреком:

— Сабриния!

Она ответила резко:

— Я не стану сидеть и ждать, когда моего ребенка убьют! Я пойду на все!.. Они еще меня не знают!.. Вы все меня еще не знаете...

Она начала подниматься, вся полыхающая гневом, но затем из нее словно стержень выдернули, опустилась на место рыхлой кучей и тяжело оперлась о край стола локтями.

Я наблюдал за нею искоса и видел, она не сдалась, ее цепкий ум все время напряженно работает, прикидывает, сравнивает, ищет некие ходы.

Ричмонд сказал тяжелым голосом:

— Я не верю в смертный приговор. Они все понимают, какой это будет удар для меня. Они все меня уважают... Они не захотят сделать для меня такое... ужасное.

Сабриния медленно вздохнула, поднялась с заметным трудом. Мы все трое замолчали и повернули к ней головы.

Она выдавила из себя улыбку и сказала величественно:

— Не будем ссориться в ожидании суда. Я пойду и лично приготовлю в знак примирения своему супругу его любимое мясо... как когда-то готовила в нашей юности.

Ричмонд благодарно улыбнулся, а Сабриния одарила его блеклой улыбкой и пошла к двери. Фрейлины двинулись было за ней, но она сказала величественно:

— Ждите здесь. Не хочу, чтобы подсматривали мои секреты.

Дверь за нею захлопнулась, Ричмонд виновато улыбнулся и торопливо объяснил, ни к кому не обращаясь:

— Она чудесно умеет готовить рябчиков. Таких лакомых я нигде не встречал.

— Но если суд все-таки приговорит меня к смертной казни? — спросил Клавель. Он побледнел, кожа на скулах натянулась, а губы сжались, как захлопнувшийся капкан на мелкого зверя. — Что тогда? Это не только смерть, это... позор!

— Они так не поступят, — повторил Ричмонд. — Но если... если такое случится, то я... да, я наложу королевское вето!

Он произнес очень решительно, лицо подтянулось, я увидел в нем человека, когда-то державшего в руке меч и повелевавшего войсками.

Клавель взглянул испытующе.

— Вето на решение Верховного Суда Лордов?

— Да, — сказал Ричмонд твердо. — Я... король!

Клавель подумал, покачал головой.

— Такого еще не было в истории Бриттии. И... вряд ли получится. В Верховном Суде самые могущественные и властные лорды, у каждого армия больше королевской. Вето для них прозвучит как оскорбление! Как умаление их власти и достоинства. Они могут...

Он замолчал, Ричмонд спросил сдавленным голосом:

— Что могут?..

— Не подчиниться, — ответил Клавель жестко. — Они введут войска во дворец, сомнут обе сотни сэра Ричарда, арестуют меня и потащат на казнь.

Ричмонд потряс головой.

— Нет-нет! Я этого не позволю. Я не отдам сына на растерзание. Лучше я сам погибну! Сэр Ричард, что вы думаете?

Я сказал медленно:

— Не думал, что скажу такое, но ваш сын полностью прав. Если вы попытаете противиться решению Верховного Суда, вас попросту отстранят от власти.

Ричмонд напрягся, стал шире и выше ростом, даже не поднимаясь из кресла, и спросил напряженным голосом:

— Вы что-то предлагаете?

Я пожал плечами.

— Не препятствовать совершению правосудия.

Он вскрикнул громко, как смертельно раненный зверь:

— Нет-нет, я этого не позволю!

— А что, — осведомился я холодно, — вы сделаете?

— Я лучше потеряю корону, — воскликнул Ричмонд, — чем откажусь от сына!.. Я не позволю им его казнить!.. Если будет вынесен такой приговор... мы с сыном скроемся вместе... мы оставим этот дворец, оставим Квинтелард, вообще покинем Бриттию... Я все сделаю ради сына!

Клавель наклонил голову и смотрел на короля, как хорек на мелкую птичку, не подозревающую о близкой опасности. Лицо его оставалось подобно маске, только глаза заблестели, как у безумного, да пальцы нервно сжались так, что побелели костяшки суставов.

Глава 13

Сабриния вошла, довольная и улыбающаяся, но я уловил в ней странное напряжение, в руках поднос с небольшой тарелкой из золота, а на нем несколько коричневых кусочков мяса, облитых острым соусом, я уловил его пряный запах, необычный, будоражащий и чем-то неприятный.

Ричмонд сказал растроганно:

— Милая... ты вспомнила именно то...

— Я никогда и не забывала, — возразила Сабриния. — И всегда хотела его приготовить лично... и сама принести тебе.

Она бросила любящий взгляд на сына. Клавель, напротив, посерьезнел, подобрался, как зверь перед прыжком на добычу.

Ричмонд смотрел, как Сабриния осторожно ставит перед ним тяжелую тарелку. Клубы ароматного пара щекотнули мне нос, я все старался разобраться в этом странном запахе, а Ричмонд посмотрел на мясо, взглянул на Клавеля.

— Сын мой, — произнес он тихо и с такой страстью, что у меня заныло сердце, — я хочу, чтобы ты был счастлив... я все сделаю для тебя...

Клавель сказал угрюмо:

— Ты всегда и был таким.

Сабриния взглянула на сына, брови ее поползли вверх. Лицо Клавеля начало краснеть, на лбу появи-

лась испарина, начала собираться в мелкие капельки пота.

— Сын мой, — повторил Ричмонд растроганно, — я всегда любил тебя... и я все сделаю... сделаю все...

— погоди, — произнес Клавель хриплым голосом.

Взгляд его не отрывался от золотой тарелки, где исходят ароматами коричневые комочки мяса рябчика. Ричмонд медленно придвинул тарелку к себе ближе и зачерпнул ложкой облитый красно-коричневым соусом ломоть мяса.

Сабриния выпрямилась и смотрела на него с застывшей улыбкой, но я увидел, как ее глаза стали холодными, а зрачки разом сузились.

Клавель взглянул на нее, сдавленно вскрикнул и резко выхватил из рук Ричмонда тарелку. Тот опешил, а Клавель, пренебрегая ложкой, захватил горстью содержимое и быстро отправил в рот.

Сабриния вскрикнула:

— Что ты делаешь!

Крик ее прозвучал такой отчаянный, что я наконец уверился в ее замысле. Клавель, не отвечая, пожирал торопливо, глотал, как голодный волк, не пережевывая, наконец быстро поднял миску ко рту и жадно выпил соус.

Она прокричала диким голосом:

— Не делай...

Никто ее не успел остановить, когда она подбежала и выхватила у него тарелку с такой легкостью, словно та из дерева, а не тяжелого золота.

Клавель откинулся на спинку кресла, лицо из багрового начало быстро бледнеть, но перестало дергаться, расслабилось, а голос прозвучал непривычно грустно:

— Достойнее так, мама...

Она вскричала в отчаянии:

— Сын мой!.. Кровь моя...

— Она... на тебе, — прошептал Клавель. — Нельзя... так...

Лицо его начало синеть, голова дернулась. Он попытался встать, но с грохотом завалился на пол вместе с креслом.

Первым подбежал герцог Кристофер Экклестон, приподнял голову принца и поспешно отпрянул, глядя с ужасом на свои руки.

— Он отравлен!

Взгляды всех в зале обратились к Сабринии. Она с плачем бросилась к сыну, упала на его тело и отчаянно зарыдала:

— Зачем?... Зачем, сын мой?... Ты сегодня стал бы королем... как ты всегда хотел!... Корона была уже твоя... Почему? Ну почему?

Я шевельнулся, выходя из дурацкого ступора, Ричмонд вздрогнул, перевел неверящий взгляд на меня.

— Полагаю, — проговорил я резко, обращаясь к рыдающей королеве, — потому что в нем все же пробудилась совесть, которой у вас никогда не было!.. И не он так уж хотел стать королем. Этого вы хотели и всячески толкали его к трону!.. Стража, взять ее!

Никто не посмел и приблизиться к королеве, но Фил Коллинс и Мэтью Эрлбах подскочили и ухватили ее за руки, для них существует только принц Ричард.

Она сопротивлялась и не выпускала безжизненное тело сына.

Я обернулся к герцогу Экклестону.

— Надеюсь, благородный сэра, вы сможете беспристрастно рассказать всем, что случилось?

Он, все еще бледный и вздрагивающий, сказал неверным голосом:

— Да-да, конечно, все было на моих глазах... Сэр Джон тоже все видел...

Граф Берроуман ответил от стены трепещущим голосом, не двигаясь с места:

— Я видел все. И смогу подтвердить хоть под присягой, хоть на Страшном суде!

Стражи наконец оторвали кричащую королеву от трупа и кое-как вытащили из комнаты.

Ричмонд откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Лицо снова из бледного стало желтым.

Я потрогал его лоб, на всякий случай поделился немного своей жизнью, но он все так же не двигался и не подавал признаков жизни.

— Ваше величество, — сказал я настойчиво. — Родина в опасности!.. Хватит предаваться скорби. Сам Господь сказал свое веское слово и поставил точку в этом мрачном деле. Мене, текел, фарес!

Он прошептал так тихо, что я едва-едва расслышал:

— Но зачем жить... Я потерял сразу жену и сына...

— Вы потеряли их намного раньше, — резко сказал я. — А то, что было на виду, вы старались не замечать... Даже сейчас, как вам не стыдно, вы же поняли по ее лицу и поведению, что она подала вам отравленное мясо!

Он произнес тяжело:

— А что мне оставалось...

— Как что? — спросил я свирепо. — Вы разве не король? Нет, вы разве не мужчина?

— А кто знает точно, — спросил он тихо, — как должен себя вести мужчина?.. Возможно, это был лучший выход... Я уйду из жизни, а они двое будут радоваться. Возможно, Клавель был бы получше королем, чем я...

Я покачал головой, вздохнул, потом посмотрел на застывшего у двери графа Берроумана.

— Дорогой граф! К вам личная просьба. Быстро сходите в мои покои и немедленно приведите сюда того... кого там найдете.

Он ответил с великим облегчением:

— Ваше высочество, все сделаю!

И разом исчез из этого ужасного места, а тем временем еще двое стражей вынесли тело Клавеля, подняли и поставили упавшее кресло на место. Прибежал испуганный лекарь, ему сунули под нос тарелку с остатками соуса. Тот побелел и начал оправдываться, что он ведать не ведает, он не повар, а лекарь.

Двери распахнулись, граф Берроуман, весьма удивленный сам, ввел бледную и трепещущую Линнетту.

Она сразу с жалобным криком бросилась к Ричмонду, обхватила его голову и вскрикнула отчаянно:

— Он жив?.. Он не умирает?

Ричмонд вздрогнул и в великом изумлении распахнул глаза. Линнетта счастливо вскрикнула, жемчужные слезы прорвали плотины нижних век и побежали по щекам, превращаясь в блестящие ручейки.

— Слава Господу, я снова тебя увидела!.. Теперь можно и умереть!

Ричмонд начал открывать рот для ответа, но я перебил строгим голосом:

— Придется жить, леди Линнетта. На вас возложена важная обязанность... вы должны держать его величество в добром здравии, чтобы он продолжал править так же мудро и великодушно, что недалекими людьми воспринимается как слабость.

Она повернула ко мне голову.

— Сэр Ричард!.. Но вы нас не оставите?

— Я буду всегда с вами обоими, — заверил я, — куда бы меня ни забросила судьба. А ваши противники пусть знают, у короля Ричмонда есть верный и надежный друг, чья армия в случае необходимости всегда поспешит на помощь!.. А теперь, дорогие мои, мне пора покинуть вас. Труба зовет...

И все-таки немедленно вскочить на коня и пуститься в обратный путь не удалось. Сперва пришлось подтверждать сбежавшимся придворным, а потом и членам Высшего Королевского Суда рассказ герцога Экклестона и графа Берроумана, затем ко мне подошел растерянный епископ, перекрестился, не выпуская из другой руки большой крест.

— Ваше высочество, — сказал он вздрагивающим голосом, — вы не видите в случившемся перст Господа?

— Именно, — согласился я. — Королю я уже сказал, что сам Господь разрубил этот гордиев узел. А вас что-то тревожит?

Он вздохнул.

— Да, тревожит. Точнее, смущает. Самоубийца... гм... это же...

Я сказал резко:

— Совершить самоубийство — это нарушить правила вежливости, явившись к Господу без приглашения.

Он проговорил медленно и с явным трудом:

— Вы совершенно правы, ваше высочество, самоубийство — тяжкий грех... Господь дает жизнь, только он и может ее забрать взад. Потому курпринц... э-э, принц будет наказан по всей строгости Божьей заповеди. Однако я в великом сомнении... очень давно меня не раздирали вот такие противоречивые чувства...

— Ваше преосвященство? — спросил я.

— Он совершил самоубийство, — проговорил епископ, все так же тщательно подбирая слова и выстраивая их, — но тем самым избег греха отцеубийства... Не знаю, покроет ли это... гм... или насколько покроет...

— Смягчит?

— Да-да, — согласился он, — насколько смягчит приговор. И хотя самоубийство — страшный грех, но,

надеюсь, Господь проявит милосердие к этой заблудшей душе... Я бы проявил.

Я с иронией посмотрел на рефлектирующего епископа.

— Великий богослов Нильс Бор как-то обронил на такое... гм, что не наше дело предписывать Богу, как ему следует управлять этим миром.

Он тяжело вздохнул и перекрестился.

— Да, конечно. Но если исходить из того, что мы по образу и подобию, то наши мысли должны быть в чем-то сходны.

— Не мысли, — возразил я, — а нравственные взгляды. А мысли... Сегодня одни, завтра другие... На мысли Сатана влияет больше, чем Господь.

Он снова перекрестился.

— Не убоимся Зла.

— И дадим сдачи, — согласился я. — Говорю, как крестоносец. Но вас, как я понял, смущает и чисто земной аксепт?

— Да, — сказал он сокрушенно. — Самоубийц хоронят за оградой кладбища, вместе с ворами и грабителями. Но он спас родителя...

Я сказал нетерпеливо:

— Соберите консилиум священников. Во-первых, решение будет более взвешенным. Во-вторых, вы разделите ответственность за решение, каким бы оно ни было, с другими.

Он посмотрел на меня чуточку удивленно.

— А знаете, сын мой, это мысль... Насчет ответственности зря, я ее не боюсь, к тому же от Господа все равно не укрыться, будь это дело или только мысль, однако одна голова хорошо, а дюжина — все же лучше...

— Что Верховный Суд Лордов? — прервал я. — Простите, но время не терпит...

— Раз уж все собрались, — сказал он, — то дело об измене королевы решили не откладывать. Сейчас совещаются за закрытыми дверями, но обещали решение вынести сегодня.

— Надеюсь, — сказал я угрюмо, — они вынесут верное решение.

Он перекрестился.

— Господи, спаси ее душу!

— Она ее сама погубила, — возразил я.

Глава 14

К вечеру торжественно огласили решение суда. Королева Сабриния за попытку отравить короля приговорена к смертной казни. По просьбе короля четвертование заменили усекновением головы, причем королева не должна класть ее на плаху, а просто опустится на колени, а палач сделает все остальное.

Кто-то выразил сожаление насчет строгости приговора, дескать, можно бы отправить в монастырь без права покидать его стены, но я сказал, что в моем срединном один великий король казнил троих своих жен лишь за то, что те посмели слишком уж увлечься молодыми рыцарями, и у нас это все сочли правильным и справедливым.

Король тоже вступился за королеву и просил смертную казнь заменить заточением в отдаленном монастыре. Верховный Суд начал было колебаться с решением, но я поспешил выступить с заявлением, что Суд Лордов — глас народа, всего королевства, его земель и всех тварей, обитающих в нем, потому даже король

должен повиноваться этой высшей власти, выше которой только сам Бог!

На меня смотрели так, что я понял: мои позиции здесь нерушимы, как камни Большого Хребта. Кроме короля, Линнетты и Глена, что отныне никогда не забудут того, что я для них сделал, еще и лорды преисполнены благодарности за такую высокую оценку их деятельности.

Зайчик во дворе в нетерпении переступает с ноги на ногу, Бобик носится то во дворец, то снова к арбогастру — а то вдруг уеду без него.

Я подозревал одного из наших, что сопровождал пленного принца:

— Быстро позови Коллинса и Эрлбаха!

— Уже бегу, — ответил он четко.

Оба сотника примчались бегом, уже в походном снаряжении, преклонили колена и подняли головы, ожидая распоряжений.

— Ваше высочество!

— Увы, — сказал я, — возвращение откладывается, друзья мои. Встаньте и слушайте, не пропуская ни слова.

Они поднялись, очень серьезные и внимательные, я именно таких серьезных и ответственных и послал отвезти принца в Квинтелард, мало ли что могло случиться в дороге, оба могут принимать правильные решения самостоятельно.

— Первое, — сказал я, — проведете аресты. Ваши обе сотни пока остаются здесь, распоряжайтесь ими умело. Глен даст вам список. Оба временно назначаетесь начальниками дворцовой стражи, сенешалями и всем-всем, что требует тревожная обстановка. Распределите своих людей по ключевым местам. Я не ожидаю переворота, но всякие провокации... пресекать нужно.

Заранее. Пока те даже не догадались, что они и есть будущие провокаторы и разжигатели.

Эрлбах спросил тихо:

— И... надолго это?

— Когда закончите успешно, — ответил я, — а вы должны закончить успешно, и вернетесь с благодарностью от короля, вас ждет повышение по службе!.. И, возможно, титулы... Эй, подать коня!

Зайчик не стал ждать, когда его подадут, возможно, подумал, что подадут на блюде в жареном виде и с кокетливым цветочком в пасти, подбежал сам и с готовностью подставил бок с позвякивающим стременем.

Я поднялся солидно, неспешно, каждым движением олицетворяя уверенность в правоте и незыблемости нашего дела. Бобик подпрыгнул и ринулся в сторону ворот, а там едва не вышиб их, требуя, чтобы отворили немедленно.

Воины постучали рукоятями мечей в щиты, прощаясь, я повернул арбогастра, но за спиной раздался то-ропливый вопль:

— Ваше высочество!.. Ваше высочество!

Я придержал Зайчика, из распахнутых дверей дворца выбежал со всех ног Глен Вудруф, уже в мантии королевского секретаря и с золотой цепью на груди.

Он сбежал по ступенькам и ухватил меня за сапог в стремени с таким решительным видом, будто выдернет и швырнет о стену, если попытаюсь ускакать.

— Глен? — спросил я.

— Вам придется задержаться, — сказал он, запыхавшись, — это очень важно...

— Для меня? — спросил я с легким раздражением. — Для меня, любезный Глен, сейчас важно победно вести армию во имя торжества либеральных ценностей тоталитаризма.

Он замотал головой.

— Ваше высочество! Это важно и для вас.

— Правда?

— Ну, — уточнил он, — пусть не так важно, как для нас, однако и вам некоторая польза.

— Слушаю вас, — сказал я. — Если только мне точно польза, пусть и некоторая, а то я тоже такие обещания раздавать еще как умею.

— Может быть, сойдете с седла?

— Уши у меня в другом месте, — объяснил я, — ничего не придавил, так что говорите.

Он вздохнул и, быстро зыркнув на моих притихших сотников, сказал тихо:

— Верховный Суд после вынесения приговора королеве... задержался еще по предложению лорда Джоббера Флитвуда, властелина земель родового поместья Флитвудов...

— Знаю-знаю такого, — прервал я, — это почти в середине королевства. И что он предложил?

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Я думал, я один все здесь знаю... А предложил он ни много ни мало, как освободившуюся корону кур-принца передать вам!

— Ого, — сказал я чуть-чуть ошарашенно, — а чего вдруг?

Он вздохнул.

— Лорды — практичные люди. Во-первых, оценили ваш вклад в разоблачение заговора принца Клавеля и сохранение прежнего положения в королевстве. Вы ведь не просто разоблачили принца, а сперва разбили его войска и взяли в плен, тем самым избавив Бриттию от гражданской войны.

— Я такой вот, — согласился я, — замечательный. Обычно сам от себя в диком восторге.

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Да вот смотрю и дивлюсь. Все вроде бы понял, одно только никак не могу сообразить...

— Ну-ну?

Он сказал потрясенным шепотом:

— Как... как вы сумели заставить королеву сделать отравленное блюдо... и принудить принца его съесть?

Я помолчал, понизил голос:

— Дорогой Глен... Пусть это останется моей тайной.

Он вздохнул, сказал чуть поблекшим и разочарованным голосом:

— Так вот, корону курпринца предлагают принять вам. Из деловых соображений, если говорить на чистоту.

— Еще бы, — буркнул я, — в политике понятие благодарности не существует. Бедный Ричмонд, как он живет в этом мире! И как я живу и мучаюсь?

Он вздохнул.

— Насчет благодарности вам виднее, ваше высочество. А во-вторых, корона курпринца Бриттии обяжет вас в какой-то мере чувствовать себя бриттийцем и заботиться о королевстве и в будущем, когда вы покинете его пределы.

— Это другое дело, — сказал я с иронией, — узнаю деловую хватку хозяйственников!

Он сказал настойчиво:

— Ваше высочество, вы должны принять корону!

— А что это мне даст? — полюбопытствовал я. — Как видите, я человек практичный.

Он заколебался, наконец развел руками.

— Честно говоря, не представляю, но дело в том, что это сильно укрепит позиции короля Ричмонда. Все знают, что вы по его просьбе... ну, пусть это не совсем так, но это официальная версия... пленили его сына и привезли в столицу. И даже то, что вы отыскиали для

него леди Линнетту, что теперь, похоже, станет королевой. Они с королем очень любят вас, ваше высочество, и бесконечно благодарны вам.

— Но, — спросил я, — дальше у вас звучит «но»?

— Но, — закончил он, — их положение значительно укрепитя, — если лорды будут знать, что вы защищаете короля Ричмонда.

Ого, мелькнула у меня ироническая мысль, я уже, оказывается, могу защищать даже королев?

— Понял, — сказал я. — Глен, я согласен принять корону и даже некоторые не слишком обременяющие обязанности курпринца, а они есть, как бы вы пока ни юлили и ни скрывали, однако если это будет проделано прямо сегодня же.

Он охнул.

— Ваше высочество! К этой церемонии готовятся месяцами!

— Это стандартный путь, — прервал я. — А в условиях военного времени все проводится по упрощенной схеме.

— Но... как? Прецедентов не было!

Я высокомерно улыбнулся.

— Я сам весь из себя прецедент. И творю их на каждом шагу во имя культуры и либерального авторитаризма. Так что все сделаем, как зайчики!

Центральный собор народ заполнил почти сразу, едва глашатаи объявили, что его величество король Бриттии Ричмонд Драгсхолм изволил даровать титул курпринца эрцпринцу Ричарду Длинные Руки. Я подумал хмуро, что часть присутствующих постарается расспросить, чем же отличается курпринц от эрцпринца, интересно же, наверняка даже не все простые благородные знают, а только непростые, допущенные, близкие ко двору или знатоки титулов и геральдики.

Те же самые герольды по настоянию Глена Вудруфа, теперь уже не только личного секретаря короля, но и государственного, прокричали, что церемония коронации была укороченной и сильно упрощенной в связи с тяжелым военным временем, но это не уменьшает значимости великого события!

Ага, сказал я хмуро, великого. Даже величайшего. Хотя, конечно, какую-то пользу я тоже извлеку. К примеру, смогу влиять на политику Бриттии, в то же время не принимая на себя ответственность за ее выбрыки. Если она вдруг резко побежит к пропасти и прыгнет с обрыва, я не буду виноват, как в случае с Сен-Мари или Армландией...

Сердце болезненно заныло, едва вспомнил о Сен-Мари, Зайчик подо мной нервно дернулся, а едущий рядом Глен тут же тревожно поинтересовался:

— Ваше высочество?

— Это я о судьбах региона думаю, — ответил я, — вот еду и думаю... Представляете?

— Я тоже иногда думаю, — ответил он осторожно, — особенно после обеда. И о судьбах, и вообще о всякой ерунде. А вот на ночь так вообще только о женщинах.

— Вы идеальный секретарь, — сказал я. — Всегда говорите то, что нужно сказать, и ничего лишнего не бряканете, хоть ломайте вам пальцы. Вообще-то нужно бы попробовать.

Он бледно улыбнулся.

— Ну и шуточки у вас, ваше высочество.

Дома раздвинулись, и собор стал виден целиком. У входа большая толпа тех, кто запоздал и не успел войти. При нашем появлении началось движение, пошли радостные крики, поздравления, стражники выбежали вперед и начали раздвигать для нас проход к распахнутым дверям собора.

Глава 15

Похоже, начинаю привыкать к коронациям. Или у меня уже выработался иммунитет. Даже сердце не застучало чаще, принял корону и горностаевую мантию, выслушал все подобающие слова, поблагодарил, а уже через четверть часа, вежливо уклонившись от участия в пире, выметнулся на Зайчике через городские ворота.

Обиженный Бобик мчится рядом и время от времени поглядывает, не обманываем ли его с этим копытным снова, он же тогда добежал чуть ли не до самого лагеря, пока сообразил, что мы не просто отстали.

А потом вдали запестрели красные, желтые и оранжевые колпачки шатров моего лагеря, а на дорогу выходит блестящая металлом кольчуг щетинистая масса, за нею тянутся запряженные волами широкие повозки обоза.

Бобик ринулся вперед с сообщением, что мы прибыли, всем радоваться, а мы с арбогастром пронеслись к пехоте. Я с удовольствием смотрел на отдохнувших людей, довольных и загорелых, что начинают очередной марш-бросок длиной в одну-две недели.

Между лагерем и дорогой расположилась группа военачальников, наблюдают за выездом, все такие яркие и нарядные, что, когда вижу, начинает казаться, что никакая это не война, а праздник, игра, недаром же с этих времен пошло «выиграли сражение», «проиграли сражение», и это вот «проиграли-выиграли» относится как к отдельным поединкам, так и к целым кампаниям и даже всей войне, будто после окончания этой вот красочной войны все убитые поднимутся и с хохотом и шуточками пойдут вместе пить пиво и рассказывать друг другу, как классно провели время.

Бобик уже прыгает возле них, одного шута стащил на землю и валяет там. Ах да, это Палант, его Бобик

любит, Палант никогда не отказывается принимать добычу, что ловит Бобик, да еще и чешет его за такое усердие.

Ближе всех ко мне Альбрехт, как всегда подчеркнuto изящен даже в боевых доспехах, все сверкает, на гребне шлема подрагивают под порывами ветерка орлиные перья, а наплечники сияют так, что смотреть больно. Сегодня он без плаща, а конь без попоны, так что сияют оба.

Остальные полководцы — Клемент, Сулливан, Мидль, Сандорин, Макс — тоже в таких парадных доспехах, словно все кого-то женят, развернулись ко мне в линию, улыбаются, но на лицах напряженное ожидание.

Я крикнул издали:

— С коней не слезать, буду рубить головы конным в знак особых заслуг! Такого еще не было? Введем!.. Макс, ты крайний, вот и ответствуй, за время моего отсутствия какие происшествия в лагере?

Макс в изумлении широко раскрыл невинные голубые и просто дивно эльфиные глаза.

— Ваше высочество, какие могут быть происшествия, если вас нет?

— Я тебе это припомню, — пригрозил я. — Ишь, вон лыбятся, принца не уважают. Кстати, уже курпринца, но слово какое-то корявое, потому можно и опустить.

Все смолчали, озадаченные, только Альбрехт заметил ехидно:

— Ух ты, уже курпринц... То-то я смотрю, на вас какая-то странная мантия, да и эта корона, гм... Нельзя нам вас отпускать из лагеря, обязательно во что-то вляпаетесь. Но, Макс, его высочество право: не стоит такое запоминать.

Макс спросил наивно:

— Почему?

— Скоро сэр Ричард, — объяснил Альбрехт, — получит корону короля, тогда да, отметим. А это неизбежно, теперь такое и без предсказателей видно, а если кто будет спорить, тому можно плюнуть в его бесстыжие.

— Как некрасиво, — укорил я.

— Зато по делу, — сказал Альбрехт. — И вообще... дуракам можно.

— В курпринцстве, — возразил я, — свои прелести и преимущества. Никто не знает толком, что это, потому можно толковать всегда в свою пользу. От неприятных моментов увиливать, а нужное заграбастывать, да побольше, побольше!.. Что говорят разъезды Норберта?

— Крупные соединения, — доложил Альбрехт уже серьезно, — идут на юг, не останавливаясь и не поворачивая в нашу сторону. Понимаю, вам обидно, но я пока рад, что на нас не обращают серьезного внимания.

— Не видят угрозы, — вставил Макс с обидой.

— Я не честолобив, — заметил я. — Пусть не обращают подольше. Донедообращаются! Что с остальными?

Альбрехт повернулся к полководцам, Клемент проговорил солидным басом:

— Ваше высочество, я выдвинусь завтра-послезавтра, как и просил граф Максимилиан. Норберт уверяет, что для его пехоты не будет угрозы по крайней мере с неделю. А к тому времени мы пойдем уже впереди.

— Обоз?

— Из подвод только две пришлось ремонтировать серьезно, — сказал Альбрехт. — С остальными все в порядке, если не считать, что где ремни заменили, где спицы поправили. С провиантом тоже все в порядке, запас на две недели.

За их спинами послышался тяжелый вздох. Клемент и Сулливан подали коней в стороны, из-за их спин выехал на крупном муле епископ Геллерий, и тоже, как мне показалось, празднично принаряженный, даже медная цепь с крестом на груди блестит особенно ярко.

— Ваше высочество, — сказал он, опустив «сын мой» и «сэр Ричард», что означает некоторое похолодание, — а вот с этим я не согласен и весьма осуждаю! Даже от имени Вселенской Церкви.

Я спросил встревоженно:

— Что стряслось?

— Конники Норберта, — сказал он гневно и повысил голос, — забрали скот и зерно у крестьян! Это недостойно христиан. Пусть тут уже Ирам, а не Бриттия, но все равно простые люди не виноваты, что короли почему-то воюют! Они за них не должны отвечать!

Военачальники, как я заметил, ежатся, отводят взгляды, признавая вину. И хотя война должна кормить себя сама, но все-таки какие-то нормы есть, и даже когда их нет, то они все-таки есть, мы же чувствуем, что есть, и тогда определяем рамки сами.

Я бросил взгляд на их смущенные лица, мне только совестливых полководцев не доставало, это же гибель для армии, покачал головой и воскликнул патетически:

— Ваше преосвященство, но это же сделано именно ради этого же народа!.. Когда у них закрома полны, а сами сыты и пьяны, вы сами знаете, чем занимаются эти бесстыдники!.. Ну знаете же, по глазам вижу. Наша святая задача заботиться о простом люде, а для этого надо, чтобы он поменьше думал о соседских женах, а больше о душе и пропитании для семьи!

Военачальники начали вслушиваться внимательно, епископ проговорил обескураженно:

— Но ведь наши...

— Сожгли их дома? — изумился я. — Так на то, чтобы отстроить простой дом, достаточно двух-трех суток, а за неделю можно отгрохерить о-го-го какие хоромы! Но зато любой крестьянин будет делать дом с учетом ошибок прошлого строительства и новый создаст обязательно лучше прежнего, это закон арифметической прогрессии! Только так и совершенствуется строительное дело, повышается уровень мастерства и зодчества, квалификации и, в общем, благосостояние народа!..

Лица военачальников светлеют на глазах, виноватость исчезла, кто-то уже заулыбался и расправил плечи.

Геллерий нахмурился, сказал нерешительно:

— Но выгребли из амбаров и все зерно...

— Пост полезен, — заявил я уверенно. — Вы что, Библию не читали?.. Пост — это власть духа над плотью! Духа, который нам дал Господь, над животными запросами, а в них, как вам известно... известно же, по глазам вижу!.. сидит дьявол. Когда человек постится, над ним меньше имеет власти Князь Тьмы с его сатанинскими картинками голых баб с вот такими... ага, знаете!.. а сам человек больше думает о работе на завтрашний день, что безусловно угодно Господу!

— Гм, — сказал он сердито, но изрядно поколебленный моим напором неистового христианства, таким оно было лишь в первые годы времен катакомб, — вы весьма... радикальны, сын мой.

— Во имя Господа, — сказал я торжественно и перекрестился так размашисто, что он опасливо отодвинулся, уклоняясь от моей мощной длани. — Во имя славы Господней и торжества духа над плотью!

Он пробормотал:

— Во имя Господа...

Альбрехт первым воскликнул подчеркнуто благочестивым голосом:

— Во имя Господа!

— По его пути, — подхватил Сулливан.

— По его заветам, — сказал Мидль и перекрестился.

С востока начало приближаться пыльное облако, разрослось, начал доноситься тяжелый ровный гул множества копыт, но как я ни всматривался, не видел блеска металла, словно на всадниках не только доспехи кожаные, но и оружие только из дерева...

Из облака пыли показались скачущие кони, я вздохнул с облегчением, а принц Сандорин сказал горделиво:

— Я тут договорился с местными барышниками. У них, оказывается, кони получше, чем у нас в Вендове. Я пересажу своих людей, а старых поведут запасными.

— Мудро, — согласился я и добавил: — Из вас получится хороший король. Хозяйственный.

Он кисло улыбнулся.

— Просто я коней люблю. Кони... эта такая красота! Если Всевышний что-то и сделал лучше, то это он оставил для себя. Я не согласился бы пойти даже в рай, если там не будет коней.

— Конь, — сказал я, — подарок Господа.

— Мой конь, — сказал он, воодушевляясь, — всегда знает, когда я счастлив, он знает, когда я в себе уверен, он знает, когда мне хорошо. А еще он всегда знает, когда несу ему морковку.

Я посмотрел на его оттопыренный карман.

— А, вот что там...

— Не угадали, ваше высочество, — ответил он победно. — Там у меня для него сахар!

Через сутки из лагеря вышли лорды Бриттии со своими отрядами, им все кажется, что не оставят им чести и славы в боях. Остальные, в том числе конники Клемента, принца Сандорина и герцога Мидля выступили днем позже.

Я некоторое время сновал между покидающими лагерь последними, это патриоты Бриттии и, как все патриоты, они все свободное время проводят в ссорах, кто их них больше любит Бриттию, и кто больше для нее делает, потому всегда и во всем опаздывают.

Мы двигались некоторое время на северо-запад, следуя рельефу местности, потом снова свернули на запад. Здесь земли показались нам не столько побогаче, как вообще нетронутыми войной, словно королевство Ирам и есть то осиное гнездо, откуда вылетели эти смертоносные шершни войны.

Сегодня небо хмурое, низкое, тучи двигаются быстро, как стадо убегающих от хищников зверей. Люди часто поглядывали и гадали, будет дождь или нет.

Принц Сандорин едет от меня по правую руку, конь под ним уже новый, а предыдущего ведут с остальными сзади. Впереди армии, как всегда, идут широким веером конники Норберта.

Клемент, чтобы быть в курсе, что ждет его войско, то и дело выезжает вперед к Норберту. Они сдружились быстро, оба одинаково битые жизнью, побывавшие в боях, но так и не получившие ничего до тех пор, пока не попали под мою руку.

Под копытами наших коней земля Ирама, подумал я. Королевство, сосед Бриттии... А дальше Пекланд, что создает иллюзию, будто я с армией прошел ужасно много, хотя вообще-то Бриттия не больше, чем Бургундия или Анжу, которые тягались с французскими королями, отстаивая свою независимость, а то и первенство. Кстати, там же были еще Гасконь, Бретань,

Васкония, Бар, Нормандия... И везде был свой язык и свои обычаи. Та же Аквитания, кстати — королевство, была намного богаче Франции, а также королевства Нейстрия и Австразия, так что когда я говорю, что прошел Турнедо, Варт Генц, Бриттию и вот вторгся в Ирам, это не совсем то, что прошел бы Германию и Францию.

Рядом со мной грациозно покачивается в седле своего красного коня принц Сандорин, он полагает, что я должен быть окружен лицами близкого мне ранга, с другой стороны, как обычно, едет граф Альбрехт, а три герцога: Клемент, Сулливан и Мидль — двигаются во главе своих подразделений, а ко мне стягиваются только на привалах.

Палант, как и Макс, с огромным удовольствием проводит время со своими людьми, а у меня бывает только по прямому вызову.

— Ирам, — проговорил я задумчиво, — почему мне раньше всегда казалось, что по эту сторону границы все должно быть иначе? А здесь даже деревья такие же...

Принц снисходительно улыбнулся, дескать, он сам в детстве так же думал, но сейчас о-го-го какой взрослый и умный.

Альбрехт подумал, хотя над чем тут думать, сказал медленно:

— Наверное, ваше высочество, вы имели в виду границы, какие отделяют... к примеру, королевства Аганд и Сизию?

Я спросил настороженно:

— А что там?

— Там сразу видно, — объяснил он, — где проходит граница.

— Это как?

— По одну сторону один лес, — объяснил он, — а по другую... гм... другой. Иной, говоря проще. Не только тем, что по одну сторону границы он хвойный, а по другую только лиственный, а сосну или ель и с огнем не найдешь, но и звери там другие...

Я спросил с недоверием:

— И что, эти дурные звери не перебегают границу туда-сюда?

— Не перебегают, — подтвердил он. — Ну, разве что будут убегать от стаи волков, то перескочат, но потом поскорее вернуться обратно. Что-то там волшебное, вроде бы земля совсем другая.

Я пробормотал:

— Земля другая может быть без всякого волшебства. Был разлом, одна часть опустилась, другая налезла сверху... Вот и разный состав почвы... Ладно, это красиво, но я трезвый геополитик, потому лучше просветите меня насчет Ирама, по которому идем, играя арбалетом, и от кого народ прячется в лесу, хотя мы освободители... правда, пока освободим их сперва от зерна, муки и крупного рогатого с прочими мелкими.

— Ничего особенного, — ответил он, — королевство как королевство. Около сотни городов, три большие реки, судоходные, масса малых, есть озера, что богаты рыбой.

— Насчет рыбы потом, — сказал я нетерпеливо. — Военный потенциал? Экономика?

Альбрехт хмыкнул.

— Такими вопросами нужно было интересоваться до вторжения, ваше высочество. А вдруг?

— Никаких «вдруг», — сказал я. — Если Мунтвиг прошел через это королевство, то и мы пройдем. Где столица?..

— Можем пройти в полусотне миль южнее, — сообщил Альбрехт. — Но можем и зайти. Столица — Зондерсгаузен.

Принц прислушивался с интересом и уважением, спросил живо:

— Откуда вы все это знаете, граф?

Альбрехт посмотрел на него с легкой иронией.

— Мог бы сказать, что я вот весь такой умный... но я не наш сюзерен, скажу правду... конечно же, от сэра Норберта. Он впитывает, как губка, все сведения.

— Столица Зондерсгаузен, — сказал я, — до нее сколько?

— Около двух недель, — ответил Альбрехт, — если форсированного марша. А так три.

— Кто король?

— Иоанн-Георг Гехинген, — ответил он, и я ощутил, что он все-таки рисуется как памятью, так и знаниями. — Двое сынов...

— А дочь? — потребовал я.

— Взрослой нет, — ответил он с усмешкой, — соболезную, ваше высочество. Есть только малышка не то пяти, не то десяти лет.

Я вздохнул с облегчением.

— Ишь, соболезуешь... Людовик Четырнадцатый, великий король, как-то мудро заметил, что ему было бы легче примирить всю Европу, чем нескольких женщин. Потому это благо, что у него нет взрослых дочерей.

Альбрехт посмотрел на Сандорина за поддержкой.

— Однако, ваше высочество, вот и принц полагает, что вам вполне можно вступить в брак даже с пятилетней. Династические браки это позволяют с отсрочкой консумации до совершеннолетия...

Я вздохнул и, не отвечая, послал Зайчика в стремительный галоп, нагоняя далекого Норберта.

Часть 3

Глава 1

С Норбертом рядом едут Клемент и Палант, Клемент потому, что с Норбертом много общего в судьбах, да и характерами очень похожи, а Палант за отсутствием Растера жадно тянется к старшим и бывалым, у которых можно чему-то поучиться.

Заслышав стук копыт, они повернули головы и тут же остановили коней. Я махнул рукой, дескать, продолжаем путь, поинтересовался:

— Какие новости?

Норберт ответил почтительно:

— Ваше высочество, по весьма достоверным данным, король Ирама признал Мунтвига императором, выплатил ему дань и снабдил конницу фуражом. Однако, насколько удалось выяснить, людей в его армию не дал, хотя это и не афишировалось, чтобы не сердить Мунтвига. Так предположил сэр Клемент, я склонен с ним согласиться.

— Осторожная позиция, — сказал я.

— Правда, — добавил он, — с Мунтвигом, что естественно, все же ушло немало горячих голов.

Палант сказал сердито:

— Искать приключений в богатых южных странах, добывать славы и чести. Как же, добудут!

— Понятно, — сказал я. — Значит, земли Ирама — полунейтральные земли. Грабить будем, но умеренно.

— А насиловать? — спросил Палант с умеренным интересом, выдавая воспитанника доблестнейшего сэра Растера.

— Насиловать тоже, — объяснил я, — но не как побежденных, а просто как попавшихся под руку и настроение. Мы даем шанс королевской власти Зондерсгаузена держаться с нами точно так же, как с Мунтвигом.

— Откупиться фуражом?

— Это тоже возьмем, — согласился я. — Мы не жадные, мы хозяйственные. Но будем на всякий случай подчеркивать, что просто идем мимо. Хоть и через их земли. Умеренно опустошая, но ничего личного, просто такое время. Что еще?

Палант посмотрел на Норберта, тот ответил сухо:

— Часть баронов Ирама заперлись в замках и крепостях, — доложил он, — часть приняла власть Мунтвига. Некоторые даже приняли участие в его походе. То же самое, как докладывают разведчики, в Сакранте и Пекланде, потому Мунтвиг идет почти беспрепятственно, предавая огню сопротивляющихся, но их не так уж и много.

— Ни одно королевство, — поинтересовался я, — на его пути не желает стоять насмерть?

Палант сказал с возмущением:

— Куда делся рыцарский дух!

— Рыцарский дух у рыцарей, — напомнил я, — но не у королевств. Сэр Норберт?

— Да, — подтвердил он. — Короли либо присягают самозванцу, объявившему себя императором, либо отводят армии в крепости и рассчитывают, что Мунтвиг уйдет далеко на неведомый юг, а там с ним что-нибудь да случится.

— Вы с ними уже пытались войти в контакт?

Он кивнул.

— Да, мои разъезды забираются вперед очень далеко. Бароны встречают их с недоверием, обычно отвечают отказом. Никто не желает давать войска в ваше распоряжение, ваше высочество.

— Ну да, — буркнул я, — я для них такой же Мунтвиг, а не освободитель от мунтвиговщины.

— Дикие люди, — сказал Клемент.

Я посмотрел с подозрением, но его лицо совершенно серьезно, да и вообще Клемент достаточно прост и честен, это не ехидный Альбрехт.

— Место для ночлега?

— Отыскали, — сообщил Норберт. — Рядом лес, река, коней можно пустить на выпас. Пусть и не откормятся, так хоть поваляются на молодой травке.

— Прекрасно, — сказал я. — Вечером все ко мне в шатер на брифинг.

К вечеру похолодало так, что возле шатра и почти по всему лагерю разожгли костры, а внутри у входа запылали два факела, согревая воздух.

Я расстелил на столе большую карту, военачальники почтительно ждут, стоя вдоль стен.

Я ткнул пальцем в отмеченный мной квадратик.

— Зондерсгаузен, столица Ирама. Нам придется чуть скорректировать свой путь, чтобы пройти ближе. Заходить не обязательно, да и вряд ли пустят, а нам не до осад по дороге.

Герцог Мидль поинтересовался:

— Тогда какова цель изменения маршрута?

— Король будет сговорчивее, — ответил я. — Нам не помешает пополнить запасы. Да и дань можно взять.

Альбрехт обронил:

— Но мы же хотим выглядеть освободителями?

— Ну да, — ответил я, — но почему не взять плату за освобождение! Счет дружбе не помеха, дорогой граф. Кто не воюет сам, тот платит тем, кто его защищает.

— Ах да, мы же защитники.

— Еще какие, — сказал я строго.

Он покосился на молчаливых военачальников, те слушали внимательно, но пока не раскрывают рта, речь о какой-то политике и взаимоотношениях, лучше уж подождут, когда начнем рассматривать положение войск при разных вариантах столкновения с большими массами противника.

— Ваше высочество, — сказал он задумчиво, — мы прошли достаточно далеко, но до сих пор у нас не было серьезных сражений.

— Вам хочется показать себя в бою? — спросил я.

Он фыркнул.

— Просто мне это кажется странным.

— А мне вот ничуть, — ответил я бодро.

— Почему?

Я кивнул на карту.

— А посмотрите... просто прикиньте, как бы шли вы, граф. Во-первых, по самым богатым и плодородным землям, как же иначе! Второе — от богатого города к другому богатому. То есть зигзугами. Именно в таких местах нас и ждет настоящее сопротивление. А топавшие в сторону юга армии противника там остановились и аж ножками сучат в нетерпении. Уже наготове, изождались. Не очень мощные, правда, но все равно пришлось бы ломать их с немалыми потерями для нашего состава.

Он посмотрел на карту, как курица, наклоня голову то направо, то налево.

— Да, — согласился он, — мы прем весьма прямо. Это сбивает с толку, согласен. Но почему они тогда,

получив известие, что мы прошли мимо другими дорогами, не пускаются вдогонку?

— Недооценивают, — сообщил я. — Благодаря стараниям сэра Норберта наша численность держится в тайне. Более того, запускаем слухи, что нас вдвое меньше, чем на самом деле...

Он кивнул.

— Ну да, а еще выучка наших ребят превосходит все, что у них есть.

— Как и доспехи, — сказал я безжалостно, — луки, пики... В общем, они уверены, что нас все равно перемелют там, в глубинах их империи. Потому, видя, что мы прошли мимо, просто снимаются с лагеря и продолжают свой путь на юг, где надеются дойти как минимум до Большого Хребта.

Он покачал головой.

— Только бы Меганвэйл и Зигмунд не подкачали. В таких масштабных сражениях они еще не участвовали!

Клемент кашлянул и сказал твердым голосом:

— Зигмунд не сдвинется с места!..

Я сказал кисло:

— По сведениям от Лиутгарды, Зигмунд выдвинулся вперед и сам наносит удары.

— Зато Меганвэйл, — заметил Норберт, — очень опытный полководец и участвовал не просто в масштабных сражениях, но и с боями вел всю армию королевства Варт Генц на Турнедо, ломая сопротивление прекрасно вооруженной и обученной армии Гиллеберда... Он устоит!

Епископ Геллерий, что неизменно присутствует на таких советах, обронил ревниво:

— Не забывайте, там войска всего Варт Генца!.. Верховные лорды Хродульф, Хенгест, Леофриг и Ме-

ревалдь костями лягут, но не пропустят врага в свое королевство!

— А еще там армия Вендоваера, — напомнил я, — армия Шателлена, там доблестнейший сэр Растер с несокрушимыми троллями, там наш друг Геллермин... все верно, справятся. Давайте лучше подумаем о своей шкуре. Что из себя представляет король Иоанн-Георг, кто знает?

Они переглянулись, затем взоры разом обратились к Норберту.

Он развел руками.

— У меня полевая разведка, а не дворцовая. Все, что мы знаем, что король Иоанн-Георг вообще-то тиран. Он жестоко подавлял оппозицию, в его тюрьмах всегда полно народу, а уж казни по его указам вошли в поговорку.

Альбрехт пробормотал:

— Я не против тиранов, вон наш принц еще какой гад, но как-то терпим же?

Палант возразил наивно:

— Так с ним же побеждаем!

— Вот-вот, — сказал Альбрехт нравоучительно, — а у этого Иоанна-Георга одни поражения. Тиран — это хорошо, когда он прав, да еще когда он наш, не так ли?

Сулливан уточнил:

— И когда он победитель, это еще важнее. Что скажете, ваше высочество?

— Хорошего вы обо мне как бы мнения, — буркнул я. — Но граф Альбрехт прав, население предпочитает жизнь в тепле и сытости, чем в бедности и непонятной демократии. Потому мы и пойдем к победе гуманной автократии и либерального тоталитаризма, чтобы народ жил в безопасности!

— От кого?

— От внешнего влияния, — ответил я твердо. — И закордонного разложения наших целомудренных нравов.

— От внешнего... а от внутреннего?

Я сказал громче:

— А внутри только я!.. Меня можно не опасаться, я свой. Если и удавлю кого, то ввиду государственной необходимости. Ничего личного! Только для Отечества, которого нет, но которое, как я уже сказал, будет как-нибудь в отдаленном, но смутно зримом будущем. В общем, пока выводы отложим до более близкого ознакомления с Ирамом и этим тираном Иоанном-Георгом. Палант прав, тираны вообще-то не имеют права на существование, если они не ведут народы от победы к победе во славу!

Глава 2

Этой ночью я снова ушел птеродактилем под облака и, пока набирал высоту, размышлял, что мне вообще-то везет насчет магии. Обычно у моих противников ее поменьше, но это объясняется тем, что маги вообще не спешат на службу королям, если, конечно, настоящие маги, а не какие-то недоучки или неудачники.

Настоящие в королях не нуждаются, потому и мне как-то не удастся поставить себе на службу хоть малость стоящих. Вот даже в Гандерсгейме, где я разрушил их источник магии, и то не хотят идти на службу. Приходится их как-то хитростью приучать к научным исследованиям.

Единственное, в чем преуспел, это сам нахватал, но здесь тоже везение ни при чем. Просто я восприимчивее, быстрее схватываю принципы, как что может работать, а как и не стоит пытаться. Ну и еще, конечно,

как бы это сказать точнее, способность древних вещей... или нет, не вещей, а общей защиты от дурака признавать меня более взрослым... в смысле, срабатывать в моих руках и в то же время оставаться мертвой железкой в руках жителя этого мира.

Потому, видимо, вот идут грандиозные сражения, однако совершенно не вижу применения мощной или хотя бы заметной магии, колдовства, чародейства, хотя в нужном месте и в нужный момент могли бы в каких-то случаях решить даже исход отдельно взятого сражения.

Правда, на такие случаи за всем бдят священники и монахи, но, думаю, дело в другом. Жизнь идет сама по себе, а магия по себе — потому что любому из нас по нашей человеческой сути жаждется понимать, что именно и зачем мы делаем. Мы должны видеть причину и следствие, так что науке быть и развиваться, это как бы развитие нашего «я», а магия и непонятна, и сложна, и сами маги, достигнув хоть какой-то малости, тут же перестают служить даже королям, они сами себе короли, и начинают служить только себе.

Что, мелькнула мысль, вообще-то сделал бы любой разумный человек.

Я мерно, но мощно взмахивал крыльями, поддерживая постоянную скорость. Слабого света звезд вполне достаточно, внизу проплывает холмистая равнина, дорог не видно, городов почти нет, мир Ирама населен не слишком уж...

Ага, вон наконец-то Зондерсгаузен, достаточно крупный, но даже сверху видно, что провинциальный. Можно представить себе, какие остальные города. Все-таки столица обычно располагается в самом крупном, самом защищенном и самом богатом из городов.

Я даже не стал делать круг над городом, здесь пока все ясно, дальше потянулась тонкая нитка дороги, в

свете луны ее отчетливо видно по характерному блеску от вытоптанной земли. Иногда она исчезает в незримости даже для меня, но все-таки выныривает снова, хорошо, а дальше будет Пекланд, хотя сверху вряд ли увижу четко прочерченную по земле жирную красную линию...

Если провести армию слева от столицы, что значит южнее, то вскоре упремся в высокие, даже слишком высокие горы. К счастью, не горная гряда, загораживающая путь, а некое гнездо гор, где основания слились, а сами они сплотились так, что хочется назвать их соплеменными.

Армия пройдет справа или слева, там видны дороги, но меня интересует, что там дальше, когда минуем эти чертовы горы, как же не люблю эти бесполезные и непригодные для жизни образования...

Я пошел напрямик, земля подо мной резко поднялась, деревья постепенно становятся мельче, наконец вовсе сменились кустарником, а потом и тот исчез, только редкая трава и слабенькие цветы торчат из расщелин.

Над головой проносятся орлы, чего это они ночью, но я все набирал высоту, через некоторое время все пернатые остались внизу, а горы все растут, наконец вот они, вершины, уже можно увидеть, что там за ними дальше, вроде бы покрытые травой долины, нет, это леса с такой высоты...

Перед глазами внезапно и так резко возник призрачный замок, что я от неожиданности перестал махать крыльями, провалился в воздухе, едва не сев гузом на острый пик скалы.

Не замок, даже крепость, сверкающая и необычная, словно вырезанная из одного куска льда, лучи солнца просвечивают наискось, рассыпаясь мириадами искр...

Я отчаянно и вразнобой работал крыльями, поднялся выше, но моргнул, и крепость тут же исчезла, словно кожистая перепонка глаза стерла ее напрочь.

Крылья мои наконец перестали трепыхаться, я завис в одной точке и начал всматриваться снова так и эдак, вертел головой, наклонял, пробовал смотреть краем глаза.

Крепость возникла словно сама по себе, я вроде бы ничего особенного и не делал, чудовищно огромная, с башнями по периметру, что делает ее похожей на огромную корону, венчающую эти горы...

Я оглянулся на легкий шум сзади, но это порыв ветра прозвенел о скалистый выступ, но когда снова обратил взор к дивному видению, там пустота, чистое темное небо с холодными звездами, благо все тучи ниже.

— Что за... — пробормотал я. — Так не бывает...

Некоторое время всматривался до рези в глазах, нет, только звездное небо, даже перистых облаков нет, посмотрел вниз, там темно, и только если начать всматриваться, начинаешь различать холмы и темный лес, похожий на лесное болото.

Обернувшись, на какой-то миг снова увидел эту чудовищно огромную крепость, но тут же она исчезла... нет, не совсем, но подрагивает и вот-вот сгинет, если я не приложу усилий...

Я приложил, хоть и не знаю как, просто сосредоточился, всмотрелся и представил, как вхожу в нее и там осяиваюсь.

И она появилась, возникла, налилась вещественной тяжестью. Я поспешно повернул крылья под углом и пошел к виднеющимся в стене воротам.

Каменистая площадка перед воротами покрыта толстым инеем, воздух зимний, я сразу ощутил, что здесь чуть ли не стратосфера.

Поспешно обратившись в человека, я подошел к воротам, все кажется мертвым, однако даже вблизи стены выглядят так, словно вырезаны из алмаза, размером с астероид. Ворота покрыты толстым снежным узором, похожим на длинный мех полярного медведя.

Выждав чуть, я ударил в ворота ногой и прокричал:
— Эгей!.. Гость в дом, бог в дом!

Ворота не раскрылись, но обе створки чуточку отодвинулись одна от другой, словно отъехали по незримым полозьям. В щель полыхнул яркий свет, настолько чистый и радостный, что я даже не зажмурился, а вбирал его всем существом, словно это чистая энергия.

А еще оттуда пахло теплом, я наслаждался им, а в щель неспешно вышли один за другим четверо воинов в серебристой одежде, все высокие, мне примерно по переносицу, но тонкие и непристойно стройные, а доспехи настолько хороши, что выглядят облегающей одеждой. Шлемы странно цельные, не вижу даже отверстий для глаз и дыхания, не понимаю, как видят и слышат, но явно смотрят на меня неотрывно.

Они по двое встали по обе стороны ворот и застыли.

— Ага, — сказал я, — значит, с вами здороваться бесполезно... Щас появятся те, что рулят?

Ворота дрогнули и раздвинулись шире. Свет озарил, как мне показалось, весь мир, стало еще теплее. Я увидел там дальше несколько человеческих фигур, все абсолютно одинакового роста, доспехи скрывают все тела и лица.

Один вышел ко мне, я чувствовал, что изнутри шлема смотрят изучающие глаза.

— Ты хочешь войти? — раздался звонкий чистый голос, который мог принадлежать только ребенку, молоденькой девушке или... эльфу.

— Меня зовут конт Астральмэль, — сказал я. — Я из лесного племени, что обитает в Большом Эльфийском

Лесу, правит нами королева Синтифаэль, Рожденная из Солнца и Света. И рад приветствовать своих горных собратьев!

Эльф продолжал смотреть на меня в упор, затем обеими ладонями коснулся шлема в районе ушей, и тот моментально опустился мелкими кольцами и превратился в изящный воротник, а я уставился в самое совершенное лицо, какое только видел... и какое только можно представить.

Лесные эльфы показались бы рядом деревенскими простаками, лицо этого преисполнено гордыни и величия, узкое и удлиненное, высокие скулы приподнимаются к вискам, нос тонкий, как на гравюрах, а кожа показалась блее снега.

— Заходи, — произнес он звенящим, как ручеек, голосом. — Будь... гостем.

Я шагнул в проход, ворота сдвинулись быстро, едва не прищемив мне задницу, так что мой собеседник явно остался проверять мои следы на предмет, один ли я прибыл или там сзади крадется целая армия.

Переход из темной ночи, где только луна и звезды, в сверкающий мир света, ошеломляющий, и я, оказавшись во внутреннем дворе, сперва торопливо осматривался, не сдвигаясь с места, так можно не заметить и яму под ногами.

Колоссальные стены крепости напоминают вставшие дыбом отвесные горы, а вершины остроконечных башенок вообще теряются в звездной черноте неба.

— Обалдеть, — проговорил я. — Это же... невероятно. Эту крепость должны увидеть... ну, скажем, охотники! Неужели они не забредают сюда?

— Сюда не забредают, — раздался мелодичный голос.

Справа из блистающей искрами незримости вышел эльф, за ним еще один, похожие настолько, что даже мать их наверняка путает.

— Но могут увидеть снизу, — возразил я.

Второй эльф сказал надменно:

— А ты сразу увидел?

Голоса их звучат нежно и музыкально, и хотя это те же эльфы, что и в лесу, но отличаются, как скандинавы от папуасов, как ростом, так и величием манер.

— Ну, — проговорил я медленно. — Значит, вы — горные эльфы?

Они переглянулись, первый сказал:

— Мы эльфы. Меня зовут Анарендил, а это мой друг Элендил. Нам поручили встретить тебя и распрощать.

— Надеюсь, — сказал я, — без допроса третьей степени?

Они снова переглянулись.

— Что такое третья степень?

— О, — сказал я довольно, — так вы совсем еще нецивилизованные? Это прекрасно. Я тоже, кстати, ди-карь. И как вы здесь устроились?

Еще когда прошли через ворота, я удивился, что под ногами добротный дубовый паркет вместо булыжника или каменных плит, но, похоже, хоть над головой звездное небо, но вряд ли на этот пол хоть когда-то падал ливень или сыпал снег.

Огромная площадь, где высятся роскошные деревья, одни с фруктами, другие только-только цветут, а некоторые убраны в багрянец осени, листья от золотистого цвета до темного пурпура, вдоль дорожек с обеих сторон цветущие кусты, через один осыпаны ягодами...

Музыку я услышал, еще когда распахнули ворота, а теперь с обеих сторон успокаивающе шелестят фонта-

ны, на лицо освежающе пахнуло мельчайшей водяной пылью.

Ноздри жадно ловят массу утонченных запахов, цветов здесь великое множество, ароматы наползают друг на друга и создают непередаваемо прекрасные гаммы...

Я осматривался с глупо распахнутым ртом, едва расслышал слова Анарендилла:

— Подожди здесь.

— С удовольствием, — ответил я. — Если ночью здесь так светло, то что днем?

Он не ответил, повернулся и, словно зашел за невидимую стену, исчез полностью, а я не стал рисковать с тепловым зрением, хотя, возможно, увидел бы, в какую сторону пошел.

Элендил вздохнул, затем просто растворился в воздухе. На этот раз я торопливо перешел на тепловое, небольшой багровый силуэт удаляется от меня через площадь наискось.

— Теплокровные, — пробормотал я, очень довольный, что их волшебство мне по зубешкам, и вообще я такой орел, — прямоходящие... Остальное неважно. Человек — это звучит гордо эдакой красивой медью, а все остальное вообще не звучит, хоть тоже бей обухом в лоб.

Анарендил вернулся достаточно быстро, но мне показалось, несколько смущен, хотя такое трудно предположить, глядя на этих горных, исполненных такой гордыни и высокомерия, что сам Сатана показался бы праведником.

— Тобой займется позже, — сказал он равнодушным, но все равно прекрасным и музыкальным голосом.

— Ах, — воскликнул я, — какое горе! Как переживу?

Он надменно сморщил нос.

— Если ты и эльф... что сомнительно, то весьма примитивный, так что ничего с тобой не случится.

— А вдруг? — спросил я. — Тут же все не так... как надо, я ж потеряюсь!

— А ты знаешь, — спросил он насмешливо, — как надо?

— Конечно, — ответил я с апломбом. — Эльфы моего уровня всегда все знают! Как взвэпэ поднять, как вылечить, жабыи шкурки опустить...

Он кивком указал в сторону.

— Иди вот за этим... он укажет тебе, где помыться.

Да я вроде бы не через болото лез, вертелось у меня на языке, но ладно, все-таки это лучше, чем стоять здесь и ждать, когда чем-то занятые люди, э-э, эльфы, выкроют для меня время, вроде бы у них тут дел не-впроворот.

«Этот» оказался, на мой непросвещенный взгляд ценителя, таким же эльфом, но, видимо, рангом пониже, однако всячески подчеркивал, что я совсем уж грязная обезьяна из дремучего леса и ему даже идти со мной рядом противно, потому все время ускорял шаг, как только я к нему приближался, уж и не знаю, в чем таком нехорошем меня подозревал. Так мы прошли по краю площади с дубовым паркетом, там дальше роскошная арочная дверь.

Мы прошли под аркой, я раскрыл рот от неземной красоты открывшегося зала, в самом деле безумно красиво и даже прекрасно, сердце болезненно заныло, никогда мы к такой даже не приблизимся, это же другие глазищи надо иметь и другое чувство соразмерности...

За ним еще, еще, и каждый богаче и роскошнее предыдущего, да что там роскошнее, это слово в этом изумительном мире прекрасного ничего не значит...

Наконец подошли к массивной двери, что сама распахнулась предупредительно живо. Эльф покосился на меня, но я сделал вид, что у нас в каждой крестьянской хате такие, да еще и усыпанные бриллиантами с кулак взрослого огра размером.

Он нахмурился, проговорил сухо:

— Это ваши апартаменты. Ждите, когда за вами придут.

— Хорошо, — ответил я, он повернулся уходить, я сказал одобрительно: — Комнатка ничего так. Чистенько вроде... А клопов нет?

Двери перед ним распахнулись, я выждал немного после его ухода, подошел сам, но металлические половинки даже не шелохнулись

— Ну и не надо, — пробормотал я. — Подумаешь, краденые технологии...

Весь полоток залит ровным светом, потому ни факелов, ни светильников, за аркой видна еще комната, а за нею еще. По-видимому, мои апартаменты включают в себя несколько комнат. Ну как в хорошей гостинице: комната для приема гостей, комната для работы и комната для сна.

Я прошелся по всем трем, повеселел от своей гениальной догадки, в последней как раз и находится огромная кровать, где резвиться можно целой бригадой. Здесь тот же набор ковров, пиястров, полуколонн, мозаичный потолок, картины на стенах, огромные каминь, где жарко полыхает пламя, а поленья уже рассыпались на багровые угли, похожие на крупные рубины.

Два непривычно огромных окна выходят на площадь, но на ту часть, где паркета и не видно из-за многочисленных деревьев, кустов и клумб с роскошнейшими цветами.

Глава 3

Я выглянул из крайнего, подоконник с этой стороны широк, а с внешней идет карниз еще шире, то ли для голубей, то ли для орлов, я бы тут даже кормушку поместил, всегда птичек подкармливаю, но кормушки не видно, как и птичек... даже совсем не засрано, ну да это понятно, эльфы дикие чистюли...

Можно по этому карнизу перебраться вон к тому окну, если не смотреть вниз, а через него попасть в другую комнату. Вдруг там двери не заперты...

Уже начал взбираться на подоконник, потом хлопнул себя по лбу с заторможенными мыслями. Этим гордецам не позволю называть себя идиотом, но сам-то могу, я же временами достаточно критичен, даже по отношению к себе, настолько гениальному, что иногда могу побыть и дураком как бы в порядке компенсации.

Торопливо повернул кольцо Хиксаны Дэйт, еще раз быстро зыркнул по сторонам, стараясь услышать даже приближающиеся из-за угла шаги, хотя эльфы двигаются почти бесшумно, а спина моя уже уперлась в стену.

Там не подалось, я повернулся, напер плечом, однако стена и не подумала впускать чужака. Я сосредоточился, не помогает, проверил, так ли повернул кольцо, но уже начал с тревогой соображать, что втиснуться не получается, что-то здесь не так, а стены какие-то особенные и даже странные.

Пошупал кончиками пальцев, приложил ладонь, что-то чувствуется в них непростое, то ли это некий живой организм или псевдоживой, то ли это не камень и вообще не материя... ну, скажем, спрессованное время или овеществленное пространство в виде кирпичей из темной материи. Нет, даже из темной энергии...

На всякий случай попробовал усиленно вдавиться в пол, хотя и так ясно, что не получится. Если бы вышло со стеной, я бы одновременно погружался под действием гравитации и в пол, а раз в стену никак, то и пол для меня в любом случае тверже всего, что существует во вселенной.

— Ладно, — прошипел я зло, — вот так возьму и сразу сдамся!.. Будто эльф какой-то зашуганный... Мы, эльфы, никогда не сдаемся! Кроме тех случаев, когда сдаться можно...

Окна во внешних стенах широченные, я прошелся вдоль, пока вышел к самому дальнему. Вид открывается обалденный, только почему-то там не горы, а удивительно мирный пейзаж с живописным лесом, речкой с обрывистым берегом, испещренным темными норами и вылетающими оттуда ласточками, что стремительно носятся над водой и хватают комаров.

Я выждал, пока голоса в коридоре отдалились, быстро вскочил на подоконник и ринулся вперед. Если низко, то разве что ушибу ноги, а высоко — успею распустить крылья...

...меня отшвырнуло, будто я ударился о стену крепости. Не удержавшись, замахал руками, свалился на пол и тут же услышал перестук каблучков, кто-то испуганно вскрикнул, словно на серебряной трубе проиграл мелодию:

— Ой, а он здесь на полу... лежит!

Я повернулся на бок, на меня в великом изумлении смотрят две эльфийки, явно молодые, хотя здесь молодость длится по несколько сотен лет, обе безумно прекрасные, с удлинненными к вискам глазищами, высокими скулами и полными, но не слишком, губами, только лица у обоих снежно-белые.

— Лежу, — ответил я мрачно, — мыслю. А что?

Одна удивленно открывала и закрывала пухлый рот, а вторая спросила озадаченно:

— Здесь? На полу?

— Настоящий эльф мыслит везде, — ответил я твердо. — Если не считать, конечно, когда с женщиной. А спит у костра, положив под голову седло.

— А что такое седло?

Я медленно поднялся, делая недовольный вид, оторвали великого мыслителя от глубоких размышлений.

— Как вас зовут, леди?

Одна сказала, словно пропела:

— Меня — Туилиндэ, а мою подругу — Куэ.

— Ага, — сказал я, — ласточка и голубка, если я правильно перевел с лесного эльфийского. Ну вот, птички мои, мне сказали, что здесь где-то ванная или хотя бы душ, хоть хиленький, но что-то в упор не вижу.

Они переглянулись, веселые и чистенькие, как рыбки, хоть и птички, Туилиндэ прошебетала:

— Это же рядом!

— Где? — спросил я.

Она повела рукой, половина стены, что отделяет от второй комнаты, стала прозрачной, там образовалась достаточно просторная ванна, сразу же наполнилась водой.

Я ахнул.

— Дикость какая... Вы все еще вот так моетесь?

Туилиндэ смолчала, озадаченная, а ее подруга чиркнула:

— А как... иначе?

— Мы создаем для себя озера, — заявил я твердо. — На перманентной основе!.. Ибо это священный обычай, чтобы с берега, а в воде обязательно широкие листья кувшинок с большими важными жабами, что наблюдают внимательно и следят, дабы все было по правилам. А здесь... я даже не знаю, как тут... Птички, вам

придется помочь! Иначе вы опозорите всю нацию эльфов грубостью и невоспитанностью!

Они переглянулись, Туилиндэ сказала обеспокоенно:

— Ну, если так надо...

Я вздохнул с укором, снял рубашку и посмотрел на них требовательно.

— Вот так вы принимаете гостей?

Они бросились стаскивать с меня штаны, запутались, не сообразив, что сперва нужно стащить сапоги, в конце концов справились, а я переступил край ванны.

Вода сразу приняла меня настолько ласково, что и не вода вовсе, а не то мед, не то сметана или некий гель...

Я вздохнул с удовольствием.

— Можете начинать мыть со спины. А там подскажу, если что-то недопоймете.

Чистый и вымытый, я сидел с ними, при всем своем дичайшем высокомерии крайне любопытными, и медленно сосредотачивался, пытаюсь сотворить самые изысканные сорта мороженого, это же мой конек, я его обожал, потому и помню все сорта и все оттенки..

— Ты герой, — звонко чирикала Туилиндэ, — но... непонятный. Ты не эльф, но ты увидел наш город! А его могут увидеть только высокородные эльфы.

— Я эльф, — возразил я. — Только вы допотопные, старинные, ортодоксальные, а я новый, передовой, весь из себя прогрессивный. Вы — старое доброе время, на которое мы все ссылаемся, но живем с удовольствием в моем времени.

Она смотрела с недоверием, как перед нею появляется мороженое сливочное, потом фруктовое, шоко-

ладное, затем со всякими орешками, тертыми и дроблеными, а когда вазочек набралось с дюжину, она попробовала из первой и счастливо охнула:

— Это бесподобно!.. Что это за дивное лакомство?

— Пусячок, — ответил я небрежно, — в наших краях его все едят.

— Не может быть! — вскрикнула она.

— Посмотри на меня, предложил я, — и увидишь, я реку правду. Все жрут, даже простолюдины. Так что ради одного мороженого вам стоило бы выйти из этого гетто... Но я не уговариваю, нет! Это ваше внутреннее и как бы суверенное дело, прости за это устаревшее слово в эпоху набирающего силу глобализма... пока медленно набирающего, но я вижу в будущем такой разгон, что нынешние войны покажутся детскими шуточками... Ты лопай, лопай! Это вам обоим за участие в нашем обязательном ритуале знакомства.

Куэ прошептала в экстазе:

— Я никогда-никогда ничего подобного не пробовала!

— А что можно попробовать при таком добровольном апартеиде? — возразил я. — Нет, я не агитирую, я выше этого, я вообще всего выше, как всякий... ну да ладно, но это как бы вот!..

Они продолжали чирикать и за мороженым. Я узнал, что все необходимое для себя создают с помощью магии, но я бы не сказал, что это много, так как крепость сама заботится о себе: незримости, ремонте и освещении, как заложили в древности строители, а сами эльфы создают только еду.

А вся их умопомрачительная изысканность, как теперь чувствую, всего лишь за счет очень долгой жизни. Думаю, даже если самых простых крестьян поместить в условия изобилия и дать им вечную жизнь, постепенно и они начнут усложняться, старые грубые шутки ус-

тупят тем, что поновее и потоньше, а следующие будут еще тоньше...

Я вообще-то не знаю, почему город-крепость признал меня, то ли это я сам такой замечательный, то ли этот жидкий доспех подал тайный сигнал, то ли одно из колец или браслетов на моих передних конечностях, но вот я чувствую, что и он меня чувствует...

Вдали, словно на краю горизонта, появился эльф, вроде бы Анарендил, а то и вовсе Элендил, двигался медленно, но приближался быстро, а когда остановился перед нами, я понял, что совсем не Анарендил и даже не Элендил.

Эльфийки прошебетали в один голос:

— Ах, Исилендил! Этот лесной эльф угостил нас таким дивным волшебством в ответ на обязательный ритуал знакомства по правилам их лесного племени...

Эльф, моложавый и подтянутый, но я сразу ощутил ту пропасть лет и даже веков, которые отделяют его от этих двух щебечущих пташек, посмотрел на обеих с растущим подозрением.

— Что за ритуал? — потребовал он. — Ладно-ладно, не отвечайте... А ты, странный гость, следуй со мной.

— Наконец-то, — сказал я. — А то все детский сад... А им точно исполнилось больше восемнадцати?

Он посмотрел на меня свысока.

— У нас нет никого моложе ста лет.

— Слава Великому Дубу, — сказал я с облегчением. — Сразу отлегло... Пойдем к новым свершениям. И, надеюсь, новым знакомствам.

Он вздернул подбородок, красиво развернулся, я подтянул штаны и пошел за ним. Эльфийки, слышу их безмятежное хихиканье, идут следом.

Мы прошли через три зала и оказались в таком, что показался бы чудовищно и безобразно огромным... будь в нем люди, но здесь странная гармония как в

расстановке мебели, так и цветовой гамме паркета и гобеленов, что, как дивные цветы, тщательно подобранные лучшими дизайнерами, уходят вдаль, где становятся почти неразличимы у дальней стены.

Стены подпирают полуколонны, красиво выступающие из почти солнечного света, настолько огромные, что их можно бы принять за башни, если бы не уходили на такую высоту, что теряются из виду.

Глава 4

Проступили два ряда бесконечно длинных столов, и хотя сверху льется чистый яркий свет, я не рассмотрел, где столы заканчиваются, и не увидел дальней стены.

Музыка слышится то справа, то слева, но я не увидел музыкантов, за столами уже сидят празднично одетые эльфы. Я тряхнул головой, сбрасывая наваждение. Ничуть не празднично, это у них обыденная одежда, это же высокородные горные эльфы, о которых в легендах говорится как о самых древних и некогда могущественных повелителях мира.

Эльфы разговаривают между собой, смеются, звонкие голоса то журчат дивной мелодией, то взрываются серебряным кличем фанфар, я понимал слова, но почти не улавливал смысла, чувствовал себя крестьянином пушкинских времен, попавшим на банкет профессоров факультета по генетике.

И хотя разговор веселый, но шуточки слишком отточенные, из которых остались только отдельные слова, всем известные слова, а мне пришлось бы рассказывать все с самого начала, что опять же скажет о моем низком уровне...

Исилендил вел меня медленно вдоль ряда кресел, иногда эльфы поворачивались и что-то спрашивали у

моего провожатого, но большинство были заняты словесным фехтованием, упражнениями в остроумии, а он прислушивался к чему-то, однажды ускорил шаг и уже уверенно подвел меня к единственному свободно-му месту в длинном ряду.

— Садись, — велел он.

— Спасибо, — поблагодарил я снисходительно. — Эх, не умеете придвигать...

Моим соседом справа оказался высокий эльф с белым, как снег, лицом и белыми волосами, даже глаза совершенно белые, не самое приятное зрелище. Лицо изысканно холеное, а высокомерное настолько, что все остальные за столом выглядят в сравнении с ним свойскими ребятами.

Слева женщина, у меня дух захватило от ее неземной красоты, глаза огромные, но не кажутся такими из-за присущей эльфам удлинённости к вискам, ресницы длинные, изогнутые и пушистые, точеный нос и бесподобно вырезанные губы...

Я чуть не отпихнулся локтем, когда эльф справа произнес серебряным голосом, в котором ни намек на тепло:

— Я Верховный Наблюдатель Гамандил. Стражи сказали, к нашему миру прилетела большая неопрятная птица, похожая на горгулью, но исчезла за камнями, а потом примерно в том же месте появился ты... странный человек, называющий себя эльфом

Я поинтересовался:

— Вы намекаете, что это прилетел я?

Он высокомерно усмехнулся.

— Это неважно. Никакое человеческое колдовство, даже самое могучее, здесь не действует. Во что бы ты ни захотел превратиться, у тебя не получится.

Я возразил:

— Колдовство? Фу, как низко! К чему бы я стал прибегать к нему? Мы, благородные лесные эльфы, сосредоточие и мудрость мира, самые великие и замечательные, прекрасно обходимся без таких мелочей.

Он рассматривал меня с презрительным интересом.

— Ого, какой апломб!

— Он оправдан, — ответил я гордо. — Мы — самые великие эльфы.

— Тем, что живете в Лесу? — спросил он насмешливо. — Где грязная трава, листья, червяки, насекомые... И, кстати, как ты стал эльфом?

— Через аменгерство, — ответил я честно. — Когда мой соратник конт Астральмэль пал, я по долгу аменгера взял его жену, а теперь по праву сорората еще и сестер жены. Теперь у них есть дети, род моего друга не угас, но я остался верным эльфом, и Ее Величество королева лесных эльфов Синтифаэль, Рожденная из Солнца и Света, умело использует мои таланты и возможности...

Он спросил без заметного интереса:

— Возможности? Какие возможности человека могут заинтересовать эльфа?

— Я конт у лесных эльфов, — сообщил я скромно, — однако практически король у людей.

Эльфийка, что слева, пропела нежнейшим голосом:

— Ах, конт... Это так интересно! Король, подумать только... И что же вы можете предложить интересное? Кстати, меня зовут Иримэ.

— Интересное, — сказал я, — пусть идет в жопу, им объелись. Могу предложить полезное.

Она вздрогнула чуть, но тут же заулыбалась снова.

— Правда? Что же?

— Выход эльфов из изоляции, — сказал я серьезно. — Изоляция не есть весьма прекрасно. И не совсем, если подходить творчески и креанистически,

уместна в отдельно взятых случаях в ряде интересных районов.

Она произнесла серебряным голосом:

— Но ведь лесные эльфы... фу...

— Лесные, — сказал я, — согласен, живут намного проще и беднее горных. Однако же у нас, лесных, взрыв пассионарности! Мы начинаем выходить из привычной вам изоляции и с непривычной эльфам эльфийностью вторгаться в жизнь этих, как их, ах да, жизнь людей!

Гамандил, что внимательно прислушивался и за это время не проронил ни слова, поинтересовался оскорбительно вежливо:

— Это как?

— Эльфийка из лесного племени по имени Лалаэль, — сказал я скромно, но со злорадством, — стала обожаемой королевой в королевстве Ламбертиния! Королевстве людей, это я вам для доступности. У нее огромный дворец, ей прислуживают сотни слуг, стражей и придворных. У нее свои фрейлины, в ее распоряжении все бриллианты, драгоценные камни и прочие сокровища короны. Еще одна эльфийка, Ричэль, ведет огромную армию людей на могучую империю Мунтвига. Ну это наши внутренние развлечения, как вы понимаете, войны, сражения, сожженные города... Вы любите смотреть в огонь костра? Так вот это огонь побольше.

Гамандил несколько повысил голос, что, как я понимаю, у горных эльфов признак то ли сильнейшего недоверия, то ли чрезмерного волнения:

— Эльфийка ведет армию людей в бой? Что за чушь?

— Не чушь, — ответил я с достоинством, — такова правда. Разумеется, не сама лично ведет, лично можно вести небольшую группу или отряд, а вести армию ей

помогают испытанные полководцы и военачальники из числа людей, но вы бы видели, как ей услужливо подает в постель фрукты самый огромный, свирепый и грозный из них, герцог Клемент!

Иримэ поинтересовалась так живо, что заблестели не только глазки, но и кончики ушей.

— Прямо... в постель?

Я ответил с небрежностью:

— Да, она его держит при себе для различных удовольствий. Всяких, разных. Не знаю, как у вас, вдруг уже партеногенез, у нас он только иногда, как вот родился великий пророк Иисус... Мы — лесные, у нас здоровый и прогрессивный матриархат, так что да, дюк Клемент всегда при ней, но ему это весьма нравится. Люди — странные существа, даже самые могучие рыцари там служат женщинам, называя их дамами сердца...

Гамандил молчал, лицо все такое же непроницаемо надменное и высокомерное, но я чувствовал, что в отличие от большинства бесечно веселящихся эльфов он как раз из тех немногих, кто хотя бы время от времени думает об этом племени.

— Ты старше всех? — спросил я и, не дождавшись ответа, сказал тихо: — Так и думал.

Он спросил кичливо:

— Почему?

— Не знаю, — ответил я, — сколько у горных эльфов длится детский возраст, но у меня такое чувство, что здесь еще не доросшие до взрослости...

В его лице нечто изменилось, я мгновенно сориентировался и закончил:

— ...а также впавшие в детство из-за старческого слабоумия.

Иримэ испуганно охнула, а Гамандил проговорил зловеще спокойно:

— На чем вы... впрочем, это неважно. Почему вам так хочется вывести эльфов из спасительной для них изоляции?

Иримэ замерла в ожидании моего ответа, после которого точно разразится буря, а я ответил твердо и посмотрел на Гамандила ясными глазами патриота:

— Потому что эльфы — это не нация и не раса! Вернее, не вид, это идея!.. Идея красоты, гармоничности, музыкальности и соразмерности бытия. И люди могут стать эльфами, если сумеют выползти из своих нор и подняться до ваших прекрасных высот изящества и культуры, но и эльфы могут опуститься до людей... и даже троллей, если...

Со всех сторон и даже с той стороны стола зашумели, заговорили, я даже не думал, что к нашему разговору прислушивается столько народу, ну и уши у них, сам бы не отказался вот так все слышать в любом шуме, но лица у всех из белых, как снег, становятся розовыми, признак сильнейшего гнева, я нанес им тягчайшее оскорбление, вот-вот разорвут, несмотря даже на то, что я не простой эльф, а высокородный конт, и потому повысил голос, почти заорал:

— Этого никогда не случится, это немыслимо, я знаю! Но говорю в философском смысле абстрактных истин сферического вакуума, к которым вы весьма зело приемлемы! Я говорю о самой идее эльфизма, обдумайте. Такой увлекательной игры у вас еще не было! Обдумайте все ее возможности.

Гамандил сказал с угрозой:

— А также и опасности.

— И опасности, — согласился я с нажимом, — но возможности перевешивают! Стократно!.. Я-то в эту игру играл и... выигрывал!

Одна из эльфиек проговорила надменно:

— Невелика честь быть даже королевой среди людей. Я бы не согласилась на такую унизительную роль.

— Да, — сказал я, — вы совершенно правы, это не удовольствие и не развлечение. Это работа. Работа по усилению роли эльфов! В данном случае, лесных эльфов. Правда, это еще и удовольствие... Причем огромное! Люди, которых вы презираете... и за дело презираете, при всех своих отвратительных качествах обладают одним удивительным достоинством: они выживаемы. Ваш дворец закрыт магией, и его очевидно не затронет дьявольская мощь Маркуса, вы тут же опустите его на новые вершины гор, как уже не раз делали, а люди при катаклизмах гибнут почти все... однако через некоторое время уцелевшие общины снова заселяют мир и начинают теснить уже и эльфов!

Гамандил сказал холодно:

— Как они смогут нас теснить? Мы не в лесу, который можно вырубить, хотя я и не представляю, как это люди могут сделать даже там.

Я сказал с горечью:

— Отсидеться не удастся!.. Люди сперва селятся в долинах, все верно, но затем переплывают океаны и заселяют дальние острова. Более того, с какой-то дури лезут на самые высокие горы, хоть и прекрасно знают, что там нет ничего!

Иримэ проговорила с недоумением:

— Это мы уже заметили...

Еще одна из эльфиек спросила:

— Но... зачем?

— Не знаю, — огрызнулся я. — Да это и неважно!.. Точно так же, обдирая в кровь пальцы, обмораживаясь и терпя невероятные лишения, добираются до Северного полюса и до Южного... ну, это такие места на земле, где ничто не живет и не может жить из-за люто-

го холода. Так почему же вы полагаете, не доберутся до ваших теплых гнезд?

— Но не добрались же?

— Доберутся, — пообещал я.

Гамандил сказал презрительно:

— Они об этом пожалеют.

— Простите, — сказал я, — что говорю неприятные вещи... но люди упрямы. Да вы и сами могли это заметить, раз уж наблюдаете за ними. Как только они поймут, что на вершинах гор что-то есть, они будут стремиться сюда. И сколько бы их ни гибло, в каждый следующий раз они будут подготавливаться лучше. И однажды...

Я умолк, но они хмурились и ждали окончания фразы, наконец Гамандил спросил резко:

— И что однажды?

— Сумеют войти в вашу крепость, — ответил я тихо. — Во множестве. И с оружием.

Перед нами на стол опустили словно из воздуха, я даже не видел кто, широкие блюда с жареными рябчиками и совсем уж мелкими птичками, вроде воробьев. Их крохотные коричневые тушки аппетитно громоздятся горкой на широком блюде.

Изысканные вина, но вся изысканность, на мой взгляд, в вычурных бутылках из настоящего темного стекла, а вино так себе, хотя для тех, кто не пробовал лучшего, это шедевр...

Я напрягся, уставился перед собой на стол привычно бараньим взглядом. Там медленно появился изящнейший фужер на тонкой ножке, из тончайшего стекла и такой прозрачный, что стекла почти не видно.

Иримэ и вторая эльфийка ахнули, а я сказал мирно:

— У нас, лесных эльфов, пьют из прозрачного стекла, чтобы видеть всю красоту благородного вина.

Они, замерев, смотрели, как наполняется фужер, а я создал еще два сразу с вином и подал их Иримэ с подругой. Первый фужер предложил Гамандилу.

— Отведайте, что обычно пьем мы, местные

Они пробовали осторожно, заранее кривились и морщились, а другие эльфы за ними наблюдали заинтересованно и уже обменивались шуточками насчет реакции.

Гамандил потреблял медленно, анализируя, однако обе эльфийки припали, как бабочки к нектару, и пили мелкими частыми глотками, ахая и закатывая глаза.

Иримэ, выловив длинным языком последние капли, воскликнула:

— Вино... бесподобное! А еще не пойму... как удается делать стекло таким... бесцветным.

— Как? — изумился я. — Оно и должно быть таким прозрачным! А дальше окрашивают по желанию.

Она спросила непонимающе:

— По желанию?

— Ну да!

— То есть, — уточнила она, — можешь окрашивать в любой цвет?

— Запросто, — ответил я. — Как два пальца... ушибить. А что... ах да, теперь вижу, у вас все кубки, чаши и бутылки темно-зеленого цвета... Я думал, это у вас такая мода.

— Что такое мода?

— Это когда сегодня все носят такие одежды, — объяснил я, — говорят такими словами, едят именно эти блюда, а завтра всем нравится совсем другое, и мир меняется.

Она странно посмотрела на меня.

— Но это характерно для людей...

Я ощутил опасность, сказал небрежно:

— Мы, лесные эльфы, отыскиваем у людей все самое интересное и перенимаем... иногда. Для игры. Изменчивость жизни — это так увлекательно!

Она задумалась, мне показалось, что в дивно роскошных глазах мелькнула странная печаль.

Гамандил опустил на стол пустой фужер очень осторожно, но не выпустил его из руки. Мне показалось, что любитесь тонким прозрачным стеклом, однако вовремя опомнился и произнес сухо:

— У вас, как вижу, еще не произошло разделение...

— Какое? — любопытствовал я.

Он ответил с вежливой оскорбительностью:

— На высших и... слуг. Когда-то все у нас были способны создавать еду и вино. Но намного важнее было поддерживать жизнь и существование нашей крепости, нашего существования, и наиболее сильные занимались этим. А слабые продолжали создавать пищу...

— Понятно, — сказал я. — Давайте догадаюсь, они и сейчас создают пищу, стирают и вообще содержат крепость в блеске, а вы...

— Все верно, — согласился он милостиво и с таким видом, что удивлен, как это я вообще могу сосчитать пальцы на одной руке. — А мы занимаемся крепостью. Она вбирает рассеянную в воздухе магию, поддерживает тепло и жизнь растений с животными, кроме того, крепость должна быть по-прежнему незримой для всех... кроме эльфов, разумеется. Потому все так удивились, когда вы ее обнаружили, и не сразу решили, впускать вас или...

— Спасибо за доверие, — сказал я.

Он покачал головой.

— Рано благодарите.

— Мне кто-то не верит?

— Никто не верит, — ответил он. — Я в том числе.

Глава 5

Я посматривал на их лица, внешне абсолютно невозмутимые, и чувствовал, что загадку им подбросил еще ту. Сегодня же призовут слуг, что те же эльфы, будут требовать, чтобы те вспомнили секреты создания дивного вина, которым я угошал, и этого необычного и просто волшебного лакомства, которое называю мороженым. Ага, пусть вспоминают!

Конечно, это не козыри, но все-таки можно шелкнуть по носу этих надменных снобов, а как отказаться от такого удовольствия?

Я был уверен, что это невероятный пир по какому-то особому случаю, но Иримэ безмятежно сообщила, что ничего подобного, это просто обед, это всегда так.

Гамандил добавил с холодной усмешкой:

— Вечером соберутся еще и на ужин. Точно так же. У нас так, смертный.

Я поинтересовался:

— А что это за обращение такое? Вы что, бессмертные?

Он кивнул, и я только рот распахнул, как глупая рыба, когда он ответил спокойно и даже без рисовки:

— Разумеется.

— Ого, — сказал я ошалело, — ничего себе... Так вы вообще должны рулить миром! А вы в такой весьма нелепой изоляции!

Он сказал с неохотой:

— Бессмертность и неуязвимость не одно и то же. Нас легко ранить, а умираем мы быстрее, чем вы, люди. Видимо, наш народ слишком много тысяч лет жил без войн, у нас нет ничего для сражений, мы умеем создавать только еду и... всякое для уюта.

— Это вы умеете, — согласился я. — У вас так здорово! Так бы и остался.

Он посмотрел на меня прямо.

— А ты хотел бы уйти?

— Разумеется, — ответил я без всякой охоты. — Долг! Мы, как муравьи, обязаны строить великую пирамиду Царства Небесного. Это такой дворец, как у вас, но только на все человечество... даже на весь мир, чтобы и кузнечики в нем были счастливыми.

Иримэ слушала внимательно, ухватила меня за руку.

— А вечером еще и карнавал! Ты будешь там... ну, интересным.

— Клоуном? — догадался я. — Ну-ну.

— Ты уже интересный, — заверила она.

Гамандил коротко усмехнулся и пошел к другим эльфам, идеальнospинный, с прямыми плечами, длинными седыми волосами, что настоящее серебро, блестящее и вымытое.

— Этот Гамадрил, — спросил я тихонько, — у вас самый старший?

— Гамандил, — поправила она. — Имена мужчин заканчиваются всегда на «дил»...

— Знаю-знаю, — заверил я, — а женские на «мэ». И вообще твое имя означает «красивая»...

Она изумилась:

— Откуда ты знаешь?

Я отмахнулся.

— Да моя башка какой только хренью не забита. Можно, я не пойду на карнавал?

— Тебе нечего надеть? — догадалась она. — Ничего, вот смотри...

Она выставила перед собой ладони, прошептала нечто и закрыла глаза. От ладоней вверх пошел зеленый свет, а спустя несколько секунд в луче этого света начали медленно падать, как снежинки, крупные кристаллы изумруда.

Очень медленно распахнула изумительнейшие глаза, у меня сердце дрогнуло от восторга, а Иримэ слегка пошевелила пальцами. Между ними появились слабо поблескивающие нити. Кристаллы, остро блестя безукоризненными гранями, все так же медленно, словно в воде, опускаются и опускаются, задевая нити, натягивая их, заставляя отвисать под своей тяжестью.

Я молча наблюдал, как формируется довольно хитро устроенное ожерелье. Через минуту в руках эльфийки уже три длинные нити ожерелья, провисшие красивыми дугами от одной ладони к другой,

— Восхитительно, — сказал я, на восторги скупиться не следует, уже понял, людям это льстит, а у эльфов усыпляет настороженность. — Бесподобно!.. Это просто невероятно...

— Настоящие изумруды, — заверила она самодовольно. — Чистейшие!.. Правда, созданы магией, потому если не подпитывать, через пару дней испарятся, но это неважно! Их создают обычно перед балом, праздниками, карнавалами, маскарадами, так что у тебя теперь есть эти украшения на карнавал...

— Это даже лучше! — воскликнул я. — Можно всегда делать что-то новое! И всегда свежее!

Она самодовольно улыбалась, но у меня создалось впечатление, что хотя ожерелье всякий раз создается и заново, но всегда одно и то же. К примеру, изумруды получаются, а вот рубины вряд ли. Или их делает кто-то другой.

— Приходите, — сказала она милостиво. — Впрочем, я сама за вами зайду.

— А вы знаете, где я буду? — спросил я.

Она в изумлении вскинула брови.

— Конечно!

— Ух ты, — сказал я радостным голосом, но по внутренностям подул холодным ветром. — Это здоро-

во, я как бы счастлив... Иримэ, а вы можете поработать на все человечество и принести ему огромную пользу, побыв некоторое время гидом... в смысле, получше ознакомить меня с вашими обычаями, традициями, обрядами, ритуалами... нет-нет, никаких военных секретов или промышленного шпионажа, я даже не буду пытаться вас завербовать в разведку, просто я в таком восторге от этой волшебной крепости и вообще горного эльфизма, высшей разновидности простого или, как говорят ученые, вульгарного эльфизма!

Она ответила в некотором затруднении:

— Ну, это я могу...

Я не стал показывать, что вижу Гамандила, что подходит к нам в завесе незримости, но эльфы, как понимаю, не догадываются о возможностях теплового зрения, и когда он разом вышел из нее, я сделал вид, что ах как удивился и даже поразился.

— Твое предложение рассматривают, — сказал он с великим изумлением и посмотрел на меня так, словно я все еще червяк, вдруг заговоривший человеческим голосом. — Ты... удивил.

— Это я могу, — согласился я. — А когда рассмотрят?

Он пожал элегантно узехонькими плечами.

— Кто знает. Это длится иногда годами, иногда столетиями. Мы бессмертны, привыкли не торопиться.

Я охнул.

— Годами? Да тут и рассматривать нечего! Минуты много!

Он поморщился.

— Тебе куда торопиться?

— Как куда? — спросил я. — Меня ждут.

Он посмотрел с непонятным злорадством.

— Ты все еще не понял?... Ну еще бы, ты же человек... Увы, тебе придется здесь остаться навсегда. Во

всяком случае, до того момента, как наши решатся выйти из изоляции, как ты называешь нашу прекраснейшую жизнь...

Холод охватил мое тело, даже внутренности превратились в лед. Я чувствовал, как кровь отхлынула от моего лица, и видел, как Гамандил поглядывает то на Иримэ, то на меня — с победной улыбкой, явно наслаждаясь унижением жалкого человеческого существа.

— Интересные у вас бывают решения, — проговорил я перехваченным горлом. — Очень даже...

— Ты будешь счастлив, — сказал он непререкаемым голосом, выходя из незримости. — Конечно, будешь низшим среди слуг, однако и это неизмеримо выше, чем быть даже королем среди людишек!

— Ну да, — сказал я, — ну да... Подумать только, как мне дико повезло.

— Не забывай благодарить, — сказал он наставительно.

— У меня с собой нет денег, — сказал я и пояснил: — Мелких.

Он поморщился.

— Дикарь. Даже не понимаешь, что твои обязанности будут достаточно почетными.

— Ура, — сказал я.

— Ты будешь жить при кухне, — сообщил он. — И готовить для высших эльфов самых изысканные блюда, которым тебя научили в твоём мире.

— Как же мне повезло! — сказал я с чувством.

Когда он удалился, Иримэ сказала с сочувствием:

— Давай я проведу тебя по залам этого крыла, потом тебе придется на кухню... но если справишься быстро, то можешь успеть еще и на карнавал!

— Буду стараться, — пообещал я, — как я могу жить без карнавала?

Она посмотрела очень серьезно.

— Да, — прошелестел ее милый голосок, — это было бы ужасно...

— Буду стараться, — заверил я.

— Пойдем, — сказала она, — вот этот зал, смотри, так отделан в честь великой встречи Лаирендила и Анкалимэ...

— Друга Солнца, — перевел я, — и Ярчайшей?

— Ты быстро схватываешь, — сказала она с одобрением. — С них началась третья династия горных эльфов, как нас иногда называют, но мы предпочитаем старое название — Благородные Эльфы.

Я шел за нею следом из зала в зал, где она показывала всякие диковинки, большинство из которых просто эльфийские редкости, памятники старины, уже потому необыкновенно ценные, но некоторые в самом деле такие, что я насторожил уши, как конь, когда слышит, как ему насыпают отборный ячмень: волшебная раковина, которой можно призвать корабль-призрак; крохотная клетка, размером с наперсток; вделанный в стену большой блестящий агат, где в глубине можно увидеть существ, живущих в колодцах, а также еще более опасных, что приходят с дождем...

— Здорово, — сказал я восторженно, — только что за зверей можно поймать в такую клетку? Микробов?

Она не поняла, что это за звери, звонко расхохоталась.

— Ты еще не понял?.. В нее можно поймать любого! Хоть огра, хоть дракона... Стоит только бросить в него!

— И что?

Она улыбнулась моей дурости.

— Клетка, как только коснется зверя, тут же подстраивается под размеры! И тот оказывается за прочными прутьями.

На этот раз я в самом деле разинул рот.

— Это же... до чего же здорово!

— Это еще не все, — ответила она хвастливо. — У нас всего полно в других залах. Но тебе пора идти на кухню... Нет, давай покажу еще вот то зеркало!

В трех шагах под легким покрывалом высится некий мольберт на растопыренных ножках. Иримэ сдернула покрывало, оно легчайшим облачком взвилось в воздух, открыв мутную поверхность массивного зеркала, а потом долго падало на пол.

Зеркало сильно тронутое временем, стекло или что там вместо него настолько вышло из строя, что ничего не видно, кроме сизого тумана, словно на него изо дня в день попадали брызги пены, застывали, а отмыть никто и не подумал.

— И чё? — спросил я. — Священная реликвия старины?..

— Священная, — произнесла она. — Нравится?

Я ответил дипломатически:

— Да, среди тех, кто восхищается стариной, у меня даже были приятели...

— Это непростое зеркало, — произнесла она. — Оно пришло к нам от великой эпохи Древнего Переселения.

— Само пришло?

Она поморщилась.

— Примитив.

— Ах да, понял, — сказал я. — Ну, не сразу понимаю, я тугодум местами. Сейчас я думаю тем местом, где туго. В смысле, туго, даже натужно думается. Это зеркало только как археологическая редкость?

Она покачала головой.

— В нем можно увидеть все места, где побывал.

— Ух ты, — сказал я пораженно, — это здорово. А остальное покрыто «туманом войны»?

Она переспросила:

— Каким туманом?

— Ну, — ответил я, — это такой термин. Военный. Из военного ремесла, чтобы понятнее, но все равно не все поймут из нового поколения, как мне чувствуется... И что надо, чтобы увидеть?

— Ты ничего не узришь, — отрезала она снисходительно, — ты же не благородный эльф.

— А что видите вы?

Она равнодушно пожала плечами.

— Горы. Горные вершины. Да и то не вершины, а так... камни вокруг крепости. Мы очень давно никуда не выходим. Никто не выходит, это опасно.

— А-а, — сказал я, — тогда это просто реликвия. Ценная! Потому что древняя. Почти тутанхамонья. А что у вас еще есть для туристов?

Что за туристы, она не поняла, но по моему тону и наглой морде понять несложно, потому нахмурилась и сказала величественно:

— Думаю, здесь все для тебя, человек, дивно и необычно.

— Так и думайте, — одобрил я, — это хорошо, так и нужно для хорошего пищеварения и цвета лица. Ну, я пойду на кухню? Там мне тряпочку уже постелили?.. У порога?

Глава 6

Вступив под своды кухни, как в пышный храм, я понял, что эльфы ничего не признают, кроме залов, разве что варьируют их в размерах и пышности отделки.

Десятки поваров трудятся над тем, что создают изысканные блюда и напитки, но никаких кипящих котлов, жаровен, даже привычных запахов варки и жарки нет и в помине.

Ко мне обернулись почти все, все слуги, потому их лица еще высокомернее, чем у хозяев, нужно же дать понять этому человеку, что он вообще пыль и грязь под их ногами.

— Ребята, — сказал я громко, — мои возможности, увы, ограничены. Могу создать не больше десяти порций своего волшебного мороженого, а потом превращаюсь в выжатую тряпку до следующих суток.

На их лицах ничто не изменилось, только главный, как догадываюсь, шеф-повар, поинтересовался надменно:

— Сейчас готов?

— Да, — ответил я.

— Начинай.

Я с облегчением перевел дух, мое заявление приняли как должное, наверняка потому, что и у них получается примерно так же, а то и того меньше, не зря же на кухне целая толпа, иначе все творил бы один человек.

Все оставили свои блюда и наблюдали, как на столе появляются одна за другой порции мороженого. Я дышал все тяжелее, а на десятой порции схватился за сердце, застонал и пошел к двери, охая пожалобнее и цепляясь за стену.

К моему разочарованию, никто не бросился лечить или хотя бы поддерживать, и я, поругивая индивидуализм, вот тролли, те бы окружили заботой, коллективисты в натуре, вышел в холл, огляделся и чуть более уверенной походкой двинулся дальше, в любой момент все равно готовый сбледнуть и ухватиться за мое такое чувствительное сердце мыслителя и поэта.

Музыка слышится отовсюду, я наострил уши, выбирая направление, откуда громче, пошел, как большой крыс на дудочку Крысолова, и через два зала вышел в нечто сказочно прекрасное, не зал, а целый мир с порхающими под сводами некими существами, если

это не миражи. А внизу перемешивается цветной калейдоскоп танцующих, гуляющих, флиртующих, все в ярких костюмах, у многих на лица прицеплены изящные полумаски, а некоторые и вовсе держат их в руках, укрепленными на изящном резном прутике, и время от времени прикладывают к глазам, якобы на это время становятся неузнанными.

Меня заметили, но лишь одарили холодными взглядами, лишь одна эльфийка живо порхнула ко мне навстречу, сияющая и смеющаяся. Я узнал издали Иримэ.

Она держит в руке золотую полумаску на тонкой и богато украшенной рукояти, и хотя я ее уже увидел, однако подняла руку и посмотрела на меня сквозь прези, дескать, теперь я прекрасная незнакомка...

Раньше я никогда не понимал этой хрени, когда муж на маскараде не узнает жену и начинает к ней клестись, ага, как же не узнает, если это жена, да он ее по походке, голосу, по губам узнает, по зубам, которые показывает в улыбке, по носу, который маска не закрывает... Да от меня хоть в паранджу спрячься, как это не узнать?

Но теперь вижу, что это всего лишь игра, муж должен делать вид, что не узнает жену, а знакомые тоже делают вид, что впервые видят друг друга, это чтоб... ну, не знаю даже, но что-то в этом есть, только мне как-то непонятное, мне, как и Ваньке Морозову, чего-нибудь попроще и чтоб не меньше третьего, ну пусть второго размера.

— Астральмэль, — пропела она укоризненно, — ну что вы молчите? Скажите что-нибудь!

Остальные засмеялись высокомерно, как же, что человек может сказать, сейчас начнет мэкать и бэкать, тужась выдавить изысканность, но это будет так неуклюже, что потешаться можно будет весь вечер...

Одна из эльфиек поинтересовалась:

— А он все сделал на кухне?..

— Он онемел, — сказала вторая. — Человек, скажите что-нибудь!

— Вы бесподобны, — сказал я лихо. — Разрешите вам впендюрить?

Улыбки медленно сползли с их лиц, а те вытянулись еще больше, надменности не поубавилось, зато появились растерянность и сильнейшее разочарование.

Гамандил, что за дурное имя, я всякий раз удерживаюсь, чтобы не назвать его гамадрилом, все слышал, хотя и находится чуть ли не на другом конце зала, каким-то образом оказался тут же рядом.

— Разве, — произнес он надменно и с высокомерием императора эльфов, — у вас, людей, за это нельзя получить по морде?

— Можно, — ответил я так же лихо. — Но можно и впендюрить!..

— Человек, — произнес он с таким отвращением и даже тоской, что я догадался, все верно, можно. Какими бы эти дамы ни были надменными и высокомерными, но что-то частенько графские дети бывают похожи на их конюхов, а я сейчас действую в прямой и честной манере поручика без всяких выпендренов, а это победная стратегия, недаром же будущее за демократией конюхов и кухарок, а всем эльфам и рыцарям предстоит исчезнуть, как вообще всему благородному.

Я улыбнулся Иримэ.

— Как видите, леди, я вполне способен поддерживать изящную беседу на должном уровне.

— Да, — проговорила она и ухитрилась при ее росте посмотреть на меня свысока, — люди... очень интересные животные.

— Я вам понравлюсь, — пообещал я.

Она отступила на шаг.

— Развлекайтесь, конт. А я пока развлекаюсь со своими друзьями по-своему.

Я поклонился, глядя, как она моментально растворяется в толпе танцующих. Гамандил исчез еще раньше, вокруг меня свободное пространство, словно никто не решается переступить карантинную зону.

Поулыбавшись и выразив свой восторг, я потихоньку отступил, прошелся по залам, выбрав небольшой, но зато пустынный, присел и торопливо представил, что превращаюсь в дракона. Огромного и могучего дракона, такие летать не могут, но всей массы, закованной в чудовищно толстые плиты костяных доспехов, хватит, чтобы проломить стены этой крепости.

Мгновения летели, я не ощутил даже головокружения, не то чтоб потери памяти, как всегда происходит, повертел головой, я стою в странной и смешной позе на четвереньках, дуюсь, кричу, вспотел даже, но что-то не идет...

От дверного проема раздался веселый голосок:

— Конт, что с вами?

В комнату вошла и быстро приближалась ко мне эльфийка. Я узнал Туилиндэ. Веселая и с румяными щечками, что так удивительно для эльфов, но теперь я уже знал, что это признак крайней молодости, а потом все обретают благородную бледность.

Я медленно поднялся, стараясь не показывать, что меня поймали на горячем, пробормотал:

— Это... ритуальное...

Она широко распахнула огромные прекрасные глаза.

— Ритуальное?

— Ну да, — ответил я недовольно. — Мы, лесные эльфы, молимся Великому Дубу, как его дети, потому что все мы малость дубоватые, а кое-кто и не малость,

это скромно я о себе... Не хотите ли помолиться вместе?

Она отпрыгнула, щеки зарумянились еще сильнее.

— Ой, ни за что! Мне и так влетело, что тогда... ну, за те ваши местные ритуалы знакомства.

Я сказал огорченно:

— Это они зря. Всевышний доминантом назначил человека. Хотя и предостерег, чтобы не становился на пути у носорога и беззащитной эльфийки.

— Ах как интересно! А почему вы не на маскараде?

— Плохому танцору, — сказал я скромно, — мешает то, что помогает хорошему. Я решил, что лучше в руках синица, чем крокодил в... ладно, тоже в руках, потому потихоньку смылся.

Она потихоньку отступила еще на шаг.

— Значит, на маскарад вы не идете.

— Увы, — сказал я, — и на балы тоже. Но вы меня не забудете, прелестная леди Туилиндэ?

Она ответила милым щебечущим голосом:

— Что вы, конт... Я вас и не запомню!

Я скорбно вздохнул, поклонился и развел руками. Она звонко расхохоталась, взмахнула широкими рукавами и упорхнула, похожая на яркую молодую бабочку.

В дракона, долбилась мысль в черепе, не получается, потому что материал, из которого сложена крепость, не дает себя вовлечь в процесс трансформации! Можно бы попробовать в птеродактиля, для этого хватит простого преобразования моего тела, но что это даст? Птеродактиль просто убьется о стену, а ее даже не поцарапает.

Хотя, по зрелом размышлении, и в дракона было глупо и даже рискованно. Кто знает, как повел бы этот загадочный материал, вовлеченный в простой процесс превращения в мое тело.

И главное, что было бы со мной?

Волшебное зеркало снова под покрывалом, я прислушался, вроде бы все сейчас на карнавале, быстро приподнял ткань и начал всматриваться в мыльно-серо-сизую поверхность.

Ничего не происходит, я паялся, не моргая, наконец в глазах началось жжение, и тут донеслись приближающиеся голоса и женский смех.

Я торопливо вернул покрывало на место. Смех приближается, но я бегом успел проскочить под дверную арку напротив и затаиться там за стеной.

В зал вошли двое, но, к счастью, прошли насквозь, я проводил их взглядом и на цыпочках вернулся.

На этот раз зеркало реагировало точно так же, но в какой-то момент мне показалось, что там что-то изменилось. Я взялся обеими руками за раму и чуть повернул к свету.

Мыльная поверхность пошла рябью, проступили странные очертания, но снова приближающиеся голоса, теперь уже целая группа веселящихся эльфов.

Я торопливо повернул зеркало обратно, как и стояло, набросил покрывало и выскочил в другую комнату.

Весь следующий день я вспоминал, что же там увидел, но самое близкое, это как вроде бы мшистое болото далеко внизу, но таким видится густой лес с большой высоты. Например, птеродактилю...

Сердце колотится, старинное зеркало в самом деле работает, показывает что-то. И хотя я не определил, что увидел, но все-таки картинка, а эта ушастая дура уверяла, что только эльфы, да еще не простые, а эльфы из эльфов, высокорожденные и все такое.

Череп разогрелся и потрескивает от суматошных мыслей, все решает одну задачу, как отсюда смыться, но пока что в голову лезут только глупости, может

быть, и самые гениальные, в этом я всегда был особенно хорош, но сейчас как-то хотелось бы для разнообразия и что-то простое, но применимое.

Пересмотрел все кольца, парочку, что от Хиксаны, даже не знаю, может быть, и простые, хотя тогда должны бы выглядеть драгоценными, а так слишком рабочее... еще от нее же браслет, свойств не знаю, если они и есть, и браслет Иедумэля...

Я торопливо начал поворачивать оба кольца, в какой-то момент перед внутренним взором появилась картинка Эльфийского леса, но снова, Великий Дуб бы их побрал, веселые голоса и даже песня, хотя, должен признаться, просто прекрасная, моя мохнатая душа взвыла от тоски, что сам не могу вот так...

В зал вошла Иримэ, с нею трое самцов с задранными мордами, холодные и высокомерные, даже смех их звучит аристократически. Иримэ сразу поинтересовалась:

— Астральмэль, ты все сделал на кухне?

Я поклонился.

— На сегодня все, моя госпожа. За ночь мои силы восстановятся... даже и для магии, так что можете на меня рассчитывать.

Она поморщилась.

— Ты просто будешь выполнять определенные обязанности.

— Я об этом мечтаю, — заверил я. — Представляете, всю жизнь мечтал! А тут р-р-раз — и обломилось счастье. Да такое, что в руках не удержишь. Большое и скользкое. Как вон та рыба на стене, только живая.

Иримэ покосилась в ту сторону, сказала недовольно:

— То не рыба, а великий Кундарендил, основатель этой крепости!

— Жаль, — сказал я огорченно, — а я думал, рыба. Вот что значит искусство! Думаешь, рыба, а там земноводное, двоякодышащее. Неисповедимы пути символизма! Это для высших эльфов, понимаю и смиряюсь...

— Это хорошо, — сказала она строго. — Не только мне понравились все те штуки, что ты делал!.. Продолжай служить так же усердно, а через какое-то время тебя переведем в старшие слуги!

Я сказал растроганно:

— О, для меня это такая честь, такая честь, что я сейчас расплачусь от высоких и даже возвышенных чуйств!.. Вот уже показалась скупая мужская слеза, я ее прямо вот-вот выроню...

Она сказала с высокомерной теплотой, как если бы похвалила собаку, нет, собаку — слишком высоко, домашнюю крыску:

— Все хорошо, конт! Ты на правильном пути!

— Спасибо, госпожа, — сказал я и бросил украдкой взгляд на арочный проход в комнату, где под покрывалом укрыто зеркало Древних. — Мне тоже начинает казаться, что все, что делает Великий Дуб, он делает к лучшему.

Она поправила:

— Только не Великий Дуб.

— А кто? — спросил я.

— Великий Кристалл, — пояснила она снисходительно, — бесконечный источник могущества! От которого образовались горы, а когда с них ссыпались камешки, из них образовалась земля, а на ней потом выросли все ваши Великие Дубы и Великие Раковины...

— А что за раковины?

Она отмахнулась.

— Да были еще и морские или речные эльфы, уже и не помню. Главное, в начале был Кристалл!

— Запомню, — ответил я почтительно. — В начале был Великий Кристалл... А его нет, случайно, в замке? Просто посмотреть, я такой любознательный, такой любознательный...

Она презрительно сморщила губы.

— Дурачок.

И ушла, величественная и прямая до самой поясницы. За нею, не удостоив меня взглядом, удалились двое самцов, но третий остался и поинтересовался:

— Я слышал, вы уговаривали выйти из нашей благородной изоляции... интересное предложение. Но... зачем?

Надменный и высокомерный, как и остальные, но, возможно, это как мундир, который обязывает, в остальном чем-то отличается, даже голос несколько в ином тембре.

— Вам в самом деле это интересно? — спросил я.

— Мое имя Карандандил, — сказал он, — у меня хватает времени и для интеллектуальных игр воображения. Потому я честно попытался представить, как мы спускаемся с высоких гор в грязь долин... и что нас там ждет?

— Мир изменился, — напомнил я, — а вы нет. И хотя люди всякий раз поднимались из подземелий и начинали свой мир заново, а вы уже были такими, какие есть... но мне кажется, люди всякий раз проходили путь от дикости и до нового прилета Маркуса все быстрее и быстрее...

Он спросил так надменно, как я не разговаривал бы даже с червяком:

— И что?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Вы все века и даже тысячелетия видели, что люди неизмеримо слабее вас и глупее. Но люди развиваются очень быстро... А вы?

Он сказал пренебрежительно:

— И что? Где твое развитие? Да, ты умеешь творить дивные кушанья... но ты все равно слуга. И останешься слугой.

— Знаете, — заметил я, — в истории людей есть случай, когда целый народ рабов сумел не только удрать из самого могущественного в то время королевства, но обобрал их за ночь и унес все золото, все драгоценные камни и вообще все украшения...

Он спросил с сомнением:

— И что, тех беглых рабов не поймали?

— Лучше бы и не ловили, — сказал я многозначительно.

Он надменно поджал губы с самым оскорбленным видом.

— Отсюда убежать невозможно.

— Все когда-то впервые, — ответил я мирно. — Но если это случится... ваше королевство ждут большие перемены!

Он расхохотался.

— Ты забавен, слуга. И так очаровательно пугаешь и так серьезен! Но я разочарован.

— Почему?

— Я ждал более серьезных доводов.

— Я упрощал для доступности, — объяснил я скромно.

Он расхохотался.

— Сегодня я повторю эту шутку! Все покатытся со смеху. Человек для доступности упрощает... эльфам!

— Вы даже не представляете, — ответил я, — насколько я зело серьезен! И как жаль, что у вас нет того Великого Кристалла... я же такой любознательный, такой любознательный!

Он ушел вслед за остальными, хохоча во все горло, а я выждал некоторое время и перебежал на цыпочках в комнату, где Иримэ снисходительно демонстрировала мне чудеса, которые за свою долгую историю собрали горные эльфы.

В первую очередь я сцапал и рассовал по карманам волшебную раковину и клетку с меняющимся размером, сгреб все со стола на растеленное на полу покрывало, торопливо завязал в узел и накрепко закрепил на себе через плечо, быстро прижался грудью к зеркалу, больно огромное, обхватил кое-как и торопливо начал поворачивать кольца браслета навстречу друг другу.

Купол, которым окружена крепость, не дает проникнуть сюда ни зверю, ни птице, ни муравью. Даже сами эльфы не могут выйти даже за ворота, кроме как по чрезвычайному повелению своих вождей, потому их так не скоро открыли передо мной.

Но для браслета Гонца помех быть не должно...

Первым появилось видение Эльфийского леса. Ну это всегда, там больше всего эльфов, затем более смутно лес, где прячутся эльфы потерянного племени, а лицо Ричэль я трижды пропустил, не узнавая ее в бледном пятне.

Наконец поймав и не сводя взгляда, я сдвинул кольца. Тихо щелкнули замочки, я набрал в грудь воздуха и крепко-крепко прижал к груди зеркало.

Глава 7

Зеркало стало неимоверно тяжелым, весит целую гору. Браслет разогрелся и начинает сжигать запястье. Я захрипел от дикой боли, в ноздри ударил запах горелой кожи, ослабевшие пальцы разжались. Шероховатая рама выскользнула, как мокрая, скользкая и очень большая рыба...

Мои подошвы ударились с силой о землю. Дыхание вырвалось из груди с хрипом, я часто и шумно дышал, сердце вот-вот выскочит через уши, в черепе жар, как в горящем камине, и неумолкающий грохот.

В лагере все спят, далеко-далеко по периметру перекрикиваются часовые, но восточный край неба уже быстро светлеет. На месте костров только багровые угли, да и то подернутые пеплом, люди спят вповалку, на рассвете спитя особенно крепко.

Мой левый локоть касается стенки шатра, понятно, по ту сторону спит Ричэль, а когда я шелохнулся, колено уперлось в твердое. Я опустил взгляд и чуть не ахнул: зеркало вошло краем в землю, погрузившись почти на треть, еще бы чуть, и отрубило бы мне тяжелой рамой пальцы на ноге.

Из-за моего шатра выскочил, заслышав шаги, Зигфрид с обнаженным мечем в руке.

— Сэр Ричард, — сказал он шепотом, но с осязательным негодованием. — Что это у вас?

— Одна дама подарила зеркало, — сказал я, отдуваясь. — В знак любви. Тебе хорошо, у тебя бедная, сам даришь, а меня вот угораздило задержаться у богатой...

Он придержал передо мной полог, я внес и поставил зеркало. Раскоряченные ножки твердо уперлись в хорошо утопанную землю. Огромный узел я снял через плечо и, избегая взгляда Зигфрида, небрежно бросил в угол.

— Тоже подарки? — спросил он с чисто мужским презрением.

— Тоже, — ответил я заносчиво. — Вот такой я замечательный, не я дарю, а мне дарят! Хотели еще подарить всякое, но я не знал, где оно лежит, а искать было некогда...

— Нужно было ноги уносить, — поддакнул он, — и шкуру. Это да, вы лорд хозяйственный. Вот и карманы у вас что-то распирает... не порвет?

— Не порвет, — заверил я. — Эти штаны у меня особые, растягивающиеся.

— Это для какой цели? — удивился он, потом сказал понимающе: — Ах да, простите... Но с зеркалом, мой лорд, вы все-таки прогадали. Что в нем увидишь?

— Так это же и хорошо, — сказал я бодро. — Не надоест. Главное, что подарок от всего сердца. Важно внимание, так говорят.

Он скривился.

— Я бы на вашем месте выбросил!

— Выбрасывать нехорошо, — ответил я с укором, — другое дело, утром выступим в поход, а зеркало я совсем нечаянно забуду.

Он криво улыбнулся.

— Ух ты, а я бы не додумался. Как вы все просто решаете!

— Я гений, — ответил я гордо. — У меня озарения. А теперь иди, бди на защите родины и нашего передвигного королевства.

Он ухмыльнулся и вышел. Я прислушался к его шагам, вытащил из карманов раковину и крохотную клеточку, поставил сперва на стол, потом убрал в шкатулку и запер на замочек.

Когда развязал узел, подосадовал, что не расспросил Иримэ о всех этих штучках. За тысячи лет эльфы

могли и сами насобирать всякое, не говоря о том, что это может быть их семейными сокровищами.

Ладно, решил про себя. Это потом. Сперва зеркало, оно важнее всего.

Я обошел вокруг него, что-то не то, наконец сообразил, что теперь наклоняю голову, чтобы заглянуть в него, чего раньше не делал.

Ах да, то ли мои плечи стали шире, то ли зеркало... гм... сузилось.

Сердце начало стучать чаще и сильнее, а голова снова разогрелась. Я вскочил, ухватился за раму. Ничего не происходит, поверхность такая же мутно-мыльная, под ладонями все твердое и жесткое...

Ну давай же, сказал себе яростно, неужели ошибся, такое произошло само по себе, давай, давай, я же чувствую...

И хотя ничего такого не чувствовал, но твердил себе, шипел, стонал, хрипел, но заставлял мысль концентрироваться на том, как рама сдвигается, правая и левая идут одна другой навстречу...

И они в самом деле пошли, выполняя приказ, которого не слышали уже много сотен лет, а то и тысячелетий, сдвигались и сдвигались, одновременно истончая и саму раму.

Спohватившись, я ухватил за верх и низ, с силой послал руки навстречу одна другой. Здесь пошло легче, словно зеркало все вспомнило и уже не сопротивляется, лишь на ходу исправляет мелкие неисправности, накопившиеся за такой срок.

Я остановился, жадно хватая воздух. Зеркало уже поместится в шкапулку, если бы у меня была еще одна свободная. И чувствую, что могу сжать еще, пусть и немного, если приложу усилия.

По ту сторону шатра все громче звучат голоса, начинают снова гонцы.

Я сказал громко:

— Зигфрид, военачальников ко мне с докладом!

— Слушаюсь, ваше высочество, — донесся его грубый голос, затем слышно было, как уже тише отдает приказы дежурящим посыльным.

За стенкой шатра слышались шаги, голоса, я узнал быстрый голос Паланта, неспешный рев Сулливана и сдержанный баритон Клемента, потом торопливые шаркающие шаги, это епископ Геллерий, только он ходит так...

Зигфрид приоткрыл полог, убедился, что я в штабах, и сказал собравшимся:

— Его высочество изволит принять вас! Заходите.

В шатер торопливо вошли принц Сандорин, за ним герцоги Мидль, Клемент и Сулливан, потом графы Альбрехт и Макс, последним смиренно вошел епископ Геллерий.

Палант с порога обеспокоенно вскрикнул:

— Ваше высочество! Вы куда исчезли? Все вас обыскались!

Я сказал грозно:

— Зачем? Чтобы оторвать от великих мыслей? И ввергнуть в тревоги мирской суеты? Вот отец Геллерий понимает, что человеку бывает надобно уединение, чтобы побыть только со Всевышним наедине!.. И чтоб не сопели и не хрюкали над ухом, ибо люди вообще-то еще те свиньи, потому надобно от них и даже от себя подальше, я еще та швиня, за мной нужен глаз да глаз, а кто присмотрит лучше меня самого? И вообще... как, не возвышаясь в мышлении, приблизиться к небу?

Он проговорил обалдело:

— А-а-а, так вы для молитвы уединялись?

Я спросил с подозрением:

— А для чего еще можно подумать? Нет, ты скажи!.. И не опускай глазки, по роже вижу, что думаешь! Вон смотри, Макс так не думает! Верно, Макс?

Макс вздрогнул, но ответил подчеркнуто бодро:

— Нет, конечно, зачем мне думать! Я только исполняю приказы вашего высочества.

— Именно в молитве, — сказал я наставительно, — и глубоких размышлениях, как обустроить... гм... мир, я проводил все это время. А теперь расслаживайтесь. Здесь, смотрю, и лавки за это время сменили, нашли чем заниматься!

Альбрехт заметил миролюбиво:

— Значит, ничего более важного не было. Это же хорошо?

Они опустились кто на лавку, кто на стул, смотрят с ожиданием, но лица спокойные и уверенные.

— Теперь хрюкайте о деле, — велел я. — Какие за время моего отсутствия чрезвычайные происшествия?

Все задумались, только Мидль, еще не привыкший к моему невероятному чувству юмора, ответил с недоумением:

— Да вроде бы никаких...

— Почему? — потребовал я.

Он сказал виновато:

— Ну, даже и не знаю...

— Где пехота, — потребовал я, — Макс здесь, а куда от него сбежала пехота?

Макс ответил очень серьезно:

— Как вы и велели, ваше высочество, выступила в заданном вами направлении. Ведут ее мои сотники. Потому и сэра Норберта здесь нет, он с конницей, как всегда, впереди и как бы с песней, хоть и без оной.

— Дорога чистая?

Он кивнул.

— Абсолютно. Даже деревни, как заверяет сэр Норберт, сегодня не попадутся. Потому я догоню завтра.

Я с удовлетворением потер ладони.

— Тогда все идет... как надо. Проверьте еще раз обоз. После обеда выступит конница принца Сандорина, затем герцог Мидль, а последними пойдет, все утюжа копытами, герцог Клемент... Э-э, я имею в виду, его конница, утюжа.

О Паланте и Сулливане промолчал, они как прилипли к Клементу, так и не отлипают. С Альбрехтом ясно тоже, он с небольшой свитой сопровождает меня, так что продолжаем свой беспримерный рейд...

— Первая половина похода складывается прекрасно, — заверил Альбрехт. — Ваше высочество, мы прошли всю Бриттию, не встречая сопротивления... почти не встречая, а сейчас идем уже по Ираму!

— Это я как-то помню, — заверил я. — Могу только подтвердить, что да, впереди нет больших армий, разве что наткнемся на идущую завоевывать Юг...

Альбрехт сказал осторожно:

— Однако можем и обойти?

— Можем, — согласился я. — Скорее всего, и обойдем. Наша задача несколько иная...

Герцог Мидль, что обычно отмалчивается на таких совещаниях, спросил нерешительным голосом:

— Войти в Сакрант и захватить Генгаузгуз?.. Как вы блестяще проделали в Турнедо, внезапным рывком взяли Савуази?

— Хорошо бы, — согласился я, — но вряд ли нам повезет дважды.

Епископ Геллерий побряхтел и сказал деликатно:

— Осторожность — мать удачи.

— Правда? — удивился я. — Была бы осторожна, не стала бы матерью! К сожалению, ничего в жизни нельзя сделать осторожно и быстро. Разве что обещания, согласен, нужно давать с крайней осторожностью...

Клемент пробурчал:

— Тогда осторожнее вас, ваше высочество, вообще нет человека! Мы идем уже по второму королевству, а еще не знаем точной цели похода!

— Сакрант, — сказал я. — Это цель... и не совсем цель. Нам главное — сунуть палку в колеса набравшей разгон колесницы вторжения в наши земли. Когда разнесется слух, что вражеская армия бесчинствует уже в самом Сакранте... это вызовет где замешательство, а где и панику. Многие режимы, сотрудничающие с Мунтвигом, отшатнутся от него или хотя бы станут вести себя осторожнее и не дадут свои войска в его армию. И вообще вторжение может не только замедлить свой победный бег...

Сулливан рыкнул:

— И тогда Меганвэйл перейдет в наступление?

— Он опытный полководец, — сказал я с сомнением. — Наверняка сперва убедится, что защитил Варт Генц. Лишь разбив те армии, что прошли мимо нас, он сдвинется с места...

— Оставив защищать границы войска верховных лордов, — сказал принц Сандорин. — Так?

— Так, — согласился я с удовольствием. — Принц, у вас хорошее стратегическое мышление!

Он покраснел от удовольствия, пояснил:

— Просто они мне показались храбрыми людьми, но от своего королевства, где их ждут почести, не уйдут.

— Верно, — сказал я. — Но Геллермин, Растер с троллями и Зигмунд с армией Шварцкопфа точно начнут встречное вторжение. А то и уже начали!

Сандорин посмотрел с недоумением.

— Ваше высочество?

— Вы недовольны? — спросил я любезно.

Он воскликнул:

— Однако... это неоправданный риск! Один Меганвэйл с верховными лордами Варт Генца не удержит оборону!.. Мимо нас прошло не меньше трех армий!

Я посмотрел по сторонам.

— Кто ответит принцу?

Они переглянулись, Альбрехт заметил мирно:

— Принц просто не знает, что главные наши силы были в Сен-Мари. Сейчас оттуда идут... а то и уже пришли, закаленные в боях армии Филиппа Мансфельда и Чарльза Мандершайда, лучших полководцев короля Гиллеберда. Они еще ни разу не терпели поражений...

Принц спросил с долей ехидства:

— И даже от его высочества Ричарда?

Клемент пробасил:

— После гибели Гиллеберда они просто перешли к сэру Ричарду, как наиболее достойному правителю Турнедо. Да, они заменят Шварцкопфа и даже Меганвэйла, если я правильно понимаю замысел его высочества.

— Правильно, — подтвердил я. — И вообще из Сен-Мари топают — и тоже ускоренным маршем! — войска всех моих сторонников. Сен-Мари — очень густонаселенное королевство, если кто не слышал. Там в состоянии выставить армию впятеро превышающую, скажем, армию Варт Генца. Надеюсь, с войском явится Арчибалд... а еще подойдут отряды, на которые особенно надеюсь. Отряды рыцарского ордена Марешаля!

Альбрехт проговорил задумчиво:

— Все настолько хорошо, что прям шерсть на спине дыбом... Где-то нас ждет такая пропасть, что даже не знаю....

— Слаб духом тот, — сказал я бодро, — кому богатство не по силам! Всем спасибо, я — за работу! А вы — куда?

Они поспешно поднялись, со смешками и шуточками потянулись из шатра.

Я проводил их взглядом, прислушался, острят и по ту сторону полога, настроение у всех бодрое, значит, мне можно заняться личными вопросами, что, как у всякого крупного государственного деятеля, неотделимы от нужд его народа и демократии.

Это значит, снова прилип к зеркалу, растянув его примерно на половину переплета книги, чтоб и увидеть что-то можно, и в то же время спрятать за спину, если кто-то возжелает прийти и поговорить за жизнь.

В прошлый раз мелькнула поверхность земли, как она видится с высоты, как раз с той, на какой птеродактильствую, а это значит, что да, в самом деле зеркало все еще работает, но насколько хорошо, пока не знаю...

Жаль, остальное покрыто «туманом войны», а это остальное, конечно, практически весь мир, но, с другой стороны, все-таки я кое-где да побывал. Если могу, сосредоточившись, всматриваться в те места, где ступали мои конечности, так что от зеркала польза будет, хоть и не ахти...

Важно, что научился сжимать до размеров карманного, чего не знают эльфы... Хотя, возможно, хорошо знают, это я занесся, но зачем им карманное? Если

же нужно вдруг перенести из зала в зал... а слуги на что?

С раковиной, клеткой и прочими древностями разберусь на досуге, если он будет у такого крупного государственного деятеля, что то у эльфов, то у принцесс, а его армия топает сама по себе.

Но если будет, то как только, так сразу.

Глава 8

Такую армию незаметно не проведешь, но я сделал все, чтобы ее размеры остались в сравнительной тайне. Конники Норберта перехватывают всех, кто мог бы сообщить о нас другим, заставляют присоединяться к обозу, а тех, кто противится, рубят на месте.

Так за первую неделю прошли, избегая соприкосновениядвигающимися навстречу крупными соединениями армий Мунтвига. Дальше двигались все так же настороже, слишком много отдельных отрядов рыскают по разоренному королевству, сжигают опустевшие деревни, пока народ прячется по лесам.

Иногда приходилось двигаться через леса, к счастью — редкие, с множеством широких полян, хотя и с проклятыми оврагами, часто заросшими травой такой густой и высокой, что и не определишь издали ее глубину.

Первые две недели вообще двигались только по ночам, а днем располагались в лесах.

Я сверился с картой и сказал с облегчением:

— Все, можно менять порядок. Тут за сотни миль нет скоплений войск, крупные города в стороне. Теперь идем днем.

— И так, — спросил Палант жадно, — до самого Генгаузгуза?

— Да, — сказал я. — Видимо.

— Вся империя вздрогнет, — сказал он гордо, — когда возьмем в осаду столицу! Или удастся захватить штурмом?

— Посмотрим, — ответил я.

Он спросил с потрясенным видом:

— Еще не знаете? Я думал, у вас всегда есть план...

— Мудрость в том, — сказал я наставительно, — чтобы решиться отказаться от великолепного плана в пользу великолепнейшего! Понял?

Он прошептал в суеверном восторге:

— Значит, у вас все планы просто великолепные?

— Палант, — сказал я с укором, — не выведывай, а то решу, что работаешь на Мунтвига! А может, в самом деле работаешь?.. А ну посмотри своими бесстыжими в мои кристально честные! Чего это у тебя они забежали, как мыши при виде кота?

Он взмолился:

— Ваше высочество! Да я только... Все-все, бегу работать!

Я проводил его властным взглядом правителя, пусть убирается, пока не сообразил, что у меня никакого плана вообще нет и что-то не наклеывается.

Я двинулся в глубину империи Мунтвига потому, что не могу сидеть и ждать, когда вся мощь нашествия обрушится, как вода из прорвавшейся плотины, и разольется подобно половодью, которое не понятно, как и удерживать. А когда вот так, то часть своих сил Мунтвиг повернет, чтобы идти за нами и раздавить наглых вторгателей...

Форсированными маршами и с короткими остановками на отдых вышли на плато Горелых Трав, а там в двух днях пути Зондерсгаузен, столица королевства.

Данные картографии я подтвердил глазомером с высоты: от границы с Бриттией до столицы всего две недели форсированного марша.

— Отдых в полумиле от города, — велел я, — а мы тем временем нанесем визит местному королю.

Альбрехт поклонился с легкой улыбкой.

— Местному...

— Что? — спросил я сердито. — Барон, вы еще не мятежник?

— Еще нет, — ответил он серьезно. — Просто мне понравилось выражение.

— Ах, — передразнил я, — выражение ему понравилось. В поэты метите? Какое вам понравилось? У меня их есть много!

— Местному, — повторил он со вкусом. — Местному королю.

— И что?

— Да так, — ответил он. — Мы вот идем, простые принцы, герцоги и графы, простите, что и графов вроде себя туда же присобачиваю, а перед нами короли поднимаются с тронов и стоят в ожидании... Ну, не так явно, но любое королевство вздрагивает под тяжелым маршем нашей армии...

Я смотрел настороженно.

— Пусть даже так. И что тут смешного? Идет война! Не до соблюдения придворных этикетов. Во всяком случае, не всех тонкостей.

Он огляделся по сторонам, мы одни в шатре, спросил тихонько и с интересом:

— Мне просто интересно...

— Ну-ну?

— Сколько будете ломать комедию с этими принцами? Не пора ли объявить себя королем?

Я посмотрел на него волком.

— И сразу связать себе руки? Нет уж, буду держаться. К тому же симпатии любого человека всегда на стороне слабейшего, не замечали? А тут сошлись в смертельной схватке император и всего лишь принц!

Он покачал головой.

— Но королевской короны не избежать.

— Пусть, — ответил я, — но у Создателя, я уверен, есть тайный стратегический замысел, чтобы не спешить с нею. И я верю, что он все рассчитал правильно.

Альбрехт сказал тихонько:

— Я даже догадываюсь о некоторых подводных камнях...

— Каких?

— Почему пока нельзя становиться королем, — сказал он. — Ваше высочество, мне нужно проверить прямо сейчас, как идет снабжение армии фуражом.

— Идите, граф, — сказал я. — Думаете, я их не вижу?

На той стороне широкой реки раскинулся крупный город, дома вырастают прямо из воды, как показалось, однако этот крутой берег по всему городу облицован камнями. Все дома прижаты вплотную друг к другу, хотя и не в линию, то один выступает вперед на несколько дюймов, то другой, но это не портит вид, напротив, придает некий живой ритм.

Крыши коричневые, красные, багровые, малиновые, явно глину для черепицы брали из разных мест и обжигали каждый в своей крохотной мастерской.

Почти все дома в три-четыре этажа, да еще с цоколем и мансардой, зажиточно живут, хотя, думаю, дальше победнее и поплоше, все-таки здесь лучшие места.

Подъехал на редкой красоты жеребце Норберт, как всегда с выбритыми до синевы подбородком и щека-

ми, воинственно приподнятыми кончиками усов, худой и жилистый.

— Ваше высочество, — произнес он привычно сухим голосом и указал на широкий каменный мост, выгнутый горбом, — власти города предупреждены, что вы посетите столицу. Армия переправится ниже по течению.

— Там тоже мосты?

— Один, хоть и поплоше, по нему пройдет обоз, а вся армия вброд. Там река разливается так, что в самом глубоком месте не больше чем по колено.

— А берег?

— С обеих сторон пологий.

— Хорошо, — сказал я, — тогда пусть Макс и Клемент занимаются переправой и разбивают лагерь на том берегу, а мы заглянем к местному королю.

Он сказал почтительно:

— Ваше высочество, я, с вашего позволения, тоже займусь переправой и лагерьем.

— Выбираете, — сказал я уличающе, — что полегче? Хорошо, барон. Если что-то срочное, я буду у короля. А дальше будет видно.

Он поклонился.

— Ваше высочество...

— Барон...

Он умчался к своим конникам, даже бровью не повел, когда я его дважды назвал бароном. Вообще-то давно пора ему звучный титул, а то старый соратник, армландец, сколько кампаний прошли вместе...

Зигфрид подъехал с тремя телохранителями, могучий и настолько довольный, что я с подозрением начал рассматривать тех молодцев.

— Ваше высочество? — спросил он с недоумением.

— Да все не пойму, — пробурчал я, — где ты свою ведьмочку прячешь.

— Была мысль, — признался он, — она научилась не только прятаться от того мага, но могла бы пригодиться, но я подумал...

— И правильно подумал, — сказал я. — Она бы меня придушила ночью.

— Ваше высочество, — сказал он с укором. — Она вам предана, как и я. Я спас от той зверушки, а вы от самого мага! Теперь ей больше не нужно прятаться... Вы в город?

— Да, — ответил я. — На этот раз не отстанете.

Каменный мост старый, видны булыжники и поноее, ремонтировать не забывают, копыта наших коней со звонким цоканьем высекают искры.

Альбрехт пошучивает, но всматривается вперед настороженно, та сторона моста с разбегу влетает прямо в городские ворота, что не ворота сами по себе, там нет привычных створок, просто гигантская арка. В ее своде видны две поперечные щели на расстоянии трех ярдов одна от другой, а оттуда выглядывают острые зубья стальных решеток.

Городские стражники, уже предупрежденные Норбертом, отступили в обе стороны и даже стукнули тупыми концами копий в каменные плиты под ногами.

— Вольно, — сказал я покровительственно.

Альберт заметил тихо:

— Приучаете?

Я спросил настороженно:

— К чему?

— К своему командному голосу, ваше высочество, — ответил он с предельной почтительностью.

— Типун тебе на все десять ярдов твоего языка, — ответил я в сердцах. — И еще по типуну сверху!

— Это же мечта всех завоевателей, — миролюбиво сказал он. — Командовать всем миром!

— Я не завоеватель, — прошипел я сердито.

— Но... что-то я слышал краем уха...

— Я бы обрезал эти уши, — ответил я тоже тихо. — И языки. Меня не ценят, сволочи! Я хочу называться Ричардом Строителем, Ричардом Мудрым, Ричардом Замечательным... Даже на Ричарда Прекрасного согласен...

Над нами медленно проплыл длинный свод арки, похожий больше на тоннель, там на выходе еще одна стальная решетка, уже укрепленная просто на стене, так что можно захватить в плен целый отряд.

Мы выехали на просторную площадь, почти вплотную заставленную торговыми лавками. Народу великое множество, словно мы попали в день ежегодной ярмарки. Многие разложили свои товары просто на земле, и наши кони пробираются в направлении центра города осторожно, стараясь ничего не повредить, чтобы не портить нам репутацию освободителей от гнета.

Нам поспешно дают дорогу, отпрыгивают за укрытия, но это из-за Бобика, он идет впереди коней, угадывая направление, всем доброжелательно улыбается, показывая клыки и ужасающую красную пасть, похожую на вход в ад.

Центр города тесно застроен старинными дворцами, замками, там же величественный костел, все это великолепие пугающе вырисовывается черными силуэтами на фоне ночного неба, а на той стороне, огражденный высокий забором, зеленеет сад, за верхушками деревьев высятся башни королевского дворца.

Глава 9

Король Иоанн-Георг, как мне сообщили, примет меня в коронном зале, что, конечно, как бы повышает мой статус, но, с другой стороны, «примет» — а это весьма понижает, хотя чего бурчать, он все-таки король, а я принц, и размер мускулатуры роли не играет.

Я шел быстро и уверенно, задирая подбородок и глядя поверх голов, только с такими считаются — здесь, как в стае волков, нужно не только иметь силу, но и выказывать ее постоянно.

Одетые в роскошные багровые одежды гвардейцы распахнули перед нами двери, зал открылся полутемный, несмотря на свечи у входа и двенадцатирожковую люстру. С десятков наиболее приближенных к королю и сам величественный трон на помосте, куда ведет красная бархатная дорожка.

На троне мужчина в дорогой одежде, расшитой золотом, корона на седых волосах, руки возлежат на широких подлокотниках, вид властный, а взгляд надменный и одновременно изучающий.

Придворные по обе стороны дорожки в замешательстве, кланяться мне или нет, а если да, то каким из поклонов.

Король поднялся и с самой радушной улыбкой начал медленно спускаться навстречу, целых две ступеньки, молодец, принял компромиссное, но самое верное решение.

Мы встретились в шаге от помоста с тронном, а так как он заранее распахнул объятия, предупреждая, что предлагает обняться, я тоже раскорячил руки, и мы сошлись, похлопывая друг друга по спинам, улыбаясь и демонстрируя мир и как бы дружбу.

— Добро пожаловать, — произнес он непривычно густым для своего роста и сложения голосом. — Добро пожаловать, ваше высочество, в наше мирное королевство...

— Обожаю мирные королевства, — ответил я подчеркнуто дружелюбно, это для жадно внимающих придворных. — Будучи человеком по натуре абсолютно мирным, я всегда стремлюсь проявить свою исключительную мирность и даже крайнее миролюбие гуманиста, просто из-за этой житейской суеты все никак не удается это осуществить...

Он довольно хохотнул.

— В нашем королевстве вам это восхочется еще больше. Не знаю только, получится ли, но желание будет, по себе знаю. Ваше высочество, пока ваша армия отдыхает в лагере, позвольте предложить вам свое гостеприимство и ночлег во дворце?

— Крайне признателен, — ответил я, — и весьма тронут до глубины чувств базового либерала. Однако полководца больше уважают солдаты, когда ешь с ними из одного котла, смеешься над такими же шутками, а иногда и спишь у костра, укрывшись попоной боевого коня и подложив под голову седло.

Он воскликнул:

— Но не всегда же!

— Конечно, — подтвердил я и улыбнулся. — Можно озвереть, если всегда вести себя так, как от нас ждут. Но, увы, сегодня как раз тот день, когда должен посидеть у костра и пообщаться с простым, как говорится, очень даже простым местами народом. Это называется авторитарная демократия, весьма удобная форма правления.

— День? — переспросил он. — Ну, если таков обычай... Но тогда можно переговорить в моем кабинете. Когда еще такой случай выдастся?!

— Можно? — переспросил я. — Нужно!

Улыбаясь на публику, мы пошли, сопровождаемые стражей, а впереди двигались двое с жезлами и разгоняли народ с дороги одним лишь внушительным видом.

Через два зала впереди двери распахнули с поклонами, звонко и радостно прозвучали фанфары. Открылся длинный зал, по северным меркам хорошо освещен, что значит тускловато, но ложку мимо рта не пронесешь: два ряда столов, а один небольшой на возвышении, столешницы уже ломаются от жареного мяса, рыбы и сыра, но это пока холодные закуски для начала пира.

Знатные гости входят в сопровождении богато одетых слуг или королевской стражи, в проходах двигается в разные стороны народ, многие стоят вдоль стен, им за столом места нет, но все же в пиршественный зал допущены, что немалая честь тоже.

— Ага, — сказал я, — сперва насчет пожрать?

Король сказал весело:

— Просто перекусим. И покажемся народу. Вам нужно быть своим у солдат, а мне приходится быть таким же у лордов. Не знаю даже, что труднее...

— Только недолго, — предупредил я. — Мне эти пиры в печенках уже.

— Просто перекусим, — повторил он. — Садитесь вот рядом, пусть на нас посмотрят, а потом сделаем озабоченные лица и удалимся якобы подписывать важные документы, соглашения, протоколы. Все любят сидеть за столами, когда король уходит работать. Люди должны быть довольны.

— Ну да, — согласился я, — мыши на столе...

Король усадил меня от себя справа, слуги быстро поставили перед нами тарелки, налили в кубки вина. Я успел отрезать первый ломоть мяса, когда снова громко и торжественно пропели фанфары, церемо-

ниймейстер мощно и подчеркнуто ликующе прокричал:

— Ее величество королева Бразельда!

Шумное веселье мгновенно оборвалось, я видел, как с лиц довольных и хохочущих гостей быстро испаряются улыбки, захлопываются рты.

Из соседнего зала вошла высокая статная женщина в тяжелом платье со шлейфом, что волочится по полу, и короной на темных волосах, уложенных в строгую прическу. С короны на лоб свисают в золотых гнездах две крупные жемчужины, в ушах длинные затейливые серьги, что касаются оголенных плеч.

За нею чинно двигаются, словно плывут, две фрейлины, тоже строгие и с постными лицами. Все в зале поворачиваются в их сторону, я слышал, как во внезапно наступившей тишине позвякивают золотые цепи, у кого-то даже похрустывают суставы от слишком низких поклонов, но вообще-то не было человека, который бы не поклонился, пряча глаза.

Король Иоанн-Георг поклонился тоже, медленно и с достоинством, что при его малом росте и живости движений явно далось с трудом. Королева, не сводя с него пронизывающего взора, слегка присела, ее строгое лицо резко контрастирует с тем весельем, что было минуту тому в зале, но теперь все смотрят такими же, будто только что с похорон всей своей семьи.

Слуга подошел к ней с подносом и поклонился, она же, не отрывая взгляда от короля, взяла кубок и сделала чисто символический глоток, после чего вернула его на поднос, с достоинством повернулась и ушла обратно.

Фрейлины, что ждали ее в полуприседе, синхронно сделали полуоборот и последовали за своей повелительницей, важно, как две слониhi.

Я шепнул королю:

— Какое-то напряжение в зале... непонятное.

— Сейчас все вернется, — успокоил он.

И в самом деле, после ее ухода все снова заулыбалось, зазвучали шутки, а король поднялся во весь рост и, вскинув кубок, прокричал мощно:

— За наш союз с Ричардом Завоевателем!

В зале радостно заорали, поднялись руки с кубками и чашами, снова прозвучали фанфары. Король улыбался и обводил рукой с кубком зал ликующих и рукоплещущих.

Заметив выражение моего лица, сказал извиняющимся голосом:

— Она в плохом настроении.

Я покосился вслед королеве и ее фрейлинам.

— Давно?

— Вот уже сорок пять лет.

Он взглянул пытливо, но я ответил с предельным оптимизмом:

— Это для женщины нормально!

— Правда? — спросил он с надеждой.

— Конечно, — заверил я. — Хуже, если еще и рассердится.

— Такое тоже бывает, — согласился он. — Но это лучше, чем когда гневается.

Мой сосед по столу слева от меня, тучный румяный вельможа, пояснил мне тихонько:

— Королева неистовая сторонница Мунтвига.

— Ого, — сказал я. — И что... его величество король?

Он уточнил:

— Апостольской церкви, если говорить точнее, а не лично Мунтвига. Ее поддерживает здешний епископ, ее личный священник... и еще ряд церковников. Ко-

роль же на стороне развивающейся Церкви, вот у них и зреет такое вот...

Я проговорил с фальшивым добродушием:

— Ну, хоть не из-за измен ссорятся!

Он зыркнул на меня испытующе, в самом ли деле я такой дурак или же говорю необходимые любезности.

— Ваше высочество понимает... как полагаю, что супружеские измены сильнее задевают того, кто ниже на социальной лестнице. В семьях королей гораздо больше имеет значение единство взглядов супругов, а у простолюдинов — умеет ли варить похлебку.

— Ну да, — согласился я, — если король и королева принадлежат к разным ветвям христианства, это может причинить гораздо больше неудобств в семье и в королевстве, чем пустяковые адюльтеры. А в самом королевстве насколько укоренилась эта апостольская Церковь?

— Достаточно, — ответил он ровным голосом. — В Пекланде еще больше, почти половина. Но это еще пустяки! В Сакранте, по слухам, все остальные, кроме апостольской, запрещены и подвергаются не просто гонениям, а жестокому разорению, а ее служители — казням.

Я ощутил, как во мне поднимается нечто злое и мохнатое, сказал зло:

— Нарушение свободы вероисповедания?

Он взглянул на меня осторожно, на всякий случай промолчал, явно не входит в его компетенцию даже высказывать мнение, а король сказал мне с другой стороны:

— Полагаю, тут мы славно потрудились на виду у подданных, ваше высочество... Хотя вон над этой уточкой тоже стоило бы поработать, у нас их готовят изумительно.

— В другой раз, — пообещал я.

— Тогда, — сказал он, поднимаясь, — можно идти подписывать эти... ну, государственные бумаги.

Кабинет у него хорош, мне понравился сразу, не-большой, компактный, с минимумом мебели, без дур-ной роскоши, некоторый беспорядок на столе и в ком-нате, что значит — не разрешает прикасаться к своим бумагам даже жене и детям.

— Устраивайтесь поудобнее, — сказал он, — я-то знаю, что такое целый день в седле.

— Да, — согласился я, — это не подарок.

Но едва я опустился в удобное мягкое кресло, в ка-бинет вошел быстро и деловито, но с довольным ли-цом немолодой мужчина с седыми волосами, гладко выбритый, сдержанно улыбающийся, на груди блестит огромная восьмиконечная золотая звезда из наложен-ных крест-накрест четырехугольников, одежек на нем целая куча, все-таки север, а сквозняки такие, что не натопишься,

Пуговицы золотые, да и все одежки сшиты с вывер-тами, нормальным мужчинам непонятными, но при-дворные не совсем мужчины, они... придворные, осо-бая порода, выведенная искусственно кропотливой се-лекцией для особых целей.

— Ваше величество, — провозгласил он властно, — если не подпишете эти бумаги вот прямо сейчас, все рухнет!.. Простите, ваше высочество, я не знал, что вы уже здесь...

Я отмахнулся.

— Привыкнете, что я всегда везде уже здесь. Но по-ка не обращайтесь внимания. Как бы пролетный гость, сегодня здесь, завтра уже у других здесь.

Король скривился, а мне сказал со вздохом:

— Видите? А еще говорят, что я тиран. Да я самая забитая и бесправная мышь во всем королевстве! А рулят все, начиная с моего секретаря.

Секретарь быстро разложил по столу бумаги, их не так уж и много, мне приносят намного больше.

Король со вздохом вытащил из ящика стола большую королевскую печать, а секретарь услужливо придвинул ему чернильницу, сам обмакнул кончик пера и подал с поклоном.

Печать у короля из светлой меди в виде обнаженной женской фигурки, что сидит на широком круглом пьедестале, где снизу вырезан его королевский герб и девиз. Все выполнено с такой изумительной четкостью и точностью, что я изумленно рассмотрел даже крохотные ноготки на пальцах рук и ног, а в ушах затейливые серьги.

Хотя не совсем обнаженной: на шее и груди три нити с камешками, а на руках браслеты. Присмотревшись, я рассмотрел и кольца на крохотных пальчиках.

Пока я ее рассматривал, король привычным жестом сграбастал, не глядя, с силой припечатал бумагу, но секретарь заученно подкладывал еще и еще, и он, сердито сжимая ее в грубой ладони, рассерженно бил в указанное помощником место, стараясь попасть по его пальцу.

Я вздрогнул, ибо головка фигурки иногда поворачивается в стороны, пару раз я даже увидел недовольную гримаску на ее женском личике, подумал ошарашенно, что надо было потрудиться и над уточкой, а то совсем мерещится всякое

Секретарь собрал бумаги и удалился, зловеще пообещав, что это еще не все, вечером принесет новую порцию указов на подпись.

Король развел руками.

— Видите?.. Никогда такого не было... Ну, при мне. Но когда через наше королевство прошел Мунтвиг, он порушил всю систему, что связывала земли воедино.

— Теперь, — предположил я, — каждый барон считает себя королем в своих землях?

Он посмотрел на меня волком.

— А вы как считаете?

— Не думаю, — сказал я с неловкостью, — что наше появление изменит мир к лучшему.

Он вздохнул.

— Вообще-то верно считаете. Мне вообще-то непонятна цель вашего похода...

— Серьезно? — спросил я. — Мне казалось, это очевидно.

— Гм, просветите?

— Мы жертвуем собой, — ответил я, честно глядя ему в глаза, — чтобы ослабить давление армий Мунтвига на южные королевства. Пока они здесь будут бороться с нами, а мы достаточно мобильны, там соберутся с силами, проведут поголовную мобилизацию... ну, как получится, естественно.

Он покачал головой.

— Как самоотверженно... Словно в старые добрые времена! Я о таких героях только читал. В древних летописях.

— Я тоже, — сказал я. — Ваше величество...

Он прервал:

— Судя по вашему изменившемуся тону, сейчас после этого поэтического вступления последует неприятная реальность. Потому, предваряя, скажу сразу: мы готовы отдать вам все свои запасы зерна для ваших коней, потому что иначе все равно возьмете, но тогда еще и побьете людей, а на месте сел и деревень оставите пепелища.

— Война, — ответил я с некоторой неловкостью, — кормит себя сама, это верно. И если бы я мог защитить свои земли без войны...

— А велики ваши земли?

Я ответил с запинкой:

— Мал клочок, но дорог... И он расширяется, ваше величество, уж поверьте, совсем без моего желания. Я даже не знаю, судьба это или что-то еще, однако...

— Однако, — сказал он в тон, — мы чаще всего делаем не то, что желаем, а что получается? Вы очень молоды, ваше высочество! Иначе бы поняли, что другие люди обычно всегда делают только то, что от них ждут. А те, кто хоть иногда делает то, что сам хочет... ну, редкая редкость.

— Спасибо за теплые слова, — сказал я и поднялся. — Ваше величество, сейчас ваш секретарь принесет новые бумаги на подпись, потому не буду мешать. Да и мне, хочу или нет, но надо делать то, чего от меня ждут, — быть в лагере.

Глава 10

В коридоре за дверью только двое слуг в пышных королевских одеждах, а стражи на противоположных концах коридора, но едва я вышел из кабинета, со стороны лестницы взбежал запыхавшихся Зигфрид, сразу заполнив половину коридора массивной и широкой фигурой, разведенными в сторону угрожающе толстыми, как бревна, руками, грохотом и лязгом, пугая встречных свирепой широкомордостью.

— Ваше высочество!

— Опоздал, — сказал я и добавил: — Зря спешил. Я всего на пару минут заскочил. Разговор ни о чем, нужно было создать у остальных видимость общения.

Это укрепит позиции короля, а мы сможем брать как бы по праву...

И хотя телохранителям не объясняют такие вещи, но Зигфрид мой друг еще со времен Амальфи, обязанности телохранителя на себя взял сам, как в свое время Макс и Стефэн из Тенеброка в групповом бою Каталунского турнира сами взялись беречь мою спину.

В нижнем зале граф Альбрехт в окружении придворных красиво рассказывает нечто, делая плавные движения руками, словно описывает красоту принцессы Лиутгарды.

Голос его звучит артистически отточенно, а лицо дышит немыслимым вдохновением, даже не представляю, о чем можно так рассказывать, если не обо мне, конечно.

Завидев нас, он воскликнул:

— Ваше высочество?.. Если вы закончили...

— Я еще и не начинал, — ответил я сварливо, — но вообще-то да, можете присоединиться, если вам тоже почему-то в лагерь, где вас точно так слушать не будут.

На выходе нас перехватил управитель, глаза блестят блудливо, весь тоже блестящий, как тюлень, сказал торпливо скороговоркой:

— Ваше высочество... не сюда, извольте через этот выход!

Зигфрид прорычал:

— Минутку, первым пойду я...

Управитель вскрикнул:

— Вы не так поняли!.. Это выход в домашний садик...

— А зачем он мне? — спросил я раздраженно. — Ладно, заглянем, что-то у всех морды хитрые...

За распахнутой дверью неожиданно ярко раскрылся солнечный мир, весь в золотом блеске, падающем с неба. Деревья выстроились квадратом, а в центре на лужайке с короткой зеленой травкой молодая женщина готовится бросить мяч девочке-подростку шагах в десяти, почти у самых деревьев.

Та стоит, чуть пригнулась, изготовив руки для хватания мяча и широко расставив ноги на траве. В коротком платье без всяких оборок, ноги оголены до колен и чуть выше, загорелые и блестящие, даже не смотря на то что испачканы травой и землей.

Сердце мое стукнуло в ответ на заползающую туда несвойственную мне и странную нежность. Она еще ребенок, который прыгает, падает, ушибается, руки и ноги в царапинах, что быстро затягиваются, иногда оставляя крохотные белые пятнышки, а чаще обходясь и вовсе без них.

Но уже видно, что вот-вот ее заберут из этих игрищ, оденут в длинное платье, начнут учить манерам, плотный здоровый загар сойдет, тело станет чистым и нежным, исполненным аристократической белизны, а старшие подруги научат ее носить серьги, броши, ожерелья...

Управитель сказал с поклоном, голос прозвучал виновато:

— Есть мнение... гм... что вам стоило взглянуть на принцессу Леонору, дочь его величества короля Иоанна-Георга.

Я пробормотал:

— Да, конечно.

— Ваше высочество?

— Это вот существо, — пояснил я, — вырастет настолько дивной красавицей, что у меня уже сейчас в зобу дыхание сперло... Мои поздравления его величеству и его супруге!

— Спасибо, ваше высочество! Обязательно передам.

Леонора поймала мяч, ликующе расхохоталась. Солнечный свет, падая сверху и чуть наискось, предельно ярко высветил ее полудетское тело.

Я увидел, как ярко беспощадно сверкнули ее ключицы, похожие на обнаженные кинжалы.

Альбрехт услышал мой тяжелый вздох, сказал негромко:

— Возвращаемся в лагерь?

— Да...

Управитель проводил нас троих к выходу на главный двор, там нам привели коней, а когда мы поднялись в седла, Альбрехт поинтересовался:

— Все-таки не оставляют эту идею, верно?

— Но продвигают деликатно, — согласился я.

— А как сама идея? — спросил он.

Я покачал головой.

— Пока другие мельтешат в голове.

— А в сердце?

— Потому-то, сеньорита, оттого-то, — ответил я хмуро, — для любви закрыто сердце Дон Кихота...

Он хмыкнул.

— А кто говорит о любви?

В небе загремело, в солнечном свете посыпался крупный дождь, капли блестят, как жемчужины, а когда падают на землю, то разбиваются на множество мелких бусинок и подпрыгивают высоко.

Зеленая трава по обе стороны вытоптанной каменистой дороги радостно заблестела, воздух стал таким прозрачным, словно его и нет вовсе.

А далеко впереди у поворота нас ждет всадник в легких доспехах, кольчуга из мелких колец блестит, как новенькая, на голове седока конический шлем, слева у седла рыцарский щит, справа видна рукоять меча.

Альбрехт пробормотал:

— Кто-нибудь знает... кто это?

Зигфрид сказал сдавленным голосом:

— Я... знаю.

Я зыркнул на него, вздохнул и сказал Альбрехту:

— Граф, скачите в лагерь, нам нужно будет тут на пару минут задержаться.

Альбрехт кивнул, не стал уверять, что пару минут может и подождать, его жеребец сразу же перешел в стремительный галоп.

Зигфрид сказал торопливо:

— Это Скарлетт Николсон. Та самая, что сидела в той дурацкой пентаграмме.

— И что? — спросил я.

— Ваше высочество, — сказал он горячо, — пользуясь вашим милостивым позволением, она вот в таком виде шла с нами, стараясь не попадаться вам на глаза, и никто даже не заподозрил в ней женщину

— И что? — повторил я.

— Я прошу вас, — сказал он с нажимом, — позволить ей и дальше охранять вас... Уже не тайно. Потому что я не собираюсь передавать охрану кому-то еще, они все такие дураки.

Я остановил арбогастра, прикидывая, как ответить правильно. Если уж брать по самому большому счету, то это вообще-то забота Зигфрида. Лично я издавна наслышан о женщинах, что не только иной раз ведут мужчин в бой, как Жанна д'Арк, но и вовсе скрывают свой пол и действуют как мужчины среди мужчин, начиная с некой китайской принцессы, Иуды Искарота и многих-многих других, а чего стоят сотни женщин-рыцарей, что участвовали во всех Крестовых походах и совершали подвиги, не уступающие мужским?

Я как-то в детстве читал книгу Грехема Макленнана «Женщины-крестоносцы» и был зело впечатлен как

Элеонорой Кастильской, что участвовала во всех походах мужа, сражаясь на коне с мечом в руке, что не мешало ей родить шестнадцать детей, так и маркграфиней Идой Австрийской, первой красавицей страны, что нашла крест на плащ и во главе своих баронов сопровождала во Второй крестовый поход Вельфа, герцога Баварского. А также Плезанцией Антиохийской, регентшей Кипра и «самой храброй женщиной в мире», как говорили современники, и другими женщинами. Одна из них, как говорится в сарацинских летописях, при штурме Аккры, носилась на рыцарском коне и в рыцарских одеждах, дралась мечом и стреляла из лука настолько метко, что убила очень многих сарацин, и когда ее лук принесли Саладину, он был глубоко впечатлен ее подвигами.

Уррака, королева Арагона, сама водила армии в бой, как и Тереза Португальская, а герцогиня Таита Ломбарди скакала в бой рядом с мужем, одев полный рыцарский доспех, и сражалась в бою. А графиня Матильда Тосканская...

Участие женщин в боях было настолько массовым, что папа римский издал специальную буллу, запрещающую женщинам участвовать в Третьем крестовом походе, но ее игнорировали.

Так что в этом мужском вроде бы мире абсолютное большинство женщин занимают то положение, которое сами предпочитают: сидеть в замке у окошка и махать платком уезжающему на войну мужу, а потом тайком впускать в спальню конюха или кузнеца. Или, судя по гламурной поэзии, позволять утешать себя юному красивому пажу.

Но если у кого-то из них хватает отваги сесть на коня и отправиться в поход, то для этого далеко не всегда нужно переодеваться в мужчину. Это, как говорится, по желанию.

Я ощутил, что Зигфрид все еще неотрывно смотрит на меня в ожидании, вздохнул и проговорил с тоской:

— Разве я против нее?.. Нет, но я за тебя!.. Ты и так взвалил на себя заботу, добровольно и против моей воли, хранить мою шкуру и не давать обрушиться на меня даже пылинке. А теперь тебе придется заботиться еще и об этой женщине... Твоя спина не хрястнет?

Он довольно заулыбался.

— Не хрястнет!

— Точно?

— Уверен, — ответил он так бодро, что я насторожился.

— С чего вдруг?

— Ваше высочество, — сказал он, — мы будем вместе охранять ваши покои.

Я замотал головой.

— Ты что?.. Женщина в коридоре за моей дверью?

Он изумился:

— Опасаетесь, что не пустит к вам других женщин? Сэр Ричард, да я ее тогда сам прибью! Женщины — это наше все. Посторонние женщины.

Я пустил арбогастра вниз по тропе, всадник спешился и преклонил колено.

Зигфрид настороженно помалкивает, я сделал нетерпеливый жест, повелевающий стать.

— Итак, Скарлетт... вы знаете, о чем говорил со мной сейчас Зигфрид, мой друг и телохранитель?

Она выпрямилась и, не поднимаясь в седло, смотрела на меня снизу вверх странными немигающими глазами с этими ресницами, что кажутся не то уродливыми, не то чудовищными: редкими и толстыми, как прутья.

— Мы обсуждали это, — ответила она почтительно.

— И вы уверены, — поинтересовался я, — что это вам нужно?

— Уверена, ваше высочество!

Я пожал плечами.

— Что ж, вы приняты. Но я не собираюсь вам в чем-то облегчать жизнь. У меня своих дел хватает. А вы барахтайтесь сами, как знаете и как можете.

Она легко вскочила в седло, развернула коня.

— Ваше высочество! Ваше великодушие настолько велико, что вы даже забыли тут же, как спасли меня от похитившего меня могучего мага. Потому моя жизнь принадлежит вам...

— Она принадлежит Зигфриду, — возразил я с неудовольствием. — И спасал я вовсе не вас, а то... гм... что отстаивал Зигфрид. Ну а теперь... все в лагерь!

Я пустил арбогастра в галоп. Они некоторое время неслись позади, но когда дорога расширилась и впереди за поворотом показался и начал увеличиваться наш лагерь, Зигфрид догнал меня и некоторое время держался рядом, поглядывая со смущением и неловкостью.

— Ну что еще? — спросил я.

— Спасибо, — крикнул он. — Поверьте, она хороший человек!.. Она предана мне, а теперь и вам!

Я проговорил навстречу ветру:

— Кроме самых любимых и преданных женщин, как говорится в одной песне... Преданность, как видишь, ценится выше всего, а красота, ум и остальное... вообще не упоминается. А они, дуры, говорят, что нам только их сиськи нужны!

Глава II

В лагере тишина, последний переход был очень тяжелым, все отдыхают, только конников Норберта не видать, я их еще вчера отправил навстречу отставшему обозу, тому еще двое суток подтягиваться к нам по размытым дождем дорогам.

У моего шатра у костра с воинами сидит Хреймдар. Завидел меня, вскочил и поклонился.

Я жизнерадостно приветствовал еще с седла:

— Да здравствуют работники духовного корыта!.. Что нового, почему опиум для народа?.. Ах да, это к Геллерию...

Хреймдар оглянулся.

— Он был только что здесь. Позвать?

Я соскочил на землю, передал повод коня в руки набежавшим воинам, как сделали и Зигфрид со Скарлетт.

— В другой раз. Что знаешь о короле Иоанне-Георге?

Он подумал, посмотрел в недоумении.

— Ничего особенного. Заурядный король.

Я кивнул в сторону шатра.

— Пойдем, расскажешь о его заурядности. Я люблю слушать о таких, сам сразу становлюсь еще незауряднее и даже красивее. Может быть, еще и петь смогу. Хотя да, я ж уже пою, но пока еще хреново.

В шатре уже расставлены стол, стулья и даже ложе, а на столешнице два кубка и кувшин.

Хреймдар ухмыльнулся.

— Знают ваши вкусы?

— Значит, — сказал я, — тоже считают меня заурядным... что меня, конечно же, устраивает. Садись, рассказывай. Но если снова заговоришь о Зачарованных местах — прибью на месте. Я — принц, но не какой-то изгнанный и скитающийся, а вождь! По Зачарованным Пятнам пусть ходят извозчики, они тогда на что?.. Кстати, у короля я заметил очень странную печать...

Он внимательно и с профессиональным интересом смотрел, как в кубке перед ним появляется густое красное вино, принимался, осторожно попробовал, лицо расплылось в довольной усмешке.

— Вы уверены, что это... паладинье?

Я ответил осторожно:

— А кто определяет способности паладина, когда он становится лордом?..

— Лордом?

— Да, — ответил я. — Паладинов в мире горстка, и все люди знают, что они могут лечить соратников, отдавая им часть своей жизни. Собственное, абсолютное большинство паладинов ничего больше и не умеют, они воины Истины, им другое и не нужно.

— А вам?

— Уместный вопрос, — пробормотал я. — Я из тех, кому нужно больше. Потому и умею больше.

Он прищурился, я думал, что смолчит, но между нами уже установились достаточно доверительные отношения, и он проговорил осторожно:

— А это честно ли, что часть паладинов использует в личных целях и то, что можно назвать нечестивой магией... Нет ли тут опасного сползания во Зло, как вы это называете?

— Есть, — согласился я. — Потому и нужно удерживаться. Человек слаб, он почти всегда выбирает простые и прямые дороги.

— Однако...

— Что «однако»? — спросил я.

— Простите, — сказал Хреймдар, — мне показалось, что вы это произнесли или собирались произнести.

Я сказал сердито:

— Если уж вам так хочется, то однако сильным позволено всегда больше, чем слабым!

— Ладно-ладно, — сказал он поспешно, — я вовсе не собирался сказать, что вы куда-то обязательно сползете. Это слабые сползают, хотя и уверены, что они сильные, потому никуда не ползут, но вы действи-

тельно сильный, потому остаетесь паладином, несмотря на свое весьма тесное знакомство с магией... Однако мне кажется, Церковь не всегда будет закрывать на это глаза.

Я скривился.

— Еще бы. Как только перестанет во мне нуждаться так же сильно, как нуждается сейчас.

— Но вы...

— Угадали, — ответил я. — Постараюсь что-то придумать.

— Как-то вывернетесь?

Я покачал головой.

— Просто вывернуться из-под удара — это уронить свое рыцарское достоинство. Постараюсь вывернуть из-под удара всех. Возьмите эти вот пирожные, вы таких еще не пробовали.

Я насоздавал ему целую гору, и пока он охал, наслаждаясь дивным вкусом, прислушивался, как эта неотвязная мысль грызет голову, даже долбит, как трудолюбивый дятел. Начал я, как и положено, весьма радикально, восторженно и в полном согласии с Церковью. И без всякого намека на то, что может быть не права...

Нет, и сейчас считаю, что права, но права в генеральной линии, а вот применительно к местным условиям нужно кое-что скорректировать... как мне кажется все больше.

Даже не кажется, а мыслится. Хреймдар прав, рано или поздно войду с Церковью в конфликт. Сейчас, когда я победно несу ее знамя по странам и королевствам, она закрывает глаза на мое слишком близкое знакомство с эльфами, троллями и даже чародеями, но когда все устаканится...

Пора начинать упреждающе... нет, я не хочу конфликта, потому это не упреждающие действия, просто живая и действующая Церковь должна постоянно ре-

формироваться, откликаясь на запросы населения и вызовы времени.

Можно идти традиционным путем, как я и шел. То есть истребить все неугодное церкви и строить новый светлый мир, а можно все-таки попытаться интегрировать в наше общество все то, что интегрировать можно.

Конечно, если эльфы и тролли заупрямятся, то что ж, пусть пеняют на себя, но попытаться надо. Дело не в гуманизме, кто с ним считается на самом деле, это все лозунги, но свое слово говорит и экономика: тролли могли бы делать всю тяжелую и грязную работу за харчи и крохотную плату, а эльфы что-то свое полезное для нас, людей, а немножко и для себя...

Почему это Лютер, один бедный священник, сумел реформировать католическую Церковь, создав ветвь протестантизма, благодаря которому страны, где приняли его учение, стали самыми могущественными, богатыми и наукообразными в мире, а я не смогу?

Нужно только еще разок прочесть Библию, чтобы увидеть, где зацепиться...

Хреймдар долго смаковал последнее пирожное, закатывая глаза в блаженстве, потом спросил, не поднимая век:

— Вам уже показали прекрасную Леонору?

Я спросил настороженно:

— Подглядывали?

— Как можно, — испугался он, — просто я знаю, девочка растет быстро. Интриги уже плетутся, есть различные группы, которые хотели бы пристроить ее... в своих интересах, естественно.

Я покачал головой.

— Это пока подождет. Что у короля за такая печать? Мне показалось, она живая. Или полуживая.

Он подумал, ответил размеренно:

— Как вам сказать.... И да и нет. По слухам, его деда, свирепого короля Уренгота, люто раздражала его жена, прекрасная королева Бидия, что постоянно вмешивалась в его дела и сама пыталась заключать какие-то договоры. Этим воспользовался придворный маг, имя его теперь забыто, он отыскал могучее заклятие, что в состоянии сделать жену послушной. Король велел тут же дать ему это заклинание... Вы уже видели, что получилось.

— Да, — сказал я озадаченно, — теперь королева в самом деле послушна во всех королевских делах. А король обрадовался?

Хреймдар поморщился.

— Неблагодарный велел тут же казнить мага. Не понимаю людской логики!

— Не повезло ей.

— Еще как, — согласился он. — Она все еще жива и страдает от несвойственной ей безропотности.

— Господи!

— А еще есть легенда, — сказал он, — что если удастся ее вернуть в прежний вид, то все королевство Ирам перестанет существовать.

Я буркнул:

— Ну еще бы, женщине только дай управлять хотя бы на часок...

— Да, — сказал он, — если только женщина сидит на троне не для виду.

— Без намеков, — сказал я строго. — Все в целях моей государственной безопасности и целесообразного гуманизма в интересах.

— В интересах? — спросил он.

— Что в интересах? — переспросил я недовольно.

— Не понял, — сознался он подозрительно кротко, — в интересах чего?

— Не чего, — поправил я отечески, — а кого. Понимать надо!

Он виновато хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ох, что это я... вот так рядом с вами и глупею так быстро.

— Что-что?

Он торопливо объяснил:

— Вы своей мудростью настолько всех затмеваете, что нам, вашим верным подданным, и мыслить ни о чем не приходится, совсем разучились!

— А-а-а, — сказал я довольно, — это хорошо. Бессмысленным стадом... то бишь демократическим большинством, управлять куда приятнее, чем меньшинством умников... Королевство Ирам и без Бидии почти перестало существовать. Мунтвигу осталось захватить только восточную часть, которой пока просто пренебрег. А ты знаешь это заклинание?

— Увы.

— Так поищи, — посоветовал я. — Нет, целью жизни не ставь, но вдруг где-то окажется в пределах... понимаешь?

— Кажется, да, — ответил он с уважением. — Мне бы такое и в голову не пришло. Как у вас, политиков, говорят: толкни споткнувшегося?

— И ударь упавшего, — добавил я. — Сними шапку с тонущего. Да и вообще... у политика нет друзей, а есть только интересы.

— Ох, — сказал он опасливо, — позвольте я отсыду чуточку... Стараться, как вы говорите, не надо?

— Не надо, — подтвердил я. — Не особенно. Королевство все-таки обычное, не больше сотни городов, три большие судоходные реки, масса малых, озера с рыбой, но слишком много каменных пустошей, гор, разломов, коммуникации разорваны...

Он посмотрел с удивлением и растущим уважением, а я спохватился, это же выходит, что я в своем хапанье пренебрегаю целым королевством, что лежит у моих ног, разоренное нашествием Мунтвига, а затем при-
давленное копытами моей конницы.

— Значит, — спросил он, — принцесса Леонора не добавила на чашу весов свое очарование молодости?

— Ничуть, — заверил я, — если нужен будет ответ, то можете написать подробное и очень вежливое письмо с отказом.

— Письмо? — переспросил он. — Дворец рядом...

— Нет-нет, — возразил я, — лучше такое отправить письмом.

— Ваше высочество?

— Всем нам лгать легче письменно, — объяснил я, — чем устно.

Он поморщился.

— Вы все еще щепетильный? А еще политик.

— А вы и в глаза врете так же легко, как и в письмах?

Он ухмыльнулся.

— Ваше высочество, я хочу легкой жизни, потому никогда не возьмусь управлять и отвечать за что-то важное. Но я всеми силами буду поддерживать того, кто делает мою жизнь легче и приятнее. Надеюсь, мне можно не указывать на вас пальцем?

— Разрешаю, — ответил я. — Вообще-то такую правду-матку можете резать мне прямо в глаза, стерплю. Даже прилюдно.

Он заглянул в кувшин, вылил остатки вина в свою чашу.

— Ваше высочество... вы не остались ночевать во дворце... чего-то опасались?

Я ответил уклончиво:

— В чужой постели всегда хуже спишь. Да и вообще... если и сплю иногда, то по очень веским причинам.

— Да, — сказал он с одобрением, — вы все-таки политик. Женщина в постели — это для вас не причина?

— Пусть даже принцесса, — ответил я, — или жена короля. Вы правы, я знаю радость слаже. И эта радость даже не политика. Хотя частично и политика. А вы что так расспрашиваете, напрашиваетесь в помощники?

Он отшатнулся, замахал обеими руками.

— Ваше высочество! У вас и шутки... чуть сердце не выскочило!.. Уф, сам не знал, что может так биться. Даже когда меня однажды дикари поймали и развели костер, чтобы поджарить и съесть, и то колотилось не так сильно... Но вообще-то, если вы всерьез, то я готов в меру своих муравьиных сил...

— Ага, — сказал я с нажимом, — что именно сможете? Только сразу по максимуму, меня ритуальные танцы не интересуют. Как и баядерки с доставкой в постель.

— Жаль, — ответил он, — а то это самое распространенное желание, мы в этом руку уже набили. Какие угодно: худенькие или пухлые, мелкие или крупные, рыжие или чернявые, покорные или строптивые...

Я повысил голос:

— Я сказал, не интересуют! Не разжигайте, не разжигайте!

— Да это я так, — ответил он торопливо, — демонстрация возможностей, богатство выбора... ну, в данной категории. А вдруг клонете?..

— Не клону, — заверил я и уточнил: — Пока что. За будущее не ручаюсь, я осторожный.

— Берусь, — сказал он, — переговорить с некоторыми магами. У меня характер, как вы могли заметить,

уживчивый и покладистый, даже общительный, потому меня выслушают.

Я поинтересовался с подозрением:

— И что им скажете?

— С вашего позволения, — ответил он, — только то, что вы одобрите!

— Например?

— Скажу... гм... что вы человек с на удивление широкими взглядами. И хотя верны Церкви, но готовы прекратить преследование магов, колдунов и даже чародеев, если те признают вашу власть... и принесут вам присягу верности.

Он говорил осторожно, подбирая слова, а я слушал и тоже каждое слово проверял на зуб, нет ли там подвоха, но Хреймдар говорит предельно просто, подтекста не замечаю даже при своей растущей подозрительности политика.

— Так-так, — сказал я, — а что это даст им?

— Защиту, — ответил он незамедлительно. — Покровительство, даже помощь. Ведь вы, принимая клятву верности, автоматически принимаете на себя обязательства защищать интересы своего вассала. Думаете, я не понимаю, почему вас так ужасает разрастание земель под вашей властью? Это другие видят только кокетство, а на самом деле это же всем утирать носы и решать их проблемы!.. А у вас и своих хватает, не хочется их проблемы делать своими...

Я морщился, ерзал, наконец ощутил себя ужом на раскаленной сковородке.

— Хреймдар, — сказал я с предостережением, — давайте так. Вы переговорите, расскажите им, какой я замечательный, тайком поведайте, что у меня есть не только знакомые, но и друзья... гм... что не совсем люди... словом, подготовьте почву. Дело в том, что я во все не хочу ссориться с Церковью, однако она нужда-

ется в некоторой реформации... после которой, безусловно, станет еще сильнее, чище и влиятельнее.

Он наклонил голову, но наблюдал за мной исподлобья очень внимательно.

— Понимаю, ваше высочество, — произнес он со значением в голосе. — Это у вас не от страха, а от понимания... Я им расскажу как об эльфийке, что ездит с герцогом Клементом с вашей легкой руки, так и о вашем телохранителе...

Я вздрогнул.

— А вы откуда узнали?

— Ваше высочество... это неважно. Главное, это работает на вас. А еще многие из магов знают, что под вашим покровительством находится целая академия магов разного калибра, которых не смеет тронуть даже Церковь. Это уже создало вам определенную репутацию, и, скажу честно, не я инициатор этого разговора...

— Что-о?

Он ответил смиренно:

— Некоторые могущественные маги уполномочили меня поговорить на эту тему.

— Даже уполномочили?

— Косвенно, — ответил он торопливо, — косвенно! Но так, что я все понял.

Глава 12

Десять дней отдыха для кого-то пролетели как миг, а для меня тянулись мучительно долго. Наконец пешие части Макса выступили из лагеря, а с ними потащился тяжелый обоз, что постепенно отстанет, его будут охранять попеременно нагоняющие части сперва рыцарей, потом тяжелой конницы.

Пехота двигалась хоть и рядами, но лавой, благо дорога позволяла, даже волю тащат повозки по три-четыре в ряд, но вереница их теряется позади, а впереди конники Норберта развернули знамена, все войско сразу запестрело яркими красками и стало похоже на цветочную поляну, если посмотреть с птеродактильного полета.

Я послал арбогастра на холм, но и оттуда не мог окинуть одним взглядом всю исполинскую армию, где за массой пехотинцев неспешно выступила бронированная конница принца Сандорина, потом — герцога Мидля, затем огромное конное войско Паланта, большой отряд герцога Сулливана. А ведь еще не вывел своих людей герцог Клемент, а у него самый крупный контингент рыцарской конницы...

Я узнавал отважных воинов, что гордо и красиво несут шелестящие по ветру знамена, различал копейщиков, которых пока никто не мог сломить и даже нанести им серьезный урон, лучников и арбалетчиков, которых все берегут как зеницу ока, ибо они без панцирей, а кроме луков и арбалетов у них только ножи за поясами.

Последними, как и было договорено, идут многочисленные отряды бриттских лордов. Вот вижу конное рыцарское войско графа Виллебуа-де-Марейля, с ним идут сорок рыцарей и две тысячи хорошо вооруженных конных воинов. Дальше выступает барон Аскланд. У этого пятьдесят рыцарей, тысяча конных воинов и двести лучников. За ним идет баронет Каундифепбирф, что привел с собой семьдесят рыцарей своего отца и полторы тысячи конников... за ними еще бароны, виконты и даже графы, у них дружины поменьше, но все горят жаждой показать себя и вернуться в родное королевство со славой.

Простучали часто-часто копыта, это Альбрехт галопом гнал коня на холм, а там резко остановил рядом с моим арбогастром.

— Бриттские отряды есть, — сказал он, — и немало, а вот ирамских ни одного.

— Я это заметил, — сказал я.

Он спросил с иронией:

— И что теперь?.. Дружественное королевство Ирам или уже не совсем?

— Спросите чего-нить полегче, — сказал я.

Он охнул.

— Неужто чего-то не знаете? Или пока в несвойственном вашему высочеству как бы затруднении?..

— В несвойственном, — согласился я. — А вы что предлагаете? Нет, я вас спрашиваю, вы советник или как бы кто?

Он охнул.

— Правда?.. А я помню ваши золотые слова, что советуетесь только с Господом, больше никого не признаете. А вот Господа пока да, признаете...

— Свинья вы, — сказал я с сердцем, — а не граф! Вместо того, чтобы подставить плечо, еще и топите. Ну вот не знаю, представьте себе! Не знаю, как поступить.

Он сказал с привычным апломбом:

— Тогда самое разумное — никак. Никак не поступать. Все проблемы со временем решаются сами. Так говорит Господь!

— А какие не решаются?

— Те неразрешимы, — заверил он. — Их никто не разрешит, так что не стоит и тужиться.

Снизу со стороны войск ветерок донес рев могучих голосов:

Смело мы в бой пойдем за веру нашу
И как один умрем за мать Божию!

Он сказал одобрительно:

— Умереть за идеалы — разве есть что-то выше? Какие молодцы.

— У нас не только воинский дух, — ответил я, — но вообще все лучше, начиная с вооружения.

Арбогастр давно намекает, что нечего здесь топтаться на месте, когда вон впереди дорога, Бобик вообще посмотрел на меня вопрошающе и унесся гигантскими прыжками, прочел в моих глазах разрешение.

— Простите, граф, — сказал я, — надо конячку размять, а то застоялась...

Арбогастр все понял по интонации, я едва успел пригнуться, ветер засвистел в ушах. Уже через несколько минут догнали конников Норберта, а потом впереди на вершине зеленого холма нечто нещадно засверкало золотом так ярко, что я прикрыл глаза ладонью.

Арбогастр снизил скорость до простого галопа, и я рассмотрел гигантское яйцо ярко-желтого цвета, словно отлитое из чистейшего золота. Огромное, в рост человека, оно стоит торчком, острой вершинкой вверх, неестественно ярко выделяясь на голубом небе и зеленом ковре холма.

Разведчики Норберта, покинув седла, суеются вокруг, вымеряют, прислушиваются, прижавшись ушами к скорлупе, а вокруг них прыгает Бобик с бревном в зубах и уговаривает лучше заняться этой увлекательной игрой.

Один обернулся на стук копыт, лицо восторженное, глаза сияют, как звезды.

— Ваше высочество! — закричал он. — Крестьяне сказали, здесь яйцо феникса...

Второй возразил:

— Да что они понимают!.. Видно же, дракон снес!..

— Но сказали, что феникс...

— А они его видели? Феникс — это ж птица, а тут смотри, какое яйцо!

Я подъехал ближе, коснулся кончиками вытянутой руки поверхности странного яйца.

У земноводных яйца примитивные, кожистые, сквозь оболочку проникает влага, но уже у всех рептилий они известковые, прочные и прекрасно защищены от высыхания, потому отличить яйцо птицы и яйцо черепахи я смогу вряд ли, а уж феникса — тем более.

Примчался Норберт, осмотрел, сказал с интересом:

— Такое вижу впервые...

— Я тоже, — признался я. — Кто-то снес... и сразу же оставил. Сразу видно, что его никто не касался.

— Может и касались, — сказал Норберт, — но стоит тупым концом вниз, столкнуть не просто. Да и побоятся.

Простучали копыта коня Альбрехта, он взлетел к нам, Альбрехт охнул:

— Вы что здесь отыскиали?

Норберт буркнул:

— Да вот думаем, что с ним делать...

Альбрехт сказал с ходу:

— А если ничего?

— Как это? — спросил Норберт. — Оно же тогда выведется!

— Его покинули, — сказал Альбрехт. — Значит, и так пропадет.

Норберт с сомнением покачал головой, посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— Это куры высиживают, — сказал я, — и всякие там прочие пернатые, а черепахи и рептилии без всяких церемоний... Кто зарывает в песок, а кто и вот так... Само высиживается.

— Такое не зароешь, — поддержал Норберт. — Весь холм пришлось бы разбросать. Представляю такую курицу... Ваше высочество?

Я подумал, сказал со вздохом:

— Скорее всего, яйцо дракона. Хотя и нетипичного. Но нам высокoeволюционный дракон тем более ни к чему. Они в народном хозяйстве пока нигде не пригаживаются.

Норберт спросил суховатым тоном:

— Значит?

— Либо расстреляйте из арбалетов, — решил я. — Либо разом всадить несколько копий на всю длину. Пока не вылупилось.

Альбрехт возразил:

— Убить, не увидев, что там?

— А вам не жалко убивать детеныша? — спросил я. — Я, например, не смогу. Всевышний всем нам вложил в сердца мощный инстинкт любви к малышам, будь это волчата, утята, цыплята или кабанята. Мы всех их хватаем на руки и балуем... Нет уж, я поеду, а вы тут убивайте без меня. Но чтоб убили обязательно!

Норберт буркнул:

— Ну, это детеныша жалко... а вот яйцо разбить — это никакое не убийство.

Я обернулся, крикнул:

— Только побыстрее, пока Хреймдар не увидел! А то алхимиков со всего обоза созовет, а зачем нам народные волнения и ропот недовольства интеллигенции?

Попозже, курсируя между отдельными частями на марше, я видел, как у некоторых мелькают в руках яркие слепящие глаза зайчики, словно солдаты ухитряются нести в руках по осколку солнца.

Альбрехт перехватил мой взгляд, крикнул весело:

— Всю скорлупу разобрали!..

— Как диковинки?

— Как все сразу!.. Говорят, такая скорлупа дороже золота... А вообще-то интересно, что там было.

Я зло посмотрел на его сияющее лицо.

— Просто интересно? А вот мне до зуда в заднице интересно!.. Я бы всю жизнь изучал эти интересности и ничем больше не занимался. Но эта проклятая действительность постоянно заставляет делать не то, что нам хочется, а то, что вынужден!.. Отвратительно. Мерзко и... угнетающе. Но именно так и создается величественная и могучая цивилизация, подчиняющая всех зверей, пространство и время...

— ...и в конце концов приводит к очередной Войне Магов, — добавил он в тон, — после чего остается только выжженная и оплавленная земля.

— Типун, — сказал я сердито, — на язык и десять в задницу! На этот раз мы примем меры. И не допустим. А кто восхочет, тому руки отобьем.

Впереди лесок, трусливые березки держатся тесными кучками, дальше густая и темная зелень дубровника, там еще совсем молодые деревца, но дубки и есть дубки: вцепились в землю крепко, уже растопыривают локти ветвей, за ними темное разнолесье, куда забредают только охотники, а бабам собирать ягоды, грибы и хворост хватает и опушек.

Первый день марша прошел бодро и весело, еще никто не устал и не сбил ноги, а когда конники Норберта сообщили, что вон там они нашли удобное место для привала, всем показалось, что еще рано, хотя солнце уже начало багроветь и медленно сползает по выгнутому небосклону к горящей внизу земле.

Зигфрид едет за моей спиной, приотстав на десяток ярдов. Рядом с ним его женщина, но пока никто не знает, что это не самец — достаточно рослая, с красивыми прямыми плечами, а доспехи скрывают длинные волосы и прочие вторичные признаки.

Она явно избегает меня, страхась, что выгоню из войска и разлучу с Зигфридом, тот начинает дергаться,

разрываясь между желанием быть со мной рядом, чтобы прикрывать мою спину, и стремлением быть рядом со спасенной, наконец я, заметив его муки, подозвал ближе и сказал негромко:

— Зигфрид! Любое покушение на важного лорда, который обычно окружен либо свитой, либо охраной, требует длительной подготовки. Согласен?

— Ну? — ответил он настороженно.

— Такое, — объяснил я, — возможно только там, где жертва находился долго, чтобы успеть прибыть тоже туда, изучить все места нападения и пути отхода.

— Ну-у, — протянул он.

— Хвост гну, — ответил я. — Я тебе уже говорил, когда лорд постоянно в движении, никакие покушения немыслимы, разве что враг идет в наших рядах. Но это исключено, наши... гм... алхимики и священники давно проверили и перепроверили всех, кто имеет право приближаться к моему шатру или моей персоне. Так что расслабься и получай удовольствие!

— Ваше высочество?

— Пока что уделяй внимание своей красотке, — посоветовал я. — Среди своего войска я в полной безопасности. Это во дворцах все кипит придворными змеями...

Впереди показались воткнутые в землю флажки, так размечают вчерне, где расположиться конным, где пешим, а куда поставить обоз. Самый большой флаг на месте, где нужно спешно водрузить шатер, хотя я запретил ставить для одноразовых ночевок...

К сожалению, в зеркало, которое нагло спер у горных эльфов, не увидеть, что впереди и что с боков. Могу только посмотреть, что у нас сзади, но это и так знаю, потому потихоньку выбрался проверить часовых за пределами лагеря, а там отбежал на четвереньках, прячась за невысокими кустами, а оттуда взмыл в небо птеродактилем.

Сперва небо выглядит отражением земли: та же чернота с яркими точками костров, затем землю затапливает дикая чернильная тьма, которая оставалась бы непроглядной, если бы мне так и хотелось. Но я сосредоточился, из-за чего забыл двигать крыльями и провалился в воздушную яму на несколько десятков ярдов, пока мягко не ударился о восходящий тепловой поток и, раскинув крылья, разлегся на нем, а он вознес на достаточную высоту, чтобы уже идти по прямой, не поднимаясь и не опускаясь.

Земля внизу выглядит, как днем в очень ненастное время, нет, даже как при солнечном затмении, когда теряются все цвета и краски. Но видно достаточно отчетливо, пока взгляд не натывается на какой-нибудь костер охотничьей группы, и тогда этот дикий режущий глаза свет на некоторое время ослепляет, но если снизить его интенсивность, то и все вокруг погрузится в непроглядную черноту ночи...

Все-таки, мелькнула мысль, у Мунтвига есть какие-то возможности по управлению войсками даже на огромных расстояниях. Россыпь костров я обнаружил всего в двух десятках миль на севере. Там уже лагерь, а еще виднеется целый огненный ручеек, это при свете факелов, как я рассмотрел, снизившись, медленно и осторожно двигается обоз.

Сердце застучало чаще, и козе понятно, идут наперехват. Вообще-то мы можем избежать встречи, если встать на рассвете и сразу же двинуться дальше на запад, а там пусть догоняют, вряд ли сумеют...

С другой стороны, нехорошо будет столкнуться с сильным противником, когда на хвосте еще одна армия.

Правда, есть надежда, что вскоре отстанут и повернут на юг, все-таки там их главная цель... хотя кто знает, как дела обстоят сейчас. Мы вторглись так глубоко, что временно могут сменить эту самую главную...

Я сделал большой круг на высоте, нет ли еще где подкреплений, понятно, армия довольно крупная, войск почти столько же, как и в нашей, хотя конницы вроде бы побольше...

Едва занялся рассвет, мои гонцы растолкали спящих или дремлющих у костров военачальников.

— Его высочество ждет!..

Зигфрид придерживал полог, пока они гуськом двигались в шатер, а я поднялся, выказывая уважение соратникам, но велел достаточно строго:

— Всем проснуться, за зевоту буду штрафовать понижением в титуле!.. Сесть и слушать внимательно... Сели?.. Граф Альбрехт, как-то вы странно сели... и чего ерзаете?

Не заулыбался только герцог Мидль, всегда не только серьезный, но и до предела корректный, чинно сел на лавку и обратил ко мне строгое лицо с вопрошающими глазами.

— Мне во сне было видение, — начал я, кто-то хихикнул, но я повысил голос, — которое указало, что с севера нам наперехват прет большая армия. Они точно знают, кто мы и где находимся, это видно по их движению.

Молчание показалось долгим, очень уж неожиданная новость, наконец Клемент прогудел гулко, словно из глубокого погребя:

— Тогда лучше встречать их не здесь.

Сулливан сразу же уточнил:

— Здесь удобное место для отдыха, но не для битвы.

— Я уже думал над этим, — сообщил я величественно. — За лесом, что темнеет на севере, прекрасная долина. Справа река, слева горы, за спиной у нас окажется лес, где спрячем засадный полк. Есть там и еще один момент...

Принц Сандорин спросил живо:

— Хороший?

— Смотря как повернем, — объяснил я. — Им придется пройти довольно узким ущельем... жаль, не настолько, чтобы его перегородить! С другой стороны, если обратить противника в бегство, то в этом ущелье друг друга затопчут, а еще с обрывов можно забросать камнями...

Палант, стараясь быть полезным, расстелил на столе карту. Я повел по ней пальцем, указывая, кому где занять место, как только прибудем.

Они поднялись, сгрудились у стола, Сандорин первым начал предлагать варианты, но сконфузился и признался с неохотой, что да, трудно лезть со своими предложениями, когда его высочеству Ричарду самовидение подсказало, где какие войска поставить.

Норберт сказал быстро:

— Я сразу же отправлюсь со своими в обход. Как только они втянутся в ущелье, перекроем выход...

— Ни в коем случае, — сказал я. — Пусть бегут. В спину бить легче. Там слишком плохая для отступления дорога, они почти все полягут...

Альбрехт провел пальцем по карте.

— Отступать будут вот здесь?.. Тогда да, лучше даже не пытаться сооружать завалы. Все равно слишком широко, а во-вторых, дорога извилистая, можно устроить не одну лавину... Его высочество не зря общается с разными, ну, видениями... У него они совсем не такие, как у нас. Даже если бабы, то и те говорят о военной стратегии, а не ублажают, как вон...

Он мазнул взглядом по лицам, но первым попался Мидль с поджатым ртом и строгим взглядом, затем Клемент молча показал кулак, а Сулливан посмотрел с угрозой, Макса обижать грех, слишком чистая душа,

ему если и являются видения, то лишь в виде великих полководцев древности, наконец вздохнул и, решив, что сказал достаточно, просто махнул рукой, дескать, сами свои грешки знаете.

Глава 13

Негромко протрубили трубы, промчался на легком коне разведчик.

— Враг приближается, — крикнул он.

Воины поднимались, затапывали костры и становились в строй. Стало темно, но тем ярче полыхает вдали подоженная деревушка, а когда зарево достигло вершины ближайших деревьев, в небе погасли в его страшном свете звезды.

Трубы протрубили снова тихонько, на этот раз сигнал к выступлению. Люди и кони качнулись, как одно существо с множеством голов и густой щетиной пик на спине, слышались глухие удары копыт по мягкой земле и мерный стук подошв сапог.

Армия пошла в сторону зарева, Клемент и Сулливан повели ее слегка в стороны, врага следует зажать в клещи, за это время странно и дико загорланили в лесу петухи, выдавая спрятавшихся сельчан.

Небо посветлело, на востоке разгорается бледная заря, а черная масса конницы наконец-то распалась на отдельных всадников, даже можно различить, где заканчивается человек, а где примерно начинается конь.

Я уже начал беспокоиться, все время выезжал вперед, наконец прибыла рыцарская конница Клемента, заняла позиции, следом тяжеловооруженные войска шателленцев, вендоверцев, бриттских лордов, а последними, но с небольшим отрывом, прибыли пе-

хотные части Макса и тут же встали на указанные им места.

Солнце уже поднялось над лесом, когда на взмыленном коне примчался посыльный от Норберта, прокричал, удерживая на месте разгоряченного коня:

— Мунтвиговцы идут!

Все повернули ко мне головы, я спросил:

— В каком порядке?

— Колонна тяжелых рыцарей, — крикнул он. — Примерно человек восемьсот, а следом тысячи три панцирной конницы!

— Ожидаемо, — ответил я. — Как видите, одно из условий победы — сделать что-нибудь неожиданное, дабы смутить противника. А наш враг действует строго по шаблону... к которому мы уже примерились.

Послышался топот, примчался второй конник, прокричал с седла:

— Они нас заметили!

— И что? — спросил я с интересом.

— Выстраиваются для битвы!

— Все, — сказал я громко, — как мы и заказали. Молодцы. Как хорошо иметь дело с противником, чьи действия известны наперед.

Их встревоженные лица светлели, я излучаю оптимизм и радость близкой победы, а это так важно, я даже вижу, как в их сердцах разгорается огонь отваги и жажды смертельных схваток.

Военачальники садились на коней и подчеркнуто неспешно разъезжались к своим войскам. Со мной ненадолго остался только епископ Геллерий, а Хреймдар, как понимаю, вместе с рядом алхимиков и священников сейчас где-то в рядах войска, скорее всего в пехоте, которой придется выдержать основной удар.

Я видел, как тот край долины, зеленый и радостный, быстро темнеет, словно по небу в нашу сторону

катит тяжелая грозовая туча. Грозно и опасно заблистали холодные искры на металле доспехов и обнаженном оружии.

Армия мунтвиговцев в полном боевом порядке движется через долину и, как я понял, останавливаться не собирается, у нас с виду вдвое меньше людей, да и то почти одна пехота, а спрятанные за деревьями конницы Клемента, Мидля, Сандорина и Паланта не видно. Зато все дружины бриттских лордов стоят красиво и гордо, готовые принять удар бронированного противника.

Я даже не пытался уговаривать их подчиниться стратегическому замыслу напасть из засады, это недостойно и негоже, скажут обязательно, что рыцари так не поступают...

Уже все на поле различают знамена неприятеля, больше всего знамен из Пекланда, затем из Эбберта, Сакранта, но большинство все равно не определить, это, скорее всего, знамена и значки удельных лордов, что не желают делиться властью даже с королями.

Когда они приблизились еще, до нас донеслась боевая песнь, которую красиво и мощно ревут могучие мужские голоса:

Будет людям щасте, щасте на века!
У мунтвижьей власти сила велика!

Принц Сандорин проворчал с неприязнью:

— Ничего, сломим и эту силу.

Я ответил сухо, не поворачивая головы:

— Принц, займите свое место среди своих воинов.

Пока никто не сказал, что вы избегаете схваток.

Он вспыхнул румянцем, как девушка, которой сказали нечто скабрезное, вскочил в седло и пропал, только быстро удалился стук копыт.

Со стороны мунтвиговцев раздались звуки боевых рогов: хриплые и страшные, они пронеслись над их войском и, преодолев разделяющее противников расстояние, ударились в копейщиков Макса и замерших справа и слева от них конных рыцарей бриттских лордов.

Рыцарская конница двинулась шагом, длинные копья с блестящими остриями начали медленно наклоняться. Кони перешли на рысь, затем в галоп. Грохот становился все сильнее, земля застонала от тяжести.

Стальная лавина, ошетилившаяся копьями, несется прямо на нас с такой мощью, что сердце мое на миг остановилось в страхе, ибо нет силы, чтобы сумела остановить эту лавину, что страшнее любой, срывающейся с высоких гор...

Епископ Геллерий вышел к копейщикам Макса и, повернувшись спиной к набирающим скорость мунтвиговским рыцарям, вскинул высоко руку с крестом и прокричал:

— Во имя Господа!.. Сегодня вы одержите великую победу!.. Ангелы наблюдают за вами! Кто падет в этот день, того примут в объятия и унесут в рай, обнимая крыльями!.. Слава Господу!

В ответ раздался мощный рев тысяч глоток:

— Слава Господу!

Даже я, наблюдающий с пригорка, ощутил добавочную силу в мышцах, а сердце затрепетало чаще и преисполнилось некоего осознания величия момента.

Длинные копья из балийского ясеня пошли вниз, грозно блистая длинными стальными лезвиями, нацелились в сторону надвигающейся ураганом стальной лавины.

Я стиснул челюсти и задержал дыхание, все чувства кричат, что ничем это не остановить, но глаза отслеживают, как бойцы упирают копья тупым концом в землю, прижимая подошвой, а острия направляют

в бронированных рыцарей на таких же бронированных конях.

Раздался тяжелый грохот, слышались крики боли и ярости. Десятки раненых коней поднялись на дыбы, сбрасывая всадников под копыта. Я видел рыцарей, что роняют мечи и хватаются в недоумении за вонзившиеся в них копыта, не понимая, как те достали их в седлах и даже пробили стальные панцири.

Обезумевшие от ужаса кони с опустевшими седлами с диким ржанием поворачиваются от страшных жал и вносят сумятицу в ряды наступающих.

Макс покрикивает громко и уверенно, отдавая приказы. Копейщики время от времени отступают на шаг, их моментально сменяют другие. Стальная щетина на длинных копьях смотрит на мунтвиговских рыцарей в несколько рядов, прорваться немыслимо, если часто-часто не забросать этих дерзких простолюдинов, к примеру, тяжелыми камнями из катапульта, однако это из-за спин копейщиков то и дело взлетает рой тяжелых стрел, каких еще не знают здесь на севере, что бьют тяжело, нанося серьезные раны.

Я сцепил челюсти и ругнулся: бриттские лорды, не дожидаясь приказа и спеша выпендриться друг перед другом, ударили справа и слева по конной армии мунтвиговцев.

Завязалась страшная сеча, рыцари против рыцарей, но это на флангах, а основная масса мунтвиговской конницы ломилась вперед, в ярости стараясь опрокинуть ошестинившееся копытами в пять рядов войско простолюдинов.

Темная туча стрел то и дело обрушивается сверху и вышибает из седел знатнейших рыцарей с пышными султанами на шлемах, но одна большая группа отделилась и начала огибать не только войско копьеносцев, но и бриттских лордов справа.

За ними, сообразив, где можно зайти с тылу, потянулись другие, и уже две трети войска пошли обходить обороняющихся. Я видел, как Макс прокричал что-то, подкрепляя команду жестами. Часть копьеносцев с южной стороны развернулись и выставили копья, следя за грохочущей лавиной конницы, превратив войско в исполинского ежа, выставившего колючки во все стороны.

Однако конница все равно использовала преимущество в численности, охватив все войско и зайдя с тыла, после чего началась сеча больше с бриттскими лордами. Неудобную для атаки пехоту оставили на потом.

Лучники почти перестали осыпать стрелами мунтвиговцев, опасаясь попасть в бриттийцев, что, выказывая отвагу, врубались в самую гущу мунтвиговского войска, не обращая внимания, что тех вдесятеро больше.

Я задерживал дыхание и сжимал кулаки, за моей спиной Зигфрид сказал со злостью:

— Ну... чего Клемент ждет?

И хотя я сам только что чуть не сказал то же самое, но ему возразил:

— Нужно еще чуть... чуть... вон когда вон те в красных плащах пройдут мимо того дуба, разбитого молнией...

— Уже... почти... ну совсем сейчас пройдут...

Отряд элитных рыцарей мунтвиговского войска прошел мимо дуба с расщепленным и почерневшим стволом, и почти сразу между деревьями грозно заблестал металл, с грохотом выметнулись на великанских конях великанские рыцари, за ними еще и еще, ударили с такой страшной силой, что опешившие воины мунтвиговской рати попятились под натиском.

Зигфрид заорал ликующе:

— Они слышали ваш приказ?

— Клемент, — ответил я, — знает, когда ударить. Ну, теперь можно и нам...

Он вскрикнул:

— Ваше высочество!

— Можно-можно, — ответил я.

Бобик повилал нерешительно хвостом, напоминая о себе, я сказал строго:

— С места не сходить!.. Драться только для самозащиты! Все понял? Так что жди!

Когда мы с арбогастром домчались до схватки, там во главе своих вассалов уже отчаянно и страшно рубится Сулливан, верный сын Церкви: на белом рыцарском щите огромный красный крест от края и до края, на белом нагруднике такой же крест, полыхающий красным, и шлем с крестом, страшное зрелище, когда он в праведной ярости мощно наносит удары сверху огромным топором, возвышаясь над противниками на голову.

Неподалеку так же свирепо повергает посмевающих утверждать, что их Христос лучше нашего, могучий Клемент. Не так яростно он наносил бы удары даже по диким язычникам, как по этим подлым еретикам, посмевающим говорить вслух, что наш Господь какой-то вовсе и не Бог, а что-то непонятное, а вот у них настоящий Господь, и он с ними...

— Мы вам покажем, — ревел рядом ему в унисон Сулливан, — с кем Бог!.. Вы это сегодня увидите!.. Хар-р-рашо увидите...

Герцог Мидль во главе шателленцев дерется от них слева, очень умело и расчетливо, панцирь его выглядит литым и очень толстым, настолько зазоры между кирасой, наплечниками и нарукавной броней крохотные, почти незаметные. Цвет его доспехов серый, никакого вызывающего блеска, а когда падают лучи солнца, сталь отсвечивает тускло, сдержанно, с достоинством лорда, которому служит.

Он отсалютовал мне мечом с залитым кровью лезвием, я кивнул в ответ и пошел проламываться вперед, стараясь посеять как можно больше ужаса свирепыми ударами.

Палант рубится яростно, со зверски перекошенным лицом. Рот искривился настолько злобно, что вот-вот пойдет пена, рычание рвется из горла хриплое, дикое, то ли в самом деле впал в боевую ярость, то ли старается ее выказывать, наслушавшись от Растера, что настоящие бойцы всегда стервенеют в бою.

Принц Сандорин ведет за собой группу вендоверцев достаточно уверенно, он в отличие от Паланта даже в самые неистовые моменты схватки сохраняет предельную, даже подчеркнутую невозмутимость высокорожденного принца.

Из леса все выплескивается могучая рыцарская конница, среди мунтвиговского войска началось замешательство, первыми дрогнули и начали отступать тяжелые всадники, потом пустились в бегство.

Герцог Мидль, как и было договорено на совещании, повел своих людей в погоню. К нему с азартом присоединились почти все бриттские дружины, злобно догоняя и убивая в спину бегущих с поля боя, с трусами нужно поступать именно так.

Я только проводил их взглядом, далеко не убегут, спешившиеся конники Норберта уже засели над дорогой возле камней, которые обрушат в нужное время, а там дальше бегущих уже готов встретить граф Альбрехт со своими людьми...

Остались сражаться только рыцари, я видел, как шлемы и щиты трещат и разлетаются под страшными по силе ударами топоров, стальные наплечники прогибаются, как будто из кожи, кровь брызгает во все стороны, отважные воины, рассыпая удары, вдруг сами пропускают смертельный, после чего валятся с коней с тяжелым грохотом.

От лязга и звона закладывает уши, мечи и топоры грохочут безостановочно, с хрустом разлетаются прочные панцири, крики боли и ярости слышатся со всех сторон, конские копыта растаптывают раненых...

Клемент с ревом опрокидывал всадников вместе с конями, его удары разбивают шлемы, как прогнившие дыни, а его ближайшие воины, как и он, облаченные в непробиваемые для простого железа вестготские доспехи, идут рядом и крушат, повергают, вбивают в землю, сами с головы до ног уже забрызганные красным, словно мясники на бойне.

Сулливан сражался молча и почти спокойно, однако от руки этого великана гибнет все, кого касается его огромный двуручный меч, которым Сулливан легко орудует одной рукой, словно кинжалом. За ним тоже идут его вассальные рыцари, гордые таким господином, их удары отправили на тот свет множество славных рыцарей, которых недосчитаются в королевствах Севера.

Рыцари Мунтвига, потеряв коней, встали в огромный круг и защищались умело и отчаянно, однако при всей отваге и мужестве ничего не могли сделать против численного превосходства и гибли под ударами мечей и топоров, до последней минуты жизни оставшись отважными и неустрашимыми.

Глава 14

Я выбрался из схватки, исход уже ясен, вздрогнул при виде женщины в двадцати ярдах от меня, что стоит во весь рост и во все глаза смотрит на жестокую битву. Ослепительно-черные, с блеском вороньего крыла волосы свободно падают на спину, на голове нечто вроде массивной диадемы из тускло блещущего золота, но с некой рогатой башенкой на темени.

Края диадемы опускаются до самых плеч, стилизованные под птичьи перья из золота, с плеча на плечо перекинута некое украшение, похожее на кольчужную сетку из золота, грудь прикрывает узкая повязка опять же из золотой материи, ниже все обнажено, только на бедрах держится лоскут золотой ткани, ниспадающей до самой земли, его края соединены между собой широкой золотой брошкой, если такие бывают, на том месте, где живот заканчивается, а начинаются ноги, густо вымазанные золотой краской.

В руке она держит длинный жезл, я подъехал ближе и рассмотрел, что не жезл, а посох, хотя верхушка украшена, как у магического жезла, камешками, змейками из нефрита и выпуклыми рунами.

В другой руке кольцо с тремя массивными ключами, я как-то сразу ощутил, что ключи не из металла, а если из металла, то сильно отличающегося от всех, какие знаю.

Браслеты на запястьях такие широкие, что еще бы столько, и добрались бы до локтей. И, конечно, из того же тускло и таинственно мерцающего золота. Золотая женщина, особенно если учесть, что и все тело вымазано золотой краской.

Я остановил арбогастра, чтобы не пугать, сказал почтительно:

— Надеюсь, это зрелище не слишком вас утомляет...

Она вздрогнула, обернулась, глаза сильно удлинённые, но не эльфийские, а по-восточному подрисованные густо сурьмой вверх к вискам.

На лице сильнейшее удивление, дескать, а я откуда здесь взялся, но взгляд упал на Зайчика, перепрыгнул на Бобика, тот подошел к ней и дружелюбно махнул пару раз хвостом, затем посмотрела на меня уже с нарастающим высокомерием.

— Почему так долго?

— Чё? — поинтересовался я.

Она поморщилась.

— Вы наемник? Из диких земель?..

— Ну, — ответил я уклончиво, — все мы странники в этом мире.

Она сказала холодно:

— Вы должны пасть ниц и обращаться ко мне, как положено!.. Но вы дикий человек, вас наняли недавно, это видно, но хоть можете сказать, как идет битва за Пракемт?

— Успешно, — ответил я. — Хотя с какой стороны посмотреть... А вы как смотрите?

Она воскликнула негодуя:

— Что?.. Я и есть правительница Пракемта!..

— Отвоевываем, — ответил я. — Мы всегда так. Даже когда не понимаем ни черта... Сэр Сатана, я не призываю вас, это так к слову помянулось.

Она спросила настороженно:

— Что, у вас какие-то другие боги? Если вы поступили на службу, вы должны приносить жертвы только богам Пракемта!

— Это я с удовольствием, — заверил я. — Особенно если вам. Вы ведь богиня, какая вы правительница Пракемта! Вы можете править небесами...

Мне показалось, что на ее лице проступило польщенное выражение, однако тут же ее плоть дрогнула, и хотя эта золотая женщина осталась на месте, я смутно начал различать каменную стену за ее спиной.

Простучали дробно копытца мула, это ко мне мчит-ся во весь опор епископ Геллерий, в одной руке повод, в другой воздетый крест.

Я обернулся к золотой женщине, но она растаяла почти вся, только медленно тускнеют ее золотые брас-

леты, повязка на груди да еще массивная брошка на том самом месте.

Мул остановился, нутужно сопя, Геллерий вскрикнул, дрожа всем телом:

— Фух, я успел!.. Вы видели? Вы видели?

— Что? — спросил я осторожно.

— Королеву древних царств! — прокричал он возбужденно. — Она поднимается в дни великих битв, все надеется, что ее муж привел войска с Юга и отвоевыва-ет для нее захваченную врагами страну!

— Да че-то видел, — ответил я небрежно. — Но так, низенько, низенько... в смысле, мутновато. Не впечатлило.

Он сказал с тревогой:

— Точно? А то ее появление — плохой знак. К большой беде.

— Хорошо, — сказал я с удовлетворением.

Он спросил быстро:

— Что же хорошего?

— А чего их жалеть? — удивился я. — Побьем, погоним, догоним и еще дадим. И дам и город захватим.

— А-а-а, — протянул он с неуверенностью, — вы про мунтвиговцев.

— А что же еще? — спросил я. — Если вы вот так не по-христиански готовы верить в приметы, то верьте правильно! Все хорошее — в нашу пользу, все несчастья — на голову врага! А мы вперед и с песней.

Зигфрид все время двигается за мной молча, доспехи на нем посеченные, но сам цел, более того, улыбается во весь рот. Рядом с ним его Скарлетт, что-то смутно вспоминаю, будто видел ее силуэт, но не слишком отчетливо, словно Зигфрид бережет мою шкуру, а она — его.

Со стороны обоза на резвой лошадке примчался Хреймдар, поклонился.

— Бой закончен?

— Полностью, — заверил я. — Можешь сменить штаны.

— Мои поздравления, — сказал он учтиво. — Кстати, как ваши... доспехи?

Я скосил глаза на свою грудь, посмотрел на обе руки. Рубашка на мне великолепная, чистая, никогда не мнется, как и штаны с сапогами, и, как подозреваю, всегда самая модная.

— Спасибо, — ответил я. — Зигфрид, ты можешь идти. Приготовь все в шатре, нам тут придется остановиться хотя бы на пару дней.

Зигфрид кивнул, и они со Скарлетт умчались, а я повернулся к Хреймдару. Он продолжал смотреть с вопросом в глазах.

— Вообще-то как-то забываю о них, — признался я. — Настолько удобные, что вообще... Когда нужно, доспех, когда нет — простая одежда. Хотя и как одежда пару раз спасала мою шкуру... ну, не жизнь, а именно шкуру, не давая ее продырявить. А так даже не помню, что на мне.

— Это по-мужски, — одобрил он со странной интонацией.

— А что? — спросил я с легкой настороженностью. — Может меня как-нибудь ночью придушить?

Он покачал головой.

— Нет. Напротив, будет служить верой и правдой. Я покопался в старых летописях, кое-что нарыл.

— Ну-ну?

— Это пока не абсолютно точно, — предупредил он, — но я все больше склоняюсь к мнению, что это и есть шкура или доспех Нимврода, как ее ни назови.

Я порылся в памяти, спросил неуверенно:

— Это тот гад, который легендарный охотник? От его стрел не уходил ни один зверь?

Хреймдар сказал с усмешкой:

— Не только. По легенде, он вызывал на поединок самого Бога и пускал в облака стрелы. Однажды одна из стрел вернулась окровавленной, и он решил, что ранил или убил Бога...

— Птичку подстрелил? — предположил я. — Ну-ну, а почему это именно та самая?

Он понизил голос:

— Это не простая шкура. Когда Первозмей соблазнил Еву, он был прекрасным и красивым животным в таком же человеческом теле, как и мы с вами. Может быть, даже красивее, все-таки у Всевышнего был вкус... Потом создавал разных зверей... а когда решил сотворить Адама, просто взял за образец лучшее из сотворенного и создал такое же точно из глины, вдохнул душу... дальше вы знаете.

Я сказал пораженно:

— Немудрено, что бедная Ева их перепутала!

— Так вот, — сказал Хреймдар, — Господь того Первозмея в ярости превратил в ползающего по земле гада, отняв у него даже руки и ноги — что за зверское наказание! — а его великолепную сверкающую шкуру отдал Адаму. Адам носил ее всю жизнь, потом передал Сифу, тот перед смертью дальше своим потомкам... В летописях есть не только о Нимвроде, который получил ее по наследству... В общем, в конце концов, она долго лежала без хозяина, потеряла цвет и форму, потому и выглядела, как простая вода, а теперь вот снова служит радостно и охотно.

— погоди, — сказал я с сомнением, — но если она переходила из рода в род... это как бы родовая реликвия? И чужому служить не будет?

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— Да.

— Но я, — пробормотал я, — при чем тут я? Мой народ с далекого севера...

Он улыбнулся с той снисходительностью, когда смотрят на милого и глупого ребенка.

— Вы полагаете, что ваш народ, как бы далеко он ни забрался от Эдема, ничего не имеет общего с Адамом?

Я покосился на рубашку, плотно прилегающую к телу, такие называют приталенными, в ней всегда тепло, на солнце не жарко, никогда не пачкается, а при необходимости мгновенно превращается в доспехи.

— Когда ее носил Адам, — пробормотал я, — это было шкурой, потому что тогда раньше других одежд не существовало, верно?

Он кивнул.

— Думаю, вы правы.

— И сам Адам просто помыслить не мог ни о чем другом?

Он сказал сдержанно:

— Во времена Нимврода, возможно, это было нечто пышное, яркое и красивое... Однако не спешите узнавать все тайны этой шкуры.

— Мне не до того, — ответил я почти искренне, в самом деле экспериментировать некогда, но как-нибудь выберу время, попробую сотворить или перевоплотить во что-то такое, что могу представить пока только я. — Скорее всего, просто о ней забуду.

Глава 15

Через трое суток мы снова выступили в поход, держась прежнего направления строго на запад. Здесь земли показались не столько побогаче, сколько меньше затронутыми войной, словно это королевство и

есть то осиное гнездо, откуда вылетели эти смертоносные шершни войны.

На ночлег обычно останавливаемся в деревнях, заодно опустошая их на предмет продовольствия. Хотя страна эта явно принадлежит противнику, но я запретил особенно уж обижать местных крестьян. Все-таки хоть и враги, но не по своей воле.

За все время нас всего трижды настигали дожди, все еще по-летнему бурные и короткие. На земле мгновенно появляются ручьи и вздуваются с каждым мгновением, но через пару часов от них не остается и следа, а вскоре и сама почва снова становится сухой и звонкой.

Еще дважды поднявшись в небо, я пришел к мысли, что королевства расположены совсем не так, как представлял, когда везли мощи Тертуллиана или когда я ехал по заданию инквизиции искать сэра Галантлара в далекий замок Амальфи.

То ли они сами сдвинулись, что маловероятно, обычно слегка меняются только очертания, когда приграничные лорды принимают покровительство то одного монарха, то другого, то ли те, кто тогда указывал дорогу, не владели точной информацией.

Только вот теперь, когда лечу, растопылив крылья, и вижу с большой высоты земли, горы, реки, леса и озера, могу с достаточной точностью определить границы, привязывая их к заметным ориентирам вроде высоких гор, больших рек или озер.

Даже короли не имеют точных карт своих владений, вон как я удивил короля Ричмонда и его секретаря, указав не только точные расстояния между городами и реками, но и выявив пару опасных проходов между горными цепями, которые Ричмонд считал непроходимыми.

Сегодня во время марша ко мне примчался на взмыленном коне конник и прокричал, что замечен

отряд мунтвиговцев, но едут в нашу сторону с белым флагом.

Ко мне быстро съехались наши лорды, заинтересованные и встревоженные, окружили с вопрошающими взглядами.

Я проговорил в нерешительности:

— Просто ждем.

В напряженном ожидании прошло с полчаса, наконец между двух невысоких холмов показались ярко и богато одетые всадники со знаменем Мунтвига, а рядом простой воин несет развевающийся белый флаг.

— Какой-то подвох, — сказал я Норберту. — Пусть священники возьмут кресты и святую воду.

— А наши алхимики, — добавил он, — свои штуки?

— Обязательно!

— Сделаем, — ответил он. — Мы в чужом краю. Надо быть готовыми ко всему.

Они остановились на полдороге, сзади приблизились еще несколько всадников, все в дорогих доспехах, инкрустированных золотом и драгоценными камнями, не простые свиньи. Знамена реют над их головами с такими затейливыми гербами и девизами, что я даже не стал всматриваться, все равно не знаю.

Вперед выехал явно крупный военачальник, красиво и величественно, подчеркивая каждым движением свою значимость, поднял руки и снял шлем. Оруженосец моментально оказался рядом, рыцарь передал, не глядя в его сторону, очень характерный жест, оруженосец поехал сзади, отстав на два конских корпуса.

Военачальник, на мой взгляд, не стар, но побывавший в битвах и походах, видно по грубому обветренному лицу, покусанному жестокими морозами, исхлестанному ветрами и опаленному нещадным солнцем.

Я ждал молча, он подъехал неспешно, на лице уверенность в своей мощи и неприкосновенности, на ме-

ня взглянул с вялым интересом, как на мелкого командира части, которых у него видимо-невидимо.

— Сэр Ричард? — осведомился он вежливо.

— Имею честь им быть, — ответил я сдержанно.

— Граф Гордон Термискольд, — представился он. — Командующий четвертой армией.

— А кто командует третьей? — поинтересовался я.

Он приподнял бровь.

— Простите?

— Я знаком с командующими первой и второй армий, — сообщил я, скромно не уточнив, что оба теперь в аду, — графом Чарльзом Делстэйджем и оверлордом Гангером. Ах да, еще князем Даниелом Сэндбриджем! Какой милый и воспитанный был человек!

Он не обратил внимания на слово «был», и в голову не может прийти, что командующий погибнуть может так же просто, как и его рыцари.

— А-а-а, — сказал он понимающе, — ваше высочество, у нас еще три армии, что уверенно идут на Юг, а седьмая сейчас формируется в северных землях. Ваше высочество, я прибыл к вам с очень важной миссией от самого императора.

— Ого, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал вежливо и в то же время иронично, хотя сердце затрепыхалось в сильнейшем волнении, — польщен. Я слушаю.

Вместо ответа он повернулся все так же красиво и державно, подал рукой знак своим людям. Там задвигались, их плотные ряды расступились, вперед выехала, а затем помчалась в нашу сторону, набирая скорость, нарядная повозка, запряженная четверкой могучего вида коней.

Норберт сразу же послал легких конников вперед. Те встретили и, окружив вроде бы почетным эскортом, сопровождали до нас. Граф Термискольд скупой улыб-

нул, оценивая разумную предосторожность, умело замаскированную под учтивость.

Дверца распахнулась, оттуда выпрыгнула молодая грациозная девушка со скамеечкой в руках, поставила на землю и склонилась в поклоне.

В проеме появилась настолько пышно одетая женщина, что я сперва за блеском золота и драгоценностей не сразу узнал, а Аскланделла, величаво сойдя на землю, с самым высокомерным видом остановилась и требовательно посмотрела в мою сторону.

Я охнул, повернулся к графу Термискольду.

— Это... что?

— Принцесса Аскланделла Франкхаузнер, — ответил он любезно. — Дочь императора Вильгельма Блистательного.

— Об этом я уже слышан, — прервал я. — Простите, граф, за грубость, но я немножко, а то и весьма...

Он чуть наклонил голову.

— Понимаю вас, ваше высочество.

— Но какого хрена, — прошипел я, — она здесь?

— Тише, ваше высочество, — предостерег он, — а то услышит.

— Но все-таки?

Он ответил с вежливым поклоном:

— Надеюсь, принцесса сама все объяснит. На этом моя трудная миссия завершена. Возвращаюсь к более легким и приятным занятиям вроде битв и сражений, нелегким переходам и ночевкам у костра... Счастливо оставаться, ваше высочество!

Он повернул коня и пришпорил его так, что тот сразу пошел в карьер, а я остался с раскрытым ртом, как дурак, собравшийся петь, хотя зрители разбежались.

Норберт пробормотал тихонько:

— Вот щасте-то подвалило...

— Типун тебе, — сказал я угрюмо. — Что же делать с этой надменной дурой...

— Разве не ваш гордый девиз, — спросил он, — идти опасности навстречу?

— Мой девиз, — ответил я, — пусть идет мимо.

— Как можно?

— А вот так. Мимо и подальше. Можно — вприпрыжку.

— Сейчас не получится, — ответил он с сочувствием.

— Может, — сказал я с надеждой, — пойдете вы? Человек вы отважный...

Вместо ответа он попятился, вскочил на коня и поспешно отъехал к своим людям.

Я деревянными шагами приблизился к повозке, широко улыбнулся издали, принцесса молча ждет с самым надменным видом, я взял себя в руки, хоть и противно иногда такое скользкое брать, не удержишь, почтительнейшим образом раскланялся, хоть и без пританцовывания.

— Ваше высочество...

— Принц Ричард, — произнесла она равнодушно.

— Могу я осмелиться спросить, — поинтересовался я, — что как бы случилось вдруг вот, а?

— Можете, — разрешила она милостиво.

— Так какого же... ангела, — сказал я, — вы снова здесь?

Она взглянула на меня надменно и с прежним равнодушием.

— Не знаю.

— Вот как, — сказал я. — А... предположения? Догадки?.. У вас есть догадки? Или за вас и догадываются советники?

Она повела головой по сторонам.

— Вы здесь видите советников?

— Так что же, — спросил я, не давая увести себя в сторону, — что случилось, принцесса?

Она произнесла ровным голосом:

— Дорога была длинной, а ехали мы быстро. Я очень устала.

Лицо ее и в самом деле слишком побледнело, все-таки рессоры еще не изобретены, из-за чего в повозках можно передвигаться только шагом, да и то трясет так, что и непонятно, сколько подушек надо подложить еще.

Я кивнул Зигфриду.

— Проводите принцессу Аскланделлу в мой шатер.

Она прошла мимо меня с тем же равнодушным видом, только Зигфрид поинтересовался:

— Связать?

— Надеюсь, — ответил я с надеждой, — не покусает так уж сразу.

Выпендриваться не стал, на стол нам подали холодное мясо и черствый хлеб, нарезанный так изящно, что самыми кривыми на свете руками можно бы наломать ровнее.

Ела она с тем же равнодушием, я понаблюдал и сказал с невольным сочувствием:

— Вам нужно отдохнуть, лучше — поспать. Но, может быть, скажете в двух словах, почему вы здесь?

Она гордо вскинула подбородок и посмотрела на меня без всякого выражения.

— Его Императорское Величество Мунтвиг решил, что я говорю о вас недостаточно... объективно.

Я спросил настороженно:

— Мало хвалили? Я знаю, меня всегда недооценивают. Мою яркую замечательность во всем неотрази-

мом блеске вижу пока только я, а это так грустно. Как много лишает себя мир!

Она искривила губы.

— Наоборот. Мунтвиг решил, что...

Она умолкла, долго и с явным отвращением цедила сквозь зубы местное вино, слабое, зато кислое, как уксус.

— Что он решил?

— Он посчитал, — ответила она наконец, — что мое место ближе к вам, чем к нему.

Она выбирала обтекаемые фразы, что и понятно, я подавил в себе естественное чувство, даже целый ворох чувств, тоже вскинул голову, стараясь, чтобы это выглядело так же глупо и надменно.

— У вашего Мунтвига мания величия, — я сделал намеренную паузу, но она не возразила в том смысле, что Мунтвиг это Мунтвиг, он не ее Мунтвиг, а сам по себе Мунтвиг, и я добавил: — Как и у вас, принцесса.

— Ваше высочество? — спросила она оскорбительно вежливо.

— Оба считаетесь только со своим мнением, — пояснил я высокомерно. — Ни вам, ни ему даже в голову не приходит мысль, что я могу думать иначе! А я, кстати, думаю. И совсем не так, как вам двоим изволится.

Она промолчала, я крикнул громко:

— Зигфрид! Посмотри, Норберт должен быть где-то близко.

Послышались удаляющиеся шаги, через несколько минут полог отодвинулся, Норберт просунул голову, но не вошел.

— Ваше высочество?

— Норберт, — сказал я, — как далеко сейчас от нас этот отказник? Я имею в виду Мунтвига?

Он покачал головой.

— Далековато, к тому же расстояние с каждой минутой увеличивается.

— Что случилось?

— Только предположение, ваше высочество...

— Говори!

Он сказал осторожно, тщательно скрывая бурную радость:

— Похоже, армия Меганвэйла перешла в наступление.

— Тьфу-тьфу, — сказал я и, спохватившись, перекрестился. — Господи, прости за этот языческий жест, я шалею от радости. Мы выстояли под твоей десницей и начинаем расправлять плечи!.. Да ты зайди, принцесса очень устала с дороги и не укусит.

— Правда? — спросил он и, переступив порожек, добавил: — Во всяком случае, эта версия более правдоподобна, ваше высочество.

Я понял и сказал уже тише:

— Да, он наверняка старается подальше удалиться от такой... невесты, но мы будем считать, что герцог Меганвэйл перешел в наступление. Это поднимет дух нашей армии.

Принцесса фыркнула, но промолчала, хотя сам ее вид говорил, что от таких, как она, мужчины не бегают. А то, что мы умеем креститься, ничего не говорит, у нас ложный Господь, не тот Иисус, сомнительной репутации Дева Мария, а Библия вообще кривая.

— Отыщите ту кобылу, — велел я, — что носила принцессу, а также подберите новое седло для нее. Ее высочество поедет верхом.

Он вздохнул.

— А может... ее проще удавить?

— И вызвать конфликт с ее отцом? — спросил я. — Нет уж, с одной империей пока не знаем, как справиться, но с двумя...

Он подумал, кивнул.

— Да, дешевле найти ту лошадь и подобрать седло по ее... бедрам.

— Действуйте, дорогой друг, — сказал я.

Он вышел, принцесса все еще морщится, солдатские шуточки не для нежных ушей, а я поднялся и сказал с поклоном:

— Ваше высочество, фрейлин у нас не водится, но если вы не в состоянии сами расшнуровать свой корсет...

— Спасибо, сэр Ричард, — прервала она непрекращаемым тоном, — но обойдусь без вашей помощи.

— Да я и не предлагал, — ответил я.

— Предлагали, — отрезала она.

Я снова поклонился и вышел и только за шатром понял, что в самом деле уже предложил, пусть и в мыслях, даже представил себе эту картину во всей красе и чувственности.

Глава 16

Она проспала шесть часов, когда наконец Скарлетт Николсон, которую Зигфрид по такому деликатному случаю привлек и к охране шатра, подошла к костру, возле которого я на коленке расстелил карту, поклонилась по-мужски.

— Ваше высочество?

— Ну?

— Принцесса изволила проснуться, — сообщила она деловым тоном, понимая, что никакой скидки ей на пол не полагается, — и сейчас обедает.

Я покачал головой.

— Обедает?... Скоро время ужина. Что сказала?

— Ничего, ваше высочество, — ответила она смиренно. — Хотя...

— Ну?

— Интересовалась, где вас... ангелы носят.

Я сказал с сарказмом:

— Ну да, я же должен сидеть возле нее и не давать пылинке обрушиться на ее безмятежное чело!

Она спросила в недоумении:

— Ваше высочество?

Я отмахнулся.

— Сейчас буду.

Они с Зигфридом переглянулись, очень уж мой голос прозвучал при подчеркнутой небрежности как-то обреченно. Зигфрид тут же ушел, а я свернул карту в рулончик и передал слуге, хотел было посмотретья в зеркало, но и его нет, да и не стал бы под придирчивым взглядом Скарлетт...

Возле входа в мой шатер Зигфрид придирчиво дрючит телохранителей на предмет дисциплины, на стук подошв моих сапог быстро обернулся.

— Ваше высочество?..

— Оно там? — спросил я угрюмо.

— Ее высочество, — ответил он, — принцесса Аскланделла Франкхаузнер, дочь императора Вильгельма и как бы невеста императора Мунтвига...

Я сказал зло:

— Ты мне титулы засунь сам знаешь куда! Принцесса еще там?

— Ее высочество изволит быть там, — доложил он тем же почтительным голосом. — Естественно, чем-то недовольна, но ей можно и даже простительно...

Я рыкнул:

— С какой стати?

— Принцесса же, — объяснил он.

А вот хрен, подумал я мстительно, у нас как бы равноправие местами, и я демократ, хоть и авторитарный, зато с зачатками либеральных ценностей, хоть и пока ма-а-а-ахоньких, глазу пока незримых, но чувствую, как зреют вот такие грозовые зерна этих сорняков.

Я отодвинул полог, принцесса нервно ходит взад-вперед по шатру, выпалась, посвежела, энергия бурлит, хоть и дочь императора, воспитана как-то в щадящем режиме... хотя, кто знает, может быть, император как раз и гоняет своих детей в хвост и гриву, чтобы удержали империю в руках, не дали развалиться, как чаще всего получается у тех, кто родился в роскоши, а не завоевал ее потом и кровью.

Я с порога чуть-чуть наклонил голову.

— Ваше высочество...

Она ответила так же безразлично:

— Сэр Ричард...

Я сел за стол без приглашения, это вообще-то мой шатер, да и обойдемся без галантерейных штукечек.

— Так как же поступим? — спросил я протокольным голосом. — Вернуть вас немедленно взад не получится, расстояние между нами и вашим Мунтвигом увеличивается, по непроверенным, но заслуживающим доверия данным разведки, с каждой минутой. Если бы вы хоть не спали, как медведица в зимней спячке, еще был бы шанс догнать... Есть и другой вариант...

Она поинтересовалась со странным равнодушием:

— Какой?

— Напрашивающийся, — ответил я.

Она вскинула брови выше, но взгляд оставался холодным и равнодушным.

— Поясните?

— Вернуть вас отцу.

Она выслушала с прежним равнодушием золотой девочки, с которой ничего не может случиться уже в

силу того, что она — дочь всемогущего, как в ее диких землях считают, императора Вильгельма.

Я ждал ответа, но она молчала, словно ждала продолжения, наконец заинтересовалась:

— И что вам мешает?

— Даже не представляю, — ответил я честно, — где, в какой дыре находится так называемая империя Вильгельма!

Она произнесла почти холодно:

— Империя моего отца не так называемая. И она не в дыре.

— Хорошо, — уступил я, — пусть в медвежьем углу, которого на карте и с лупой не рассмотреть. Скажу честно, даже если бы я издыхал от скуки, я бы не ринулся с высунутым языком разыскивать вашего отца!

Она посмотрела на меня с ленивым презрением.

— Еще бы.

— Намека не понял, — отрубил я. — Вообще-то я не намекистый, а весьма прямой и как бы честный. Уточню, что делать мне есть что и занятий тоже вволю, хоть анусом кушай. Например, у нас война с Мунтвигом, но вы об этом явно не слышали. И я лучше займусь этим веселым и даже забавным мужским делом, чем повезу вас, связанную, в родительский дом...

Она переспросила:

— Почему связанную?

— А разве ваш отец не так вас отдал замуж?.. Ладно, не это важно. Думаю, вы просто задели самолюбие Мунтвига, но это пустяки, помиритесь. Он уязвлен, к тому же вспыльчив и горяч, как я слышал. Думаю, он сам уже дико жалеет, что вас отправил ко мне, но гордыня не позволит ему в этом сознаться.

Она сказала презрительно:

— У него не гордыня, а гордость!.. Возможно, я чуточку преувеличила ваши достоинства, несомненно

мелкие, такие бы муравью из самых мелких пород, а не человеку ваших размеров, но так как в его армии все уверены, что вы и ваши люди вообще абсолютно нечто нечистое и отвратительное, то они... не поняли моих объяснений.

— И не поймут, — заверил я, — как они могут признать, что мы само совершенство? Совесть даже подлейшего человечка радуется, если он решит, что воевать приходится с еще более подлым.

Она поморщилась, выпрямила тонкий стан так, что мои глаза сами уставились на ее вторичные признаки. Она сделала вид, что не заметила по своей величавости, хотя могла сделать вид, что не видит по другой причине, но тогда перешла бы в стан простых женщин, а такая дикость для нее немыслима.

Я наконец оторвал взгляд с таким усилием, что отчетливо чмокнуло, посмотрел в ее холодные ясные глаза и подумал с раздражением, что с чем только не сравниваем женские гляделки, любуясь их сиськами!

— Вы Тьма, — произнесла она, обдав меня ледяным дыханием января, — а Мунтвиг со своей армией несет в мир Свет и Добро.

— Ах-ах!

— С ним идет Церковь, — сказала она с вызовом, — в каждой войске по епископу и несколько аббатов!

— Еретики, — сказал я уверенно, — геенна по ним плачет!..

— Это вы еретики!

— Нет вы, — возразил я, — мы полностью придерживаемся учения Церкви.

Она сказала победно:

— Да? А Мунтвиг придерживается Святого Писания!..

— Это какого? — спросил я. — Все еще апостольского учения?..

Она искривила губы.

— Именно.

— Фух, — сказал я. — Вы меня обрадовали просто несказанно! Просто камень с души.

Она посмотрела с сильнейшим подозрением в холодных прищуренных глазах.

— Почему?

— Да я боялся, — признался я, — что он не последний же дурак, и поймет свою огромную ошибку. А так, пока он то ли в самом деле верит в правоту незыблемости архаичных заветов, либо из каких-то соображений делает вид, что верит, то наши козыри выше! И Мунтвиг падет.

Она фыркнула:

— Вот так возьмет и падет?

— Учение ортодоксальной Церкви обречено, — ответил я честно. — Оно само себя изначально загнало в тупик и стоит лицом к стене, оставив выход за спиной. Они потерпят поражение.

Она презрительно искривила губы.

— Да? Посмотрим!

Я тоже поглядел на нее свысока и презрительно, хотя если подумать трезво, то апостольское довольно долго еще жило и побеждало, хоть и по мелочам, это потом начало резко сдавать позиции, но до того времени еще далеко.

— Жаль, — сказал я хвастливо, — что нельзя устроить религиозный диспут с Мунтвигом! Я бы его разложил на лопатке. Сам я собаку съел в размышлениях о природе высокого и возвышенного... Представляете, кто-то размышляет о женских прелестях, а я ломаю голову, сколько ангелов помещается на острие иглы, так как с этого вопроса начался процесс научного мышления! Я еще тот мыслитель! Такого, бывает, намыслю...

Она поджала губы и на всякий случай посмотрела свысока, а то вдруг где-то в моих словах запрятана шпилька, я же лидер темных сил, чего от меня еще ждать.

В шатер заглянул Норберт, бросил выразительный взгляд на принцессу.

Я махнул рукой.

— Говори. Если очень секретное, то потом попросту удавим принцессу во имя сохранения тайны.

Он сказал со вздохом:

— Увы, совсем не секретное.

Я тоже вздохнул с еще большим сожалением:

— Все равно говори.

— Захвачены двое лазутчиков, — доложил он. — Оба говорят, что нам навстречу двигается большая конная армия в составе рыцарей и тяжеловооруженных воинов, а также лучников и арбалетчиков. И они уже близко.

— Пленные были вместе?

— В том-то и дело, — сказал он озабоченно, — из разных отрядов.

Я нахмурился, произнес озабоченно:

— Большая конная армия?.. Откуда она могла взяться? Сколько до столкновения?

— Говорят, два-три дня.

Я нахмурился, покусал губы. Идей много, но неловишь толковые среди бестолковых, все-таки соотношение одна к тысяче, а у меня в черепе больше трех не помещается, да и то какой-нибудь обязательно прищемишь хвост или лапу.

— Эту ночь отдыхаем, — велел я, — как обычно. Потом будет видно.

Он спросил озабоченно:

— Может быть, сразу начинать копать ров вокруг лагеря и сооружать вал? Частокол бы не помешал с бойцовскими башнями...

— Пусть люди отдыхают, — сказал я. — Рискнем! Если что, соорудить защитное кольцо успеем.

Он покосился на молча слушающую принцессу, она под его внимательным взглядом невольно подняла руку и коснулась кончиками пальцев своей тонкой, почти лебединой шеи, словно уже ощутила его беспощадные длани.

— Хорошо, — сказал он. — Лишь бы не оказались гораздо ближе.

— А наши разъезды на что? — спросил я. — Не исчезают же? Если возвращаются и докладывают, то все в порядке, враг не близок. Я не верю, что колдуны могут спрятать целое войско в незримости так, что наши священники и алхимики ничего не заметят.

— Тоже не верю, — ответил он сдержанно, — хотя кто знает... Мы вторглись в неведомые земли.

Принцесса проводила его насмешливым взглядом, а когда за ним опустился полог, тихонько фыркнула.

— Что не так? — спросил я.

— Неведомые, — передразнила она. — Как будто это необитаемые... Здесь вполне ведомые.

— Для нас неведомые, — уточнил я.

— Вас можно не принимать во внимание, — сообщила она.

— Почему?

Она пожала прямыми плечами здоровой юной девушки.

— Мунтвиг завоюет ваши земли.

— Знаете, — сказал я, — перед тем как лечь спать, я пошлю людей, пусть наловят для вас целое корыто раков.

Она в изумлении вскинула брови.

— Зачем?

— Будете их учить свистеть, — сказал я. — Так что ложитесь спать, а я пойду распоряжусь насчет этих членистоногих.

Осталась она с раскрытым ртом или захлопнула, я смотреть не стал, вышел из шатра подчеркнуто уверенный и властный. Воины укладываются спать у костров, кое-кто еще ужинает, некоторые с раздражающим вжиканьем точат мечи, на них шикают, грозятся побить морды.

Часовые встревожились, когда я сказал, что мне для мыслительного процесса нужно пройтись вне лагеря, но пусть не тревожатся, все путем, далеко не отойду, посижу вот тут в высокой траве и вернусь...

В траве я в самом деле сел, потом лег, пробрался по низинке в крохотную ложбинку, а оттуда уже взметнулся птеродактилем, чуточку изменив внешность под достаточно известный вид хищных падальщиков с неприятным запахом и отвратительным несъедобным мясом.

Вид с высоты прекрасен... ну, наверное, говорят же так, и я скажу, зачем без надобности выбиваться из стада, это не столько необходимый конформизм, как простейшая уживаемость. Если сосед говорит, что сегодня прекрасная погода, мы всегда соглашаемся и поддакиваем и никогда не говорим, что погода сегодня говно, так не принято, это демонстрация то ли детского бунтарства, то ли неумения вести себя в обществе...

Так что серебристый лунный свет заливает, высвечивает, очерчивает таинственность, налет мрачной тайны, Луна — солнце мертвых...

На третьем гигантском круге вокруг лагеря я сообразил, что это были не простые перебежчики, а умело

заброшенная деза. У Мунтвига, значит, с этим дело тоже поставлено неплохо, а мнение о дуболоме, собравшем несметную орду и прущем на Юг, чтобы пограбить, увы, постепенно рассеивается.

Утром я уже писал, со злости ломая перья: «Ваше императорское величество, при всем желании не могу принять этот бесценный, без всякого сомнения, дар, ибо это у пчел можно красть мед и не чувствовать стыда, а незаконно присвоить женщину, принадлежащую другому, — это нечестно...»

Военачальники собирались в шатер, позевывая, Альбрехт заглянул в написанное, сказал быстро:

— Напишите, «не по-христиански». Мунтвиг всерьез мнит себя христианином, это на него подействует точнее.

Я зачеркнул «нечестно», ибо что такое честно, когда имеем дело с женщинами, написал «не по-христиански» и добавил «и не по-мужски» на тот случай, если он мужчина, все-таки не все носящие штаны — мужчины. Зачитал вслух.

Герцог Мидль посмотрел на меня со странным выражением, уж и не знаю, что подумал, но сказал вполне корректно:

— «Принадлежащую другому» тоже не совсем. Она же ему еще не принадлежит?

Сулливан прорычал:

— Лучше написать «предназначенную для использования другим». Это будет точнее.

— «Предназначенную», — согласился я, — лучше, а вот «для использования» — это как-то честно и по-мужски в лоб, прямо и точно, но мы же не вслух, а на бумагу! Там надо осторожнее, точность может выглядеть оскорбительной, нужно пофуфырить словами, это называется галантностью и вежливым обхождением, морды малограмотные!

Альбрехт заметил:

— Тогда просто вычеркнуть «для использования», это и так понятно, а «предназначенную» достаточно емко, хотя... не мешало бы добавить еще что-нить поубедительнее.

— Поубедительнее? — сказал я с раздражением. — Поубедительнее — это написать просто и честно: «Забери ее на хрен, она у меня в печенках», он это поймет, но когда еще наступит время либеральных ценностей, потому надо что-то витиеватое, с расшаркиванием и подпрыгиванием, желательно еще и помахиванием перьями на шляпе... вместе со шляпой, понятно.

Клемент спросил обеспокоенно:

— А не будет ли это помахивание умалением вашего достоинства?

— С чего бы оно умалилось? — спросил я оскорбленно. — Вон Мунтвиг выпихивает принцессу с самыми изысканными выражениями, даже не подумаешь, что в зад коленом, со стороны вообще кажется, от сердца отрывает и почти как бы страдает.

— Может, — предположил Макс наивно, — плюнуть на все и написать просто? Ваше высочество выше этикета!

— Может, у него советники получше? — спросил я сварливо. — Выше этикета только Господь Бог. Да и то кто знает, власть этикета безмерна!

Палант предположил:

— Может, ему чем-то доплатить?

— Богу?

— Мунтвигу!

— Обойдется, — сказал я. — Его женщина, пусть и забирает! Это нечестно — воспользоваться таким удобным случаем, что она сама ко мне попала якобы в плен.

— Компрометация? — предположил Мидль осторожно.

Я спросил с подозрением:

— А не пустил ли он удобный для себя слух, что я ее дефлорировал, и потому он всю такую дефлорированную не приемлет?

Сэр Норберт сказал твердо:

— Ваше высочество, опомнитесь!

— А что?

Он пояснил терпеливо:

— Мунтвиг по отношению к принцессе ведет себя как рыцарь. Ничего порочащего, полное уважение и предельная в рамках уважительность. Моя разведка такие слухи ловит и запоминает в первую очередь, люди есть люди.

— Тогда нужны юридические зацепки, — сказал я. — Не международный же суд создавать! Хотя для его создания любой повод хорош, а потом оставить в качестве прецедента и решать с его помощью разные проблемы спорных территорий...

— Можно, — вызвался Палант, — я его возглавлю?.. Нет?.. Ну ладно-ладно, только не бейте...

Норберт прислушался, сказал со вздохом:

— Копытца стучат. Похоже, принцесса возвращается.

— Да, это ее лошадка, — подтвердил Альбрехт, гордясь своим изумительным слухом. — Ваше высочество?

— Вот вы и подготовите черновик, — сказал я поспешно, — я внесу умные коррективы — и сразу сегодня же гонца к Мунтвигу!.. Военный совет окончен.

Оглавление

ЧАСТЬ I

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	53
Глава 7	64
Глава 8	72
Глава 9	78
Глава 10	87
Глава 11	95
Глава 12	105
Глава 13	116
Глава 14	121
Глава 15	130

ЧАСТЬ 2

Глава 1	141
Глава 2	151
Глава 3	161
Глава 4	170
Глава 5	179
Глава 6	186
Глава 7	197
Глава 8	203
Глава 9	213
Глава 10	220

Глава 11	229
Глава 12	237
Глава 13	250
Глава 14	257
Глава 15	264

ЧАСТЬ 3

Глава 1	274
Глава 2	280
Глава 3	290
Глава 4	296
Глава 5	306
Глава 6	313
Глава 7	325
Глава 8	334
Глава 9	341
Глава 10	350
Глава 11	357
Глава 12	367
Глава 13	378
Глава 14	386
Глава 15	392
Глава 16	401

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — КУРПРИНЦ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *Л. Козлова*
Компьютерная верстка *Е. Мельникова*
Корректор *Д. Горобец*

ООО «Издательство «ЭКСМО»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 127299, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru . E-mail: info@eksmo.ru.

Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,
Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 кеңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92,
факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан
Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 кеңсе.
Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Подписано в печать 30.11.2012.

Формат 84x108¹/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 экз. (1-й завод — 33 000 экз.). Заказ № 9164.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-61529-2

9 785699 615292 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-699-61529-2

9 785699 615292 >

Очищенные

Длинные Руки

Курицы